

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
О Т Д Е Л Е Н И Е Л И Т Е Р А Т У Р Ы И Я З Ы К А
П У Ш К И Н С К А Я К О М И С С И Я

ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1973

Редактор
академик М. П. АЛЕКСЕЕВ

В $\frac{0722-1170}{042 (02)-73}$ 271-73

© Издательство «Наука» 1973

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (девятый по общему счету) ставит своей задачей подвести итоги изучению и популяризации биографии и творческой деятельности Пушкина в 1971 г., хотя, ввиду трудности точного соблюдения в обозрениях заранее принятых хронологических пределов, в настоящем выпуске (как и в предшествующих) имеются небольшие отклонения от указанной даты и приводятся некоторые данные, относящиеся к более раннему времени, почему-либо упущенные составителями или ставшие им известными после выхода предшествующего выпуска «Временника».

Отдел «Материалов и сообщений», как и прежде, основан на документах архивного и музейного характера, публикуемых впервые. Открывает его статья Н. Я. Эйдельмана («Секретное донесение Геверса о Пушкине»), основу которой составляет депеша о гибели Пушкина, составленная Геверсом, секретарем нидерландского посольства в С.-Петербурге; текст этого важного документа публикуется по фотоснимкам, полученным из Нидерландского государственного архива. Две следующих статьи того же отдела посвящены малоизвестным или вовсе неизвестным изобразительным материалам. Статья Н. И. Грановской устанавливает, что в одном, ранее не определенном рисунке Пушкин графически изобразил свою няню — Арину Родионовну; статья Л. П. Февчук дает описание серии портретов членов семьи Пушкина из наследия А. Н. Гончаровой-Фризенгоф, хранящихся ныне в Словацком национальном музее в Братиславе.

В отделе «Обзоры» печатаются очередной библиографический перечень «Пушкиниана 1971 года» и составленный Я. Л. Левкович опыт критико-библиографического обозрения документальных ма-

териалов о Пушкине, опубликованных преимущественно в нашей стране за последние годы.

Довольно обширным на этот раз оказался отдел «Мелких заметок»: в нем публикуются небольшие статьи, касающиеся неизвестных ранее источников ряда произведений Пушкина, и дополнения к комментариям в собраниях его сочинений, текстологические разыскания, новые данные к биографии Пушкина, высказывания о нем зарубежных поэтов (например, А. де Виньи) из неопубликованных ранее архивных источников.

Заключает данный выпуск «Временника» отдел «Хроники», в котором собраны краткие сообщения о работах пушкинских музеев в СССР, старых и новых, о праздновании пушкинских дней в разных уголках нашей страны, об увековечении связанных с Пушкиным памятных мест и т. д.

Как и во всех предшествующих выпусках «Временника», в настоящем девятом выпуске все цитаты из Пушкина даются по «Полному собранию сочинений» Пушкина (тт. I—XVI, 1937—1949. Изд. АН СССР; если цитируемое издание не оговорено особо — в такой форме: Акад., том, страница (или номер письма); при многократных ссылках — без повторения условного обозначения «Акад.»).

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Я. ЭЙДЕЛЬМАН

СЕКРЕТНОЕ ДОНЕСЕНИЕ ГЕВЕРСА О ПУШКИНЕ

О существовании этого документа П. Е. Щеголеву было известно еще в начале нынешнего столетия. Уже в первом издании труда «Дуэль и смерть Пушкина» он сообщал о недоступных исследователям материалах в нидерландских архивах: «Кое-что об архивных бумагах мы знаем частным образом. Так, нам известно, что по делу Геккерн—Пушкин в архиве находятся «Донесения голландского министра в Петербурге (т. е. Геккерна), содержащие отчет о событиях, донесение уполномоченного в делах барона Геверса (заменившего барона Геккерна) о впечатлении, произведенном смертью Пушкина в С.-Петербурге, и, кроме того, выдержка из „Journal de St.-Pétersbourg“ с приговором над Дантесом».¹ Как будет показано ниже, сведения Щеголева были верны: в Государственном архиве Нидерландов действительно находилась, между прочим, указанные материалы, и только газетная вырезка была сделана из немецкого аналога указанной Щеголевым газеты — «St.-Petersburgische Zeitung». Первая крупная публикация соответствующих документов была осуществлена нидерландскими учеными в 1930-х годах.²

Среди девятнадцати документов, полностью или частично воспроизведенных в этой статье, под № XIII был помещен отрывок, касающийся дуэли и смерти Пушкина, из донесения Геверса нидерландскому министру иностранных дел Ферстолку Ван Сулену (Verstolk van Soelen) от 2 мая (20 апреля 1837 г.), а под № XIV —

¹ Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы П. Е. Щеголева. «Пушкин и его современники», Пгр., вып. XXV—XXVII, 1916, стр. 164—165 (далее при цитировании — Щеголев I). Кавычки внутри приведенной цитаты означают, что дается выдержка из полученного Щеголевым письма, — вероятно от русского посланника в Гааге Н. В. Чарыкова, пытавшегося еще в 1905 г. извлечь материалы о гибели Пушкина из Нидерландского архива. См.: Н. В. Ч а р ы к о в. Известия о дуэли Пушкина, имеющиеся в Голландии. «Пушкин и его современники», СПб., вып. XI, 1909, стр. 64—78.

² J. C. Baak et P. van Panhuys Polman Gruys. Les deux barons de Heeckeren: documents Néerlandais. «Revue des Études slaves», 1937, t. XVII, №№ 1—2, pp. 18—45 (далее — «Revue»).

приложение к [этому документу (из «St.-Petersburgische Zeitung»), — известное решение военного суда по делу Дантеса.³

Авторы публикации отмечали у Геверса «более сочувственный» взгляд на Пушкина, нежели в донесениях Геккерна. Большая часть отчета Геверса, однако, не была напечатана, и лишь в пяти печатных строчках⁴ изложена в «Revue des Études slaves».

Краткое сообщение о донесении Геверса попало в статью Г. Моргулиса, впервые сообщившего в советской печати о публикации нидерландских ученых.⁵ Тридцать лет спустя с подлинными документами в Государственном архиве Нидерландов ознакомился корреспондент ТАСС Ю. Корнилов.⁶ В 1970 г. руководство Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина запросило Государственный архив Нидерландов и Архив нидерландского королевского дома об имеющихся там материалах о дуэли и смерти Пушкина. Вскоре из Нидерландского государственного архива был прислан микрофильм семнадцати (с приложениями — двадцати) документов, числившихся там под рубрикой *Affaire Pouchkine*, составляющих «Переписку голландского посланника в Петербурге барона Геккерна с министром иностранных дел Нидерландов бароном Верстолком ван Суленом, и другие документы, связанные с дуэлью и смертью Пушкина».⁷

Полное научное издание всех указанных нидерландских документов подготовлено автором настоящей статьи для 34-го выпуска Записок Отдела рукописей ГБЛ.⁸

Среди поступивших документов особый интерес представляет донесение Геверса от 2 мая (20 апреля) 1837 г. Анализ этого документа, вместе с его первой полной публикацией, является предметом данной работы.

* * *

Гибель Пушкина и отъезд Геккерна из России вызвали оживленную дипломатическую переписку между Петербургом и Гаагой.

³ Щеголев I, стр. 34—35. Со времени издания исследования П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» в русской литературе установилась и стала традиционной та транскрипция имени Verstolk van Soelen, которую он дал в своей книге: Верстолк ван Зелен (см. стр. 08, 079, 164, 188, 190, 191, 195, 285). Мы нарушаем эту традицию и печатаем всюду Ферстолк ван Сулен на том основании, что *v* — 22-я буква голландского алфавита — обозначает звук, более близкий к русскому «ф», чем к «в», в особенности в словах (именах) северных Нидерландов (в южных провинциях этот звук произносится звонко); диграф «oe» транскрибируется русским «у».

⁴ «Revue», pp. 34—35.

⁵ Г. М о р г у л и с. Новые документы об убийце Пушкина. «Литературный современник», 1937, № 2, стр. 221—227.

⁶ Ю. К о р н и л о в. О чем рассказала папка «ван Геккерн—Пушкин». «Советская культура» от 4 января 1968 г.

⁷ Микрофильм (33 кадра) лег в основу фотопленок документов; ГБЛ, ф. 218 (собр. Отдела рукописей), 1347, №№ 1—5.

⁸ Предварительная публикация: Н. Э й д е л ь м а н. О гибели Пушкина. (По новым материалам). «Новый мир», 1972, № 3, стр. 201—226.

Депеши Геккерна министру иностранных дел Ферстолку, ответные послания министра, переписка Ферстолка с королем Нидерландов Вильгельмом I, переписка Николая I с сестрой, Анной Павловной, и ее мужем, наследником голландского престола принцем Вильгельмом Оранским, — вот перечень основных элементов этого комплекса.

Имя секретаря нидерландского посольства в Санкт-Петербурге упоминается при этом не раз. К сожалению, удалось найти немного сведений об этом человеке: из всех нидерландских и других европейских справочных изданий, имеющих в библиотеках Москвы и Ленинграда, скудные сведения об Иоганнесе Корнелиесе бароне Геверсе обнаружались только в современной книге нидерландских дворянских фамилий. Их этого источника мы узнали даты жизни Геверса: 1806—1872. В период описываемых событий ему было едва за тридцать лет, но, судя по осведомленности и связям, он служил в русской столице не первый год.

В ответ на несохранившееся письмо Николая I — принцу Вильгельму Оранскому (от 3 или 4 февраля 1837 г.), где царь вкратце сообщал о гибели Пушкина и необходимой отставке Геккерна, принц отвечал, между прочим, что находящийся в отпуску Геверс уже три дня как вызван и «стремительно возвращается».⁹ Однако отъезд Геверса из Гааги был задержан, возможно потому, что окончательная судьба Геккерна была еще не решена: даже в начале марта 1837 г. министр иностранных дел и король надеялись, что удастся избежать смены посланника, и пытались разграничить причастность Дантеса и ответственность Геккерна. В этой связи от Геверса был затребован и 7 марта 1837 г. получен рапорт о Дантесе, который был приложен к письму Ферстолка — королю Вильгельму I от 8 марта 1837 г. «Если я верно помню, — писал Геверс, — барон Дантес («приемный сын» барона фан Геккерна) прибыл в Санкт-Петербург в 1833 г., замешанный в заговорах Вандеи и вынужденный покинуть Эльзас, чтобы не подвергать опасности и преследованиям отца, проживающего в этой области».

«Перед французской революцией 1830 г. Дантес находился в военной школе Сен-Сир, и это обстоятельство весьма помогло его вступлению с офицерским чином в русскую армию. Ему повезло. Приблизительно через четыре месяца после его прибытия в Санкт-Петербург он стал корнетом кавалергардского ее императорского величества императрицы полка. Осенью 1836 он стал подпоручиком того же полка и, я полагаю, продолжает служить в том же чине».¹⁰

⁹ ЦГАОР, ф. 728 (рукописное собрание Библиотеки Зимнего дворца), оп. 1, № 1466, ч. VIII, Письма принца Оранского к императору Николаю I, 1813—1839, л. 17 (на фр. языке).

¹⁰ «Ревюе», р. 31. Фотокопия с автографа ныне в ГБЛ.

Все сведения Геверса о Дантесе были абсолютно точны: очевидно, дипломат уехал в отпуск не раньше осени 1836 г. и был хорошо осведомлен о том, что происходило прежде.

9 марта в Гаагу из Петербурга пришла депеша Геккерна от 25/13 февраля 1837 г., где посол сообщал о своем отъезде, «необходимость которого. . . была ясно продемонстрирована».¹¹ Вследствие этого 12 марта король Вильгельм I сообщил министру иностранных дел, а 14 марта Ферстолк известил Геккерна, что Геверс пускается в путь «для исполнения обязанностей поверенного в делах».¹²

Геверс выехал из Голландии в Петербург 20 марта. С ним вместе отправились депеши Ферстолка — Геккерну от 14 и 20 марта 1837 г.,¹³ неизвестное и ныне письмо Геккерну от принца Вильгельма Оранского и, наконец, письмо принца — царю 20 марта 1837 г., ответ на несохранившееся откровенное письмо Николая I по поводу Геккерна и Пушкина от 25/13 февраля.

Принц Оранский, не любивший Геккерна, в последнем документе, между прочим, противопоставлял ему Геверса: «Мне кажется, что во всех отношениях Геккерн не потеря и что мы, ты и я, долгое время обманывались на его счет. Я в особенности надеюсь, что тот, кто его заменит, будет более правдивым и не станет изобретать сюжеты для заполнения своих депеш, как это делал Геккерн».¹⁴ Понятно, Геверс перед отъездом получил инструкции от министра иностранных дел и, возможно, от членов нидерландского королевского дома. Среди этих инструкций, как видно будет из дальнейшего, имелось указание — подробно представить смысл случившегося, рассмотреть события глазами сравнительно нейтрального наблюдателя, находившегося в момент гибели Пушкина за тысячи километров от Петербурга.

Геверс прибыл в Петербург 6 апреля/25 марта 1837 г. после утомительного шестнадцатидневного путешествия, как видно из неопубликованной части его первой депеши Ферстолку от 15/3 апреля 1837 г.¹⁵

В течение нескольких дней Геккерн сдал дела Геверсу и утром 13 апреля 1837 г. навсегда покинул Петербург. Геверс остался поверенным в делах, а затем нидерландским посланником и пробыл в этой должности 35 лет, до 1872 г.¹⁶

Через 26 дней после своего возвращения в Петербург, 2 мая/20 апреля 1837 г., Геверс уже завершил свое подробное донесение министру иностранных дел.

¹¹ «Revue», p. 26. Фотокопия с автографа — в ГБЛ.

¹² ГБЛ, ф. 218. 1347. 2, 4.

¹³ ГБЛ, ф. 218. 1347. 4.

¹⁴ ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, № 1466, ч. VIII, л. 19.

¹⁵ ГБЛ, ф. 1347. 5. Часть этих документов опубликована П. Е. Щеголевым по копии (возможно — перлюстрации), хранившейся в Санкт-Петербургском архиве Министерства иностранных дел. См.: Щеголев I, стр. 285.

¹⁶ Nederland's Adelsboek, 1967, p. 208.

Документ этот, публикуемый по фотоконии с автографа, хранящейся в ГБЛ, занимает 13 страниц почтовой бумаги;¹⁷ к нему приложена уже упоминавшаяся вырезка из «St.-Petersburgische Zeitung» от 14/26 апреля 1837 г.

При сравнении с двумя другими, упоминавшимися выше, документами Геверса из того же комплекса материалов (рапорт от 7 марта и донесение от 15/3 апреля) ясно видно, что все три документа написаны и подписаны одной и той же рукой и, без сомнения, являются беловыми автографами Геверса. Незначительные пометки на донесении от 2 мая не меняют ясного представления о беловом тексте, содержание которого столь сложно и важно, что ему почти наверняка предшествовали черновые варианты.

Интересным и парадоксальным обстоятельством, связанным с историей этого документа, является существование другой его редакции, известной исследователям уже около 60 лет.

* * *

Как известно, П. Е. Щеголев через посредство Академии наук и Министерство иностранных дел получил и опубликовал в своей книге депеши одиннадцати иностранных дипломатов, освещавших историю дуэли и смерти Пушкина. Особенно содержательными оказались выдержки из семи донесений вюртембергского посланника — князя Гогенлоу-Кирхберга. «Его сообщения, — писал П. Е. Щеголев, — выдаются из ряда других дипломатических донесений обилием любопытных подробностей, а главное — ясным сознанием абсолютной ценности и значения творчества Пушкина. Очевидно, такое сознание побудило посланника не ограничиться фактическими сведениями о дуэли, смерти и суде, а приложить особую, и нельзя сказать что малую, записку о Пушкине — о его жизни, о его литературной деятельности, о его духовной и физической личности. Записка имеет большой интерес, и если ее сравнить с тем, что писано о Пушкине в иностранных газетах в 1837 г., то окажется, что она выгодно отличается от других писаний своей фактической стороной».¹⁸ Между тем «Записка» («Заметка») о Пушкине, присланная из архива Вюртембергского министерства иностранных дел в Штутгарте, является «близнецом» донесения Геверса. Основная часть обоих текстов совпадает дословно; в анонимной штутгартской рукописи есть отрывки, отсутствующие в донесении Геверса; наоборот, у нидерландского дипломата есть строки, отсутствующие в «Записке» из Вюртемберга.

¹⁷ По единой нумерации кадров микрофильма, присланного в ГБЛ из Нидерландов, — №№ 28—37; вырезка из газеты — № 38. По шифру ГБЛ — ф. 1347.5.

¹⁸ Щеголев I, стр. 221; см. также стр. 227—231.

Прежде чем вынести суждение о происхождении и соотношении двух документов, необходимо сопоставить их тексты. Ниже приводится донесение Геверса с указанием под строкой разночтений из «Заметки о Пушкине».

St. Pétersbourg, le 2 mai/20 avril 1837.

à Son Excellence
Monsieur le Baron Verstolk de Soelen
Ministre des Affaires Etrangères

Particulière

Monsieur le Baron,

Une tâche pénible m'est imposée en parlant de la fâcheuse catastrophe dont M. Pouschkine a été victime, mais il m'a paru que mon devoir m'obligeait à ne pas laisser ignorer à Votre Excellence la manière dont l'opinion publique se prononce sur la perte de cet homme remarquable, la gloire littéraire du pays. Il suffira de faire connaître le caractère et la personne de M. Pouschkine pour mettre Votre Excellence à même de juger du degré de popularité que le poète avait acquis. C'est dans ce seul but que je me suis efforcé de retracer ici le résumé impartial des diverses opinions que j'ai recueillies à ce sujet.

J'ai été frappé en arrivant dans les salons de cette capitale, du peu de ménagemens employés à l'égard de tout ce qui se rapportait à ce duel et aux circonstances qui l'ont précédé. Comme homme de lettres et poète, le mérite de Pouschkine lui a valu une grande réputation, qui s'est accrue encore par tout ce que sa mort a eu de tragique, mais comme représentant d'opinions trop avancées en égard aux institutions de son pays, Pouschkine a été diversement jugé par ses compatriotes.

En recherchant les causes de cette divergence de sentimens elles m'ont paru assez faciles à expliquer. Pour tout homme qui ayant vécu en Russie, aura pu étudier les éléments divers dont se compose la société, ainsi que ses habitudes et ses préjugés,^a la lecture des ouvrages de Pouschkine et sa biographie expliqueront clairement pourquoi leur auteur est peu estimé d'une partie de l'aristocratie, tandis que le restant^b de la société le porte aux nues et pleure sa mort comme une perte Nationale et irréparable.^c

Des allusions piquantes et pleines d'esprit, presque toujours adressées à de hauts personnages dont il démasquait ou les malversations ou les vices^d ont suscité à Pouschkine de nombreux et puissants ennemis. Une épigramme sanglante contre Arakcheeff,^e à propos d'une devise inscrite dans les armes de ce Ministre tout-puissant;^f une satire contre Ouvaroff, Ministre de l'Instruction Publique,^g pièce qui sous le titre d'imitation de Catulle, endormit la prudence habituelle de la Censure, et trouva place dans un journal littéraire; une réplique

^a *Particulière*. St. Pétersbourg, le 2 mai/20 avril 1837. Monsieur le Baron ~ ses préjugés / *Notice sur Pouschkin*. Pouschkin, poète remarquable, dont la réputation s'est accrue par tout ce que sa mort a eu de tragique, Pouschkin représentant d'opinions trop avancées, en égard aux institutions de son Pays, a été diversement jugé par ses compatriotes. A quoi faut-il attribuer cette différence de sentimens sur un homme dont la vie a toujours été publique! Cette question est facile à répondre pour quiconque aura vécu en Russie pour celui surtout qui aura su étudier les éléments divers dont se compose sa société, ainsi que ses habitudes et ses préjugés. ^b le restant / le reste ^c et pleure ~ irréparable / et décerne à sa mémoire les honneurs de l'ovation ^d ou les malversations / la malversation ^e Arakcheeff / Araktcheieff ^f les armes ~ tout-puissant / ses armes ... ^g Ministre ~ Publique *нет*

à Bougarine, où, tout en se défendant du reproche d'aristocratie, qui lui était imputé, Pouschkine³ s'attaquait aux premières maisons de la Russie; voilà les véritables crimes de Pouchkine, crimes d'autant plus graves⁴ que ses antagonistes étaient plus puissants⁵ et⁶ plus riches que lui, alliés aux principales familles et entourés d'une clientèle nombreuse. Il ne leur⁷ fut pas difficile d'exciter la susceptibilité du Pouvoir, car⁸ la tendance des écrits de Pouschkine ne donnait que trop de prise aux dénonciations de ses ennemis. Voilà, dis-je, les véritables causes⁹ de l'antipathie qu'une partie de la noblesse (surtout de celle en profession des premiers emplois de l'état)¹⁰ portait à Pouschkine pendant sa vie et que sa mort n'a point apaisé.¹¹ Voilà ce qui explique aussi¹² pourquoi tout en paraissant jouir des grâces du Souverain, Pouschkine n'en resta pas moins sous la main de la police.

La jeunesse au contraire toujours ardente, applaudissait¹³ aux productions libérales, malignes et parfois scandaleuses de cet auteur, imprudent il est vrai, mais courageux et spirituel. Les employés aussi,¹⁴ classe nombreuse représentant à peu près¹⁵ le tiers état, les employés s'empressèrent¹⁶ de battre des mains et¹⁷ font aujourd'hui l'apothéose d'un homme dans les écrits duquel plusieurs reconnaissent l'expression fidèle de leurs propres sentiments et dès lors Pouschkine fut par eux et à son insu peut-être adopté comme type d'opposition constante.¹⁸

Né à Moscou en 1799, Pouschkine est issu du côté paternel¹⁹ d'une des plus anciennes familles du pays.²⁰ Son grand-père maternel, fils d'un nègre recueilli ou acheté par Pierre le Grand et amené enfant en Russie, s'appelait Anibal; et parvint sous Catherine II au grade d'Amiral; c'est lui²¹ qui s'empara de Navarin, son nom et ses actions d'éclat se trouvent inscrits sur une colonne demi-rostrale, élevée à Tsarskoe-Selo.

C'est au lycée de Tsarskoe-Selo que Pouschkine fut élevé;²² ses cheveux épais et crépus, sa peau légèrement basanée, des traits heurtés, la fougue impétueuse de son caractère, tout révélait en lui²³ la présence du sang africain et sa jeunesse annonça de bonne heure les passions tumultueuses dont sa vie devait être plus tard²⁴ agitée. A 14 ans il composa une pièce de vers intitulée Tsarskoe-Selo, ainsi qu'une épître à Alexandre 1er,²⁵ pièces qui le firent²⁶ distinguer de ses professeurs.²⁷ Renvoyé peu de temps après du Lycée pour des étourderies de jeunesse, Pousch-

* Pouschkine / Pouschkin a tort ou a raison 4 graves / énormes 5 puis- sans / haut placés 6 et plus riches que lui / plus riches 7 leur / lui 8 car / car l'esprit et 9 Voilà ~ causes / Voilà les vraies causes 10 surtout de celle de l'état / et surtout de cette portion qui possédait les premiers emplois de l'état 11 apaisé / fait disparaître 12 Voilà ~ aussi / Voilà qui peut aussi expliquer 13 La jeunesse ~ applaudissait / La jeunesse russe applaudissait au contraire 14 aussi / surtout (Chinovniks) 15 à peu près / en quelque sorte 16 les employés s'empressèrent / s'empressèrent 17 et / ils 18 dans les écrits ~ constante / dont les écrits sont l'expression de leurs propres sentiments. Dès l'origine et à son insu peut-être, Pouschkin fut considéré par eux et adopté comme type d'opposition. Voici sa biographie avec un appréciation rapide de ses principales productions. 19 est issu ~ grand-père maternel / du côté paternel est issu 20 familles du pays / maisons. Un de ses aïeux, Ratcha, allemand d'origine et probablement Chevalier Teuto- nique, vint au 13-ème siècle (1252—62) s'établir en Russie et prit du service sous Alexandre Newsky. Le Ratcha est devenu la souche de plusieurs grandes familles russes et notamment des Pouschkin, des Bouterline, des Kamensky, des Julebine, des Metelew etc. Le grand père paternel de Pouschkin 21 c'est lui / c'est fut lui 22 fut élevé / reçut son éducation 23 en lui *нет* 24 être plus tard / plus tard être 25 1-er *нет* 26 firent / faisait 27 *Далее следует*: Il fut à cette occasion salué poète par le vieux Derjawine, ancien Ministre dont les poésies lyriques sont placées par les Russes bien au dessus de celles de J. J. Rousseau. (Entre autres productions de Derjawine la plus célèbre est son ode à Dieu, oeuvre sublime que l'Empereur de la Chine a fait traduire et placar- der dans son Palais afin de l'avoir continuellement sous les yeux).

kine fit paraître une Ode^a à la liberté et successivement^o une série d'autres productions^z imprégnées du même esprit, qui attirèrent^s sur lui l'attention publique et aussi plus tard celle du Gouvernement. Il lui fut enjointⁿ de quitter la capitale. La Bessarabie lui fut d'abord^k assignée pour séjour et ensuite^a il resta pendant cinq ans et jusqu'à la mort de l'Empereur Alexandre^m chez le comte Woronzof à Odessa.

Sur les instances de l'historiographeⁿ Karamsin, ami dévoué de Pouschkine et juste appréciateur de son talent,^o l'empereur Nicolas, dès son avènement au trôneⁿ le rappela et lui fit l'accueil le plus gracieux, comme on peut en juger par la réponse^p aux observations du Prince Wolkonsky à ce sujet. «Ce n'est plus l'ancien Pouschkine, dit l'Empereur^c c'est Pouschkine repentant et sincère; c'est mon Pouschkine enfin^r et désormais c'est moi seul qui veut^y être le censeur de ses écrits».

Néanmoins jusqu'à sa mort l'écrivain est demeuré sous la surveillance de la Police secrète.

En 1829 Pouschkine accompagna le Prince Paskewitch^φ pendant la campagne de Turquie et l'année suivante époque du choléra,^x il épousa Mademoiselle Gontchouff,ⁿ d'une beauté remarquable et dont le grand'père anobli était marchand.^z Après ce mariage il^m revint à St. Pétersbourg,^m sa femme^o fut admise à la Cour, et quelque tems après il fut nommé^o Gentilhomme de la Chambre. Pouschkine avait toujours affecté^a un grand mépris pour les emplois et pour la faveur en général, mais depuis que sa femme avait été reçue^a à la Cour, la raideur de ses opinions avait paru fléchir. A sa nomination à la charge de Gentilhomme de la Chambre, il se crut bressé, considérant ce rang^o comme bien au dessous de son mérite, ses idées reprirent dès lors leur première direction et il passa de nouveau à des principes d'opposition.

Ses ouvrages sont nombreux, tant en vers qu'en prose, parmi lesquels surtout se font remarquer *Les Bohémiens*, poésie légère, le Chef d'oeuvre de Pouschkine et que les Russes citent comme un modèle accompli dans son genre; les pièces fugitives sous les titres de Byron et de Napoléon jouissent également d'une réputation de grande beauté. Il a aussi publié un journal littéraire le Contemporain et travaillait depuis quelques années, par ordre de l'Empereur, à l'histoire de Pierre le Grand.^z

^a Renvoyé ~ une Ode / Après sa sortie du Lycée Pouschkin fit son ode^c successivement / bientôt^z d'autres productions / de productions^s qui attirèrent / attirèrentⁿ ⁿ Gouvernement enjoint / Gouvernement qui lui enjoignit^k d'abord *нет*ⁿ ensuite il resta / postérieurement il resteⁿ de l'Empereur Alexandre / d'Alexandreⁿ l'historiographe / l'historien^c son talent / ses talentsⁿ au trône *нет*^p la réponse / sa réponse^c dit l'Empereur *нет*^r *Далее* dit Nicolas^y veut / veut^φ le Prince Paskewitch / Paskewitch^x campagne de Turquie ~ du choléra / campagne de Turquie. L'année suivante, à l'époque du choléraⁿ épousa Mademoiselle Gontchouff / épousa à Moscou M-lle de Gontcharoff^z et dont le grand'père ~ marchand / dont le grand'père était marchand et avait été plus tard anobli.^m il / Pouschkin^m St. Pétersbourg / Pétersbourg^o sa femme / et sa femme^o et quelque tems après il fut nommé / et fut lui-même un peu de temps après nommé^a affecté / affiché^a avait été reçue / avait obtenu les entrées^o ce rang / cet honneurⁿ Ses ouvrages sont nombreux ~ Pierre le Grand / Ses principaux ouvrages sont:

Ruslane et Ludmilla, poème fantastique dans le genre d'Arioste comparé à l'Obéron de Wieland.

Le Prisonnier du Caucase. } Poèmes

La fontaine de Bactschisarai } Poèmes

Les Bohémiens — poésie légère, le chef d'oeuvre de Pouschkin que les Russes citent comme un modèle accompli dans son genre.

Les deux Brigands — narration.

Pultava, poème en vers blancs dont le vrai titre devait être Mazeppa.

Celui de Pultava lui a été donné par Pouschkin, afin d'écarter le re-

L'opinion des hommes de lettres lui accordent un style en général brillant,^r pur, facile et élégant. Il est envisagé comme n'appartenant[^] proprement à aucune des écoles qui se disputent aujourd'hui l'empire littéraire.^o En homme de génie il a su s'approprier les beautés des divers genres.^z Enfin il est^s en Russie chef d'une école dont aucun disciple n'a encore[^] atteint jusqu'ici la perfection du maître.

Son caractère était violent et emporté; il aimait le jeu et les émotions,[^] surtout dans sa jeunesse, car depuis quelque temps l'âge commençait chez lui à modérer les passions.[^] Il était distrait, sa conversation était pleine de charmes pour ses auditeurs, mais il était[^] difficile de le faire parler. Une fois engagé^z il s'exprimait avec élégance et clareté,^o son esprit était caustique et railleur.[^]

Son duel avec le baron de Heeckeren (d'Anthes) et les circonstances qui ont accompagné sa mort sont trop connus de Votre Excellence pour avoir besoin d'être consignées ici. Dans la lettre qu'il a écrite à mon chef, et qui fut cause du duel, on a peine à reconnaître l'écrivain pur et presque toujours décent, mais elle montre par les termes peu mesurés que la colère lui a imposé combien Pouschkin devait être ulcéré et combien il a été emporté par l'impétuosité de son caractère.^p

Longtems avant ce funeste duel des lettres anonymes écrites en français, tournant Pouschkin en ridicule en attaquant la vertu de sa femme,^o avaient

proche d'imitation de Byron, auteur aussi d'une pièce intitulée *Ma-zeppe* avec laquelle le *Poème de Pultava* n'a aucune ressemblance. Eugène Onéguine. Roman d'un beau style assimilé pour le genre et la forme à *Don Juan* de Byron.

Histoire de la révolte de *Pougatscheff*. D'un mérite très médiocre.

La maisonnette de *Columna* — médiocre aussi, poème coupé en octaves à l'imitation des stances de *Tasse*.

Le *Schal noir*. Petite pièce pleine de grace et de poésie.

Boris Godounoff. Drame bien écrit et conforme pour les données historiques aux récits de *Karamsin* qui représente le héros de cette pièce comme assassin du fils de *Jean IV*, et comme usurpateur de son trône, tandis qu'au jugement des *Chroniqueurs* plus modernes tels que *Oustrialoff*, *Pagodin*, *Craefsky*, *Boulgarine* etc., ce *Boris* fut au contraire élu par le Clergé, les Grands et le peuple.

Angelo. Traduction en vers de *Shakespeare*.

Nouvelles, parmi lesquelles on cite surtout la *Dame de pique* et la *Fille du Capitaine* et enfin un grand nombre de pièces détachées dont deux se font remarquer, l'une ayant pour titre *Byron*, l'autre intitulée *Napoléon*. *Napoléon*. *Pouschkin* a aussi publié un journal littéraire — le *Contemporain*.

^r L'opinion ~ pur / Son style en général est brillant, châtié [^] Il ~ n'appartenant / Il n'appartient ^o littéraire / des lettres ^z En homme ~ divers genres / En homme de talent il a su apprécier également les beautés classiques et romantiques ^s Enfin il est / Il est enfin [^] n'a encore / n'a pas même [^] les émotions / recherchait les fortes émotions [^] commençait ~ les passions / commençait à modérer en lui le feu des passions [^] mais il était / Il était [^] Une fois engagé / mais une fois engagé ^o clareté / clarté, apellant souvent à son secours les expressions françaises, quand elles devaient donner plus de force à sa phrase. [^] *Danez* néanmoins tout ceux qui l'ont connu s'accordent à le reconnaître comme un ami solide. ^p Son duel ~ son caractère / Son duel avec de Heeckeren et les circonstances qui ont accompagné sa mort sont trop connues pour devoir être consignés ici, mais, afin de bien juger son caractère, il n'est pas indifférent peut-être de lire sa lettre au dire de Heeckeren, lettre qui rendit tout accommodement impossible. Elle est remplie d'expressions qui montrent combien *Pouschkin* devait être ulcéré. On a peine à reconnaître l'écrivain pur et presque toujours décent dans les termes peu mesurés que la colère impose à ce caractère de feu. *L'Océan* a rompu ses digues, rien ne saurait l'arrêter. ^o à tournant *Pouschkin* en ridicule sa femme / et signées au nom de N. Président et du Comte de B. . Secrétaire perpétuel de la société des C.

été colportées et remises chez toutes les connaissances du poète, soit par des domestiques inconnus,^τ soit par la voie de^γ la petite poste. Plusieurs même étaient arrivées de l'intérieur (celle envoyée à Madame de Fiquelmont)^φ et portaient sur l'adresse, d'une écriture évidemment contrefaite, la prière de les remettre^χ à Pouschkine.

C'est à l'occasion de ces lettres que M. Joukofsky,^υ attaché à la personne du Grand Duc Héritier,^ν reprochant à Pouschkine de prendre trop à coeur cette affaire, en ajoutant que le monde était convaincu de l'innocence de sa femme «Eh, que m'importe répliqua-t-il, l'opinion de Madame la Comtesse ou la Princesse^ω une telle sur l'innocence ou la culpabilité de ma femme! La seule opinion dont je fasse cas est celle de cette classe secondaire, qui maintenant est la seule véritablement russe et qui accuse^π la femme de Pouschkine.»^ρ

Tels sont, Monsieur le Baron, les renseignements que j'ai pu réunir sur la personne du poète, j'espère qu'ils suffiront à faire comprendre à Votre Excellence combien sa popularité et les regrets littéraire qu'il a emportés dans la tombe, ont aggravé la manière dont l'opinion se manifeste sur les causes qui ont amené sa mort et combien cette circonstance est déplorable dans ses conséquences pour Monsieur de Heckeren. Une espèce d'amour propre national a fait surgir un intérêt qui ne se rapporte qu'au poète et non à l'homme privé, mais admirateurs et ennemis de l'écrivain tous sont d'accord pour le plaindre d'avoir été victime d'un malheur provoqué autant par la malveillance que par la légèreté la plus inconcevable et la plus imprudente. L'exactitude avec laquelle j'ai tâché d'exposer ces détails, leur vérité que je crois pouvoir en garantir me fait désirer que la lecture de cette lettre puisse offrir quelque intérêt et mériter l'attention précieuse de Votre Excellence.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect

Monsieur le Baron
de Votre Excellence le très humble et
très obéissant serviteur

Gevers

Je profite du départ d'un courrier anglais pour faire parvenir cette lettre à Votre Excellence.

Le journal allemand ci-joint donne dans son entier le jugement prononcé par l'auditoire général dans l'affaire du jeune Heckeren.

*Перевод **

Личное, С.-Петербург, 2 мая/20 апреля 1837 г.
Его превосходительству барону Ферстолку де Сулену,
министру иностранных дел

Господин барон!

Тягостная задача — говорить о прискорбной катастрофе, жертвой которой стал г. Пушкин, но мне представляется, что долг мой — не скрывать от Вашего превосходительства то, как высказывается общественное мнение по

^τ inconnus *нет* ^γ la voie de *нет* ^φ celle envoyée à Madame de Fiquelmont / entre autres celle de W. de P. ^χ remettre / faire parvenir
^υ M. Joukofsky / J ^ν attaché ~ Héritier *нет* ^ω Princesse / de M. la Princesse ^π accuse / amuse {?} ^ρ *Вместо последующего текста:*

A propos de ces lettres anonymes deux opinions sont répandues.

La plus accréditée dans le public désigne O. . .

L'autre, celle du pouvoir, se basant sur des identités de ponctuations, des habitudes de main et sur des rapprochements de papier incriminé H.

L'Abeille du 12 Avril contient la décision de S. M. l'empereur au sujet de Heeckeren.

* Перевод с французского М. И. Беляевой; с учетом перевода «Заметки о Пушкине» в книге Щеголева.

поводу гибели этого выдающегося человека, являющегося литературной славой своей страны. Достаточно обрисовать характер г. Пушкина и его как личность, чтобы дать Вашему превосходительству возможность судить о степени популярности, завоеванной поэтом. С этой единственной целью я и постарался вкратце и беспристрастно изложить здесь различные мнения, высказанные в связи с этим, которые мне удалось собрать.

Посещая салоны столицы, я был поражен бедеремонстностью, проявляемой в отношении всего, касающегося дуэли и обстоятельств, ей предшествовавших. Как литератор и поэт, Пушкин пользовался высокой репутацией, еще возросшей в силу трагизма его смерти; но как о представителе слишком передовых воззрений на порядки своей страны соотечественники судили о нем по-разному. Мне думается, что причины такого различия мнений нетрудно понять. Для каждого, кто, живя в России, мог изучить разнообразные элементы, из которых состоит общество, а также его обычаи и предрассудки, — знакомство с биографией Пушкина и чтение его произведений легко объясняет, почему их автор мало почитаем некоторой частью аристократии, тогда как остальное общество превозносит Пушкина до небес и оплакивает его смерть, как непоправимую национальную утрату.

Колкие и остроумные намеки, почти всегда направленные против высокопоставленных лиц, которые изобличались либо в казнокрадстве, либо в пороках, создали Пушкину многочисленных и могущественных врагов. Такова убийственная эпиграмма на Аракчеева по поводу девиза на гербе этого всесильного министра, сатира против министра народного просвещения Уварова — сочинение, которое своим заглавием — «Подражание Катулле» — усилило обычную бдительность цензуры и появилось в одном из литературных журналов; ответ Булгарину, где, защищаясь от упрека в аристократизме, Пушкин напал на влиятельнейшие дома России: вот истинные преступления Пушкина, преступления, усугубленные тем, что противники были сильнее и богаче его, были в родстве с знатнейшими фамилиями и окружены многочисленной клиентурой. Им было нетрудно вызвать настороженность властей, так как направление пушкинских сочинений давало его врагам достаточный повод для доносов. Вот, повторяю, истинные причины той антипатии, которую питала к Пушкину в течение всей его жизни некоторая часть знати (и особенно высшие должностные лица), — антипатии, которая не угасла и с его смертью. Это объясняет и то, почему Пушкин, казалось пользующийся милостью монарха, не переставал оставаться под надзором полиции.

А молодежь, как всегда пылкая, наоборот, приветствовала либеральные, лукавые, порой скандальные сочинения этого автора, — правда неосторожного, но смелого и остроумного. Также и многочисленный класс чиновников, являющийся своего рода третьим сословием, спешил аплодировать и ныне прославляет человека, в чьих сочинениях многие находили верное отражение собственных чувств, и Пушкин стал для них, быть может сам того не зная, символом неизменной оппозиции.

Пушкин родился в Москве в 1799 г. и принадлежал по отцу к одной из древнейших фамилий. Его дед по матери (по происхождению негр, подобранный или купленный Петром Великим и привезенный в Россию еще ребенком) звался Анибал; при Екатерине II он достиг адмиральского чина, был победителем при Наварине, его имя и славные деяния начертаны на полуростральной колонне, воздвигнутой в Царском Селе. Именно в Царкосельском лицее воспитывался Пушкин. Его густые и курчавые волосы, смугловатая кожа, резкие черты, пылкий характер — все выдавало наличие в нем африканской крови, и уже в ранней его молодости сказались те буйные страсти, которыми он был обуреваем впоследствии. В 14 лет он написал стихотворение «Царское Село», а также «Послание Александру I» — сочинения, которые были отмечены его учителями. Исключенный вскоре после того из лицея за мальчишеские проказы, Пушкин выпустил «Оду свободе» и затем, одно за другим, целую серию произведений, пропитанных тем же духом. Это привлекло к нему внимание общества, а позднее — и правительства. Ему было предписано покинуть столицу — местопребыванием ему назначена была сначала Бессарабия,

а затем он в течение пяти лет, до самой смерти императора Александра, оставался у графа Воронцова в Одессе. По настоятельным просьбам историографа Карамзина, преданного друга Пушкина и настоящего ценителя его таланта, император Николай, взойдя на трон, призвал поэта и принял его самым ласковым образом, о чем можно судить по ответу императора на замечание по этому поводу князя Волконского: «Это не прежний Пушкин, это Пушкин раскаивающийся и искренний, — мой Пушкин, и отныне я один буду цензором его сочинений». Тем не менее до самой своей смерти писатель оставался под надзором секретной полиции. В 1829 г. Пушкин сопровождал князя Паскевича во время турецкой кампании, а в следующем, холерном, году он женится на замечательной красавице мадемуазель Гончаровой, чей дед, возведенный в дворянство, был прежде кушом. После женитьбы Пушкин вернулся в Санкт-Петербург, жена его была принята при дворе, и некоторое время спустя ему дали чин камер-юнкера. Пушкин всегда проявлял глубокое презрение к чинам и ко всяким милостям вообще. Но с тех пор, как его жена стала бывать при дворе, резкость его убеждений как будто смягчилась. Будучи назначен камер-юнкером, он считал себя оскорбленным, находя этот ранг много ниже своих заслуг; его взгляды приняли прежнее направление, и он опять перешел в оппозицию. Его сочинения в стихах и прозе многочисленны, и среди них особенно примечательны «Цыгане», небольшое стихотворение, пушкинский шедевр, который русские считают образцом совершенства в этом жанре; мелкие стихотворения под заглавием «Байрон» и «Наполеон» также признаются прекрасными. Кроме того, он издавал литературный журнал «Современник» и по приказу императора несколько лет работал над историей Петра Великого.

По мнению литераторов, стиль у Пушкина вообще блестящий, ясный, легкий и изящный. Пушкина рассматривают вне всяких школ, на которые делится ныне литературный мир. Как личность гениальная, он умел черпать красоты из каждого жанра. И, наконец, в России он — глава школы, ни один из учеников которой не достиг до сей поры совершенства учителя.

У него был буйный и вспыльчивый характер; он любил, особенно в молодости, азартные игры и острые ощущения, но позже годы начали умерять его страсти. Он был рассеян, разговор его был полон обаяния для слушателей. Но вовлечь его в беседу было нелегко. Заговорив же, он выражался изящно и ясно, ум у него был язвительный и насмешливый.

Его дуэль с бароном Геккерном (д'Антесом) и обстоятельства, которые сопровождали его смерть, слишком хорошо известны Вашему превосходительству, чтобы нужно было здесь говорить об этом. В письме, которое Пушкин написал моему начальнику и которое явилось причиной дуэли, едва можно узнать писателя, язык которого чист и почти всегда пристоеен, — он пользуется словами мало приличными, внушенными ему гневом, и это показывает, до какой степени Пушкин был уязвлен и как далеко увлекла его пылкость характера!

Задолго до гибельной дуэли анонимные письма на французском языке, марающие добродетель его жены и выставляющие Пушкина в смешном виде, были разсланы всем знакомым поэта, либо через неизвестных слуг, либо по почте. Некоторые пришли даже из провинции (например, письмо к госпоже де Фикельмон), причем под адресом, явно подделанным почерком, стояла просьба передать их Пушкину. Именно в связи с этими письмами господин Жуковский, наставник наследника, пенял Пушкину, что тот слишком близко принимает к сердцу эту историю, и добавлял, что свет убежден в невинности его жены. «Ах какое мне дело, — ответил Пушкин, — до мнения графини такой-то или княгини такой-то о невинности или виновности моей жены! Единственное мнение, с которым я считаюсь, — это мнение среднего сословия, которое ныне — одно только истинно русское, а оно обвиняет жену Пушкина».

Таковы, господин барон, сведения, которые мне удалось собрать, о личности поэта; надеюсь, что их достаточно для того, чтобы объяснить Вашему превосходительству, насколько популярность Пушкина и литературные

надежды, которые он унес с собой в могилу, повлияли на выражение общественного мнения по поводу причин его смерти и насколько это обстоятельство оказалось прискорбным по своим последствиям для г. Геккерна. Своего рода национальное самолюбие вызвало участие, относящееся только к поэту, а не к частному лицу; и поклонники, и враги писателя — все единодушно жалеют его как жертву несчастья, порожденного столь же недоброжелательством, сколь самым непостижимым и неосмотрительным легкомыслием.

Точность, с которой я пытался изложить эти детали, их подлинность, за которую, мне кажется, я могу поручиться, — все это заставляет меня желать, чтобы чтение настоящего письма представило некоторый интерес и заслужило внимание Вашего превосходительства.

Имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга.

Геверс

Пользуюсь отъездом английского курьера, чтобы доставить это письмо Вашему превосходительству.

Прилагаемая немецкая газета дает в целом представление о приговоре, вынесенном по делу молодого Геккерна.¹⁹

* * *

Возможно указать на три альтернативных соотношения двух приведенных документов: либо записка Гогенлоэ первична, а Геверса — вторична; либо — наоборот; либо, наконец, оба текста восходят к некоему третьему «протографу».

П. Е. Щеголев, не зная о двух редакциях одного и того же текста, был склонен считать автором «записки» князя Гогенлоэ-Кирхберга: действительно, документ приложен к депешам вюртембергского посланника; князь Гогенлоэ хорошо знал Россию: в 1812 г. он жил здесь в плену; с января 1825 г. был вюртембергским посланником; в 1833 г. женился на русской, Е. И. Голубцовой; хорошо знал русских литераторов — Пушкина, Вяземского, Жуковского, позже — Лермонтова.²⁰

Однако версия об авторстве князя Гогенлоэ не может быть принята.

Выдержки из его депеш, опубликованные Щеголевым, находятся в известном противоречии с «Заметкой о Пушкине». Так, Гогенлоэ, понимая значение Пушкина, не в одной депеше подчеркивает благодеяния Николая I к семье покойного,²¹ в то время как в «Заметке» об этом ни слова; наоборот — пафос ее в том, что официальное благоволение властей к Пушкину сочеталось с тайным надзором и преследованиями поэта.

Гогенлоэ отмечает 21/9 февраля 1837 г., что об этой злополучной дуэли больше не говорят, в «Заметке» утверждается обратное.

В депешах — много о Геккерне; в «Заметке» тема Геккерна почти обходится, что было бы странным для автора из Вюртемберга, но понятно для автора-голландца.

¹⁹ Текст получен адресатом (очевидно, Ферстолком) 16 мая 1837 г.

²⁰ См.: «Литературное наследство», тт. 45—46, 1948, стр. 399—400, 408—409.

²¹ См.: П. Е. Щ е г о л е в. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. ГИЗ, М.—Л., 1928, стр. 387 и сл. (далее — Щеголев III).

В то же время автографическая рукопись Геверса, его ссылки на собственные наблюдения («... я был поражен бесцеремонностью...» и т. п.), вступительная часть донесения, отсутствующая в «Заметке» и объясняющая происхождение документа («... я и постарался вкратце и беспристрастно изложить здесь различные мнения...»), конец донесения («Точность, с которой я пытался изложить эти детали, их подлинность, за которую, мне кажется, я могу поручиться...», и т. д.) — все это говорит именно об авторстве Геверса.

Странным и опасным было бы для голландского дипломата столь точно скопировать записку посланника другой страны и представить ее как свою. Наоборот, Гогенлоэ мог скопировать рукопись Геверса, опустив обращение и другие места, «выдававшие» ее происхождение. Между прочим, в Вюртемберге, очевидно, и не считали автором «Заметки» князя Гогенлоэ-Кирхберга: копии документов из Штутгартского архива отправились в Россию вместе с сопроводительным письмом русского дипломата К. Нарышкина от 14 февраля 1909 г., который сообщил: «Господин Вейцкер... весьма любезно доставил мне также прилагаемую при сем копию записки о Пушкине, неизвестно кем составленную и которая хранится при тех же донесениях князя Гогенлоэ-Кирхберга в архиве Вюртембергского министерства иностранных дел».²²

Итак, есть много оснований считать автором документа Иоганна Геверса.

Однако в «Заметке» Гогенлоэ имеется три сравнительно больших отрывка, отсутствующих в донесении Геверса: во-первых, подробности о предках Пушкина; во-вторых, куда более длинный список его произведений, нежели в донесении Геверса; в-третьих, различные мнения по поводу авторства анонимных писем. Именно эти подробности Геверс мог бы снять, перебеляя черновое донесение: его задачей было вызвать, как он пишет, «некоторый интерес» и «внимание» своего министра; — между тем Ферстолку как раз были малоинтересны отступления о предках и слишком длинный перечень сочинений Пушкина.

Следы явного, не очень умелого сокращения списка пушкинских произведений ясно видны в донесении Геверса: случайно выделены несколько стихотворений, поэм, произвольно выброшены очень важные названия («Евгений Онегин», «Борис Годунов», повести). Наконец, обзор мнений об авторах анонимных писем (поскольку в «Н.» угадывается Геккерн) мог быть в конце концов убран Геверсом из опасения — сказать «слишком много». Министр Ферстолк, как видно из его переписки с Геккерном, весьма сочувствовал посланнику; в то же время Геверс мог опасаться своего бывшего шефа (о чем будет сказано ниже).

²² ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 71, л. 52 (курсив мой).

Таким образом, источником «Заметки Гогенлоэ», вероятно, послужил первый, черновой, вариант донесения Геверса.

О более раннем тексте «Заметки» Гогенлоэ говорит, между прочим, и ссылка на «Северную пчелу» от 12 апреля, где была помещена резолюция Николая I насчет Дантеса; между тем к докладу Геверса приложена та же резолюция из «St.-Petersburgische Zeitung» от 14/26 апреля 1837 г. Понятно, что для нидерландских и вюртембергских министров более предпочтительна ссылка на официоз, издающийся по-немецки, нежели на русскую «Пчелу». Очевидно, в момент рождения первого варианта текста «Пчела» уже вышла, а «St.-Petersburgische Zeitung» — еще нет; если так, то текст, явившийся основой для «Заметки Гогенлоэ», был подготовлен 12—14 апреля 1837 г. (старого стиля).

За несколько дней, между 14 и 20 апреля, Геверс мог сократить и переписать донесение.

Естественный вопрос — как оказалась у вюртембергского посланника копия секретного доклада нидерландского поверенного в делах?

Гогенлоэ, вероятно, был коротко знаком с нидерландскими дипломатами, так как в его донесениях мелькают подробности о делах Геккерна: в депеше от 6/18 февраля уже сообщалось о письме Геккерна своему королю с просьбой об отставке;²³ между тем это прошение было отправлено накануне. Любопытно, что еще за несколько дней до прибытия Геверса, 20 марта/1 апреля 1837 г., Гогенлоэ извещал свой кабинет: «Барон Геккерн-отец получил от своего правительства разрешение на шестимесячный отпуск, которым он воспользуется тотчас по возвращении в Петербург г. Геверса. Последний примет вновь обязанности поверенного голландского короля, которые он уже неоднократно исполнял во время отлучек барона Геккерна».²⁴ Другие посланники упомянули Геверса только после его появления в Петербурге; создается впечатление, что Гогенлоэ знал Геверса, ибо единственный сообщает о неоднократном исполнении им роли поверенного в делах.

Таким образом, можно предположить какое-то дружеское общение, обмен информацией между двумя дипломатами; во всяком случае сам факт сообщения «Заметки» Геверса в депеше Гогенлоэ свидетельствует об интересе и сочувствии вюртембергского посланника к содержанию донесения.

П. Е. Щеголев высоко оценил изучаемый документ (в известной ему редакции) как по содержанию, так и по выраженному в нем отношению к Пушкину. Действительно, донесение Геверса должно поставить особняком среди других «первых биографий» поэта: в нем сравнительно немного ошибок на фоне того, что часто писали иностранцы о Пушкине, причем неточности относятся пре-

²³ Щеголев III, стр. 388.

²⁴ Щеголев III, стр. 389.

имущественно к событиям, удаленным во времени и незнакомым молодому нидерландскому дипломату: так, он ошибается, полагая, что «победитель при Наварине» был дедом (а не двоюродным дедом) Пушкина, что Пушкина исключили из Лицея (хотя любопытно, что в 1837 г. такой слух существовал!); упоминая о бессарабской и одесской службе поэта, Геверс не знает михайловского периода. В то же время донесение Геверса отличается богатством фактов, живостью, страстностью изложения, несомненным сочувствием к великому поэту. Отчасти, только отчасти, некоторые острые места документа (определившие, по-видимому, его отправку не обыкновенной дипломатической почтой, а через посредство английского курьера) могут быть объяснены дипломатическими соображениями: «честь мундира» не позволяет посланнику прямо противоречить предшественнику: Геверс обходит вопрос о степени его вины или участия Геккерна, да и вообще почти не называет прежнего посла. При этом, возможно зная мнение своего министра, Геверс делает нажим на те обстоятельства русской жизни, которые привели к гибели русского поэта (грубо говоря, логика его такова: убийц надо искать не в голландском посольстве, а в самой России); в этом смысле Геверсу выгодно подчеркнуть противоречия Пушкина с властью и аристократией — и он это делает довольно решительно. Как уже отмечалось, в донесении нет ни слова о том, что являлось общим местом официозной легенды о «милостях государя» к умирающему Пушкину и его семье. Как бы в противовес ей не раз отмечен тайный надзор, под которым находился поэт (и этим ставятся под сомнение роль и суждения Николая I в пушкинском деле, а кстати достается и «главным государственным деятелям», т. е. Бенкендорфу, Нессельроде. . .). Горячность и оппозиционность Пушкина, сочувствие к нему молодежи и «третьего сословия» — во всем, что пишет об этом Геверс, много правды. В то же время правильный вывод о взрыве национального самолюбия в связи с гибелью поэта полезен Геверсу для завершения схемы: ищут виновных в голландском посольстве, ибо должен быть виновник, — и это «несчастное обстоятельство для барона Геккерна».

Однако эти мотивы хотя и необходимы, но явно недостаточны для исчерпывающего объяснения воззрений Геверса.

Ведь и Геккерн в своих депешах непосредственно после гибели Пушкина пытался отвести вину от голландского посольства и говорил о возмущении «русской партии», однако, притом чересчур прямолинейно, высказывал свою неприязнь к Пушкину, убеждая свое начальство в существовании российской революционной «партии» во главе с Жуковским, влияющей на царя и использующей смерть Пушкина в своих целях.²⁵

²⁵ Особенно в депеше Геккерна — Ферстолку от 17/5 марта 1837 г.: Фотокопия ГБЛ, 1218. 1347. 1. Частично опубликована в «Review», pp. 32—33.

Хотя Геверс в окончательном тексте донесения почти не упоминает Геккерна, однако по существу опровергает его последние депеши, демонстрируя их лживую тенденциозность. Не случайно, конечно, голландский поверенный в делах сохранил в тайне от прежнего начальника свое донесение министру: через тридцать дней после того, как Геверс подробно описал «бесцеремонные» суждения петербургских салонов по поводу гибели Пушкина, он же сообщал Геккерну (письмо от 15/27 мая): «В свете не поднимают больше вопросов о смерти Пушкина. С первого дня моего приезда я избегал и прерывал всякий разговор на эту тему; вражда общества, исчерпав свой яд, наконец, стихла. Император принял меня несколько дней тому назад в частной аудиенции; все, что касалось этого дела, тщательно избегалось».²⁶

Прослужив к 1837 г. уже несколько лет в Петербурге, Геверс, почти без сомнения, знал Пушкина, возможно, общался с ним и, конечно, имел с поэтом общих знакомых.

Однако, каковы бы ни были личные связи поэта и голландского дипломата, — в момент дуэли последний отсутствовал в России и прибыл туда через два месяца после трагической развязки. Очень важно поэтому выявить источники, на основании которых Геверс в апреле 1837 г. составил свой доклад министру иностранных дел, в особенности источники, из которых почерпнуты наиболее интересные факты.

* * *

Некоторые суждения Геверса могли быть интерпретацией салонных толков (перечень сочинений, сведения о чтении оды Державина китайским императором и т. п.). Однако нерасшифрованное в «Заметке о Пушкине» (из Вюртембергского архива) имя собеседника Пушкина — Ж («J») — в донесении Геверса представлено полностью: *Жуковский*. Приводится важный разговор двух поэтов, который мог состояться скорее всего в ноябре 1836 г. — в то время, когда Жуковский прилагал усилия к погашению первой дуэльной истории. Разумеется, нельзя ручаться, что Геверс передает слова Пушкина достаточно точно, но слова Жуковского об уверенности света в невинности Н. Н. Пушкиной, конечно, очень характерны для него и, вероятно, говорились не раз. Зато пушкинский ответ на увещания друга звучит для нас несколько неожиданно. Если ирония по адресу «графини» и «княгини» кажется для Пушкина естественной, то непонятно — что это за обвинения в адрес Натальи Николаевны со стороны «среднего класса»?

Если слова Пушкина переданы верно, то это может означать, что в преддуэльные месяцы к нему дошли толки «со стороны» — мнение «публики» о просочившихся слухах насчет семейных обстоятельств поэта.

²⁶ Щеголев III, стр. 351.

Разумеется, ссылка на Жуковского не доказывает прямых контактов с ним, нидерландского дипломата, — но вполне вероятным представляется использование Геверсом сведений, восходящих к Жуковскому (пусть полученных косвенным путем, через третьи руки).

В пользу этого предположения говорит несколько фактов. Прежде всего, некоторые мотивы донесения Геверса очень близки к доводам, изложенным в известном неотправленном письме В. А. Жуковского — А. Х. Бенкендорфу (особенно во второй, черновой, его редакции). Одна из главных и наиболее смелых мыслей Жуковского — ощущение Пушкиным в последние годы «раздражительной тягости своего положения». ²⁷ «Позвольте сказать искренно, — писал Жуковский. — Государь хотел своим особенным покровительством остепенить Пушкина и в то же время дать его гению полное его развитие; а Вы из сего покровительства сделали надзор, который всегда притеснителен».

Сходство с отчетом Геверса здесь почти текстуальное: «Пушкин, казалось пользующийся милостью монарха, не переставал оставаться под надзором полиции». И еще раз, говоря о хорошем приеме поэта царем в 1826 г., нидерландский дипломат поясняет: «Тем не менее до самой своей смерти писатель оставался под надзором секретной полиции». Заметим, что о самом факте полицейского надзора за Пушкиным после 1820 г. официально не было известно и Жуковский первый рискнул заговорить об этом в письме (неотправленном) к Бенкендорфу, так как *имел право* теперь об этом знать: ведь ему было приказано ознакомиться с перепиской покойного поэта и, между прочим, прочитав письма самого Бенкендорфа (произведшие на Жуковского тягостное впечатление): «. . . сердце мое сжималось при этом чтении. Во все эти двенадцать лет, прошедшие с той минуты, в которую государь так великодушно его присвоил, его положение не переменилось; он все был как буйный мальчик, которому страшишься дать волю, под строгим, мучительным [сначала было — «непрестанным»] надзором». ²⁸

В том же послании Жуковский писал о стихах «К Лукуллу», подчеркивая, что правительство напрасно приняло это на свой счет: «Какое дело правительству до эпиграммы на лица?»; ²⁹ у Геверса говорится о том же, в частности о «некоторой части знати», «высших должностных лицах», вредивших поэту.

Тут, конечно, полускрыт намек прежде всего на Бенкендорфа, которого отчасти винит и Жуковский, при всей сдержанности своего тона.

Письма Жуковского и Геверса почти одинаково толкуют о пылкой молодежи, возмущенной и оскорбленной убийством националь-

²⁷ Щеголев III, стр. 252.

²⁸ Щеголев III, стр. 246.

²⁹ Щеголев III, стр. 248.

ного поэта, об анонимных письмах, раздраженном самолюбии Пушкина. Разумеется, сходство сюжетов во многом объясняется самой темой обоих посланий. Однако по силе откровенности, по характеру обвинений высших властей мы собственно не имеем документов 1837 г., подобных черновой части письма В. А. Жуковского к шефу жандармов.

Заслуживает серьезных размышлений сходство этой рукописи с отчетом Геверса, — как раз в части самых резких обличений «раздражительной тягости» полицейского надзора.

Тот факт, что Жуковский не послал письма и спрятал его в своем архиве, не только не противоречит возможному распространению его подлинного мнения, но, кажется, только усиливает эту возможность. Такое письмо без последующего его отправления по адресу, конечно, лежало камнем на сердце у В. А. Жуковского. Вместе с Вяземским он по-своему пытался многое сделать для памяти Пушкина. Впечатления от чтения «полицейских» писем Бенкендорфа к Пушкину не могли как-то не выйти наружу. Видимо, Жуковский сообщил о них иностранному дипломату.

Высказанное соображение о Жуковском как источнике информации (возможно, косвенном) для Геверса может быть усилено некоторыми другими наблюдениями. Мы ничего не знаем о «настоятельных просьбах Карамзина» — вернуть Пушкина из михайловской ссылки. Между тем такая просьба была весьма вероятной. В конце 1825 и начале 1826 г. Николай I, как известно, не раз беседовал с Карамзиным, который рекомендовал царю некоторых лиц. Считалось, что Николай I принял во внимание просьбу Карамзина, выдвинув на значительные государственные посты двух «арзамасцев» — Д. Н. Блудова и Д. В. Дашкова.³⁰ Для умиравшего в начале 1826 г. Карамзина, прежде уже заступавшегося за Пушкина перед властями, было бы естественно замолвить слово за опального поэта перед новым императором, посоветовать Николаю привлечь к себе гений Пушкина.

Понятно, что о таком совете, если он был, Пушкин и его друзья не стали бы распространяться: это уменьшало бы инициативу самого императора. Ближайший друг Карамзина, постоянный заступник Пушкина, Жуковский, однако, должен был знать обо всем.

Значительный интерес представляет рассказ Геверса о приеме Пушкина Николаем I в 1826 г. Все известные воспоминания об этом событии — А. В. Веневитинова,³¹ Кс. Полевого,³² В. Ф. Вя-

³⁰ См.: Е. К о в а л е в с к и й. Граф Блудов и его время (царствование императора Александра I). СПб., 1866, стр. 169. Об этом же факте свидетельствует А. Д. Блудова и другие мемуаристы.

³¹ «Русская старина», 1880, № 3, стр. 675. А. П. Пятковский писал, что А. В. Веневитинов «мог слышать всю эту историю из первых уст».

³² Записки Кс. Алексеевича Полевого. СПб., 1880, стр. 201.

земской³³ — были записаны и напечатаны много позже, чем составлялся отчет дипломата.

Описание Геверса вполне совпадает с этими источниками, и ближе всего к наиболее авторитетному рассказу В. Ф. Вяземской, единственному, где царь произносит не просто «теперь он мой» («этот Пушкин мой»), но — «теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин») (у Геверса: «Ce n'est plus l'ancien Pouchkine. . . c'est Pouchkine repentant et sincère; c'est mon Pouchkine» и т. д.). Веневитинов и Полевой говорят, что царь обратился к «приближенным» («окружающим его») особам; Геверс сообщает неизвестную подробность: министр двора П. М. Волконский (естественно, находившийся на первом плане среди приближенных) выразил удивление по поводу такого «успеха» Пушкина; царь ответил Волконскому. . .

Правдоподобность записи Геверса еще раз подтверждает, что его информация восходила отчасти к близкому окружению Пушкина — Жуковскому, может быть Вяземским и др. Особый интерес представляют строки Геверса, посвященные анонимному преддурельному пасквилю. Хотя они не раз публиковались Щеголевым в составе вюртембергской «Заметки о Пушкине», а также вошли в отрывок из донесения Геверса, который воспроизводился в *Revue des Études slaves*, однако этот текст почти не привлекал внимания историков дуэли. Вероятно, одна из причин тому — досадная ошибка в переводе «Заметки о Пушкине», оказавшаяся в книге П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина»: вместо правильного «некоторые письма даже пришли из провинции» («de l'intérieur») — там почему-то напечатано: «. . . некоторые из этих анонимных писем были доставлены даже знакомыми».³⁴ В «Записке о Пушкине» из Вюртембергского архива после этого было указание на письмо, доставленное В. П. («celle de W. de P.»).³⁵ Происхождение этих инициалов пока не поддается объяснению; между тем у Геверса ясно сказано о письме «к госпоже де Фикельмон» («celle envoyée à Madame de Fiquelmont»).

Это единственное известие об анонимном пасквилие против Пушкина, полученном женой австрийского посланника. Пушкин писал Бенкендорфу 21 ноября 1836 г., что «семь или восемь человек получили в один и тот же день по экземпляру» (Акад., XVI, 191). В настоящее время известно о получении пасквиля шестью адресатами: А. И. Васильчиковой, Е. М. Хитрово, В. Ф. Вяземской, М. Ю. Вьельгорским, А. О. Россет и Карамзиными.³⁶

³³ «Русский архив», 1888, № 7, стр. 307.

³⁴ Щеголев III, стр. 395.

³⁵ Щеголев I, стр. 231.

³⁶ Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Изд. «Наука», Л., 1964, стр. 339 (комментарии к письму Пушкина — Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г.).

Арина Родионовна. Рисунок Пушкина.

Предполагаемый портрет Арины Родионовны, няни
Пушкина.

Как видно, до пушкинских «семи или восьми человек» не хватает еще одного-двух близких ему лиц.

Дарья Федоровна («Долли») Фикельмон, без сомнения, может считаться столь же близким поэту человеком, как большинство получивших по почте анонимный диплом. Заметим, что авторы пасквиля старались более уязвить Пушкина, адресуя большую часть экземпляров женщинам — друзьям поэта. Так, в дом Вяземских диплом пришел на имя княгини Веры Федоровны; столь же предусмотрительно пасквиль отправили к тетушке В. А. Соллогуба А. И. Васильчиковой, а также — Е. М. Хитрово.

Геверс, по светским и дипломатическим связям, мог легко узнать о получении пасквиля в доме австрийского посланника Фикельмона, в конверте, адресованном на имя его жены.

Подробности о самом пасквиле, разных почерках на конверте и прочее обнаруживают значительную осведомленность нидерландского дипломата во всей этой истории. Поэтому почти не вызывает сомнений, что существовал экземпляр «диплома», отосланный Д. Ф. Фикельмон. Заслуживает серьезных размышлений и указание на то, что последний документ прибыл «из провинции». Как известно, письма, отправлявшиеся внутри Петербурга, шли через особый почтовый канал и легко могли быть сопоставлены с письмом, пришедшим «извне». Остается гадать, действительно ли письмо к Фикельмон было отправлено не из Петербурга (впрочем, это могло быть с первой же почтовой станции за городом) или авторы пасквиля каким-то образом отправили его из города, но не по городской почте.

Геверс акцентирует последнюю подробность, так как в скрытой форме это — комментарий к слухам о причастности к авторству и распространению пасквиля барона Геккерна. В первой редакции отчета Геверса — «варианте Гогенлоэ» — находилась приписка о двух мнениях относительно авторов анонимных писем. «Наиболее пользующееся доверием публики указывает на О. Другое мнение, мнение власти. . . ; обвиняет Н». Щеголев считал, что подразумевается С. С. Уваров (Ouvarov) и Геккерн (Heeckeren).

Как видим, в окончательном варианте Геверс снял эти сведения и вообще оставил сюжет «без обсуждения», как бы предоставляя своему начальству самому делать выводы из приведенных фактов (о подозрениях насчет Геккерна, кстати, знали в Гааге от самого Геккерна, прежде жаловавшегося в своих отчетах, что ему без основания приписывается авторство анонимных писем).

Так или иначе, сведения Геверса о Д. Фикельмон — еще одна важная подробность к зловещей тайне анонимных писем.

К сожалению, в дневнике Д. Фикельмон, как сообщил автору статьи М. И. Гиллельсон, нет никаких записей, относящихся к этому событию: дневник, как известно, велся неравномерно, иногда записи (как, например, известные строки о смерти Пушкина) делались «задним числом», спустя некоторое время после

происшедшего. Как и в вопросе о Жуковском — «информаторе» Геверса, — мы не беремся определять, записывает ли нидерландский поверенный в делах рассказ самого очевидца или пользуется посредничеством (например, князя Гогенлоэ-Кирхберга). Заметим только, что еще одна запись Геверса — о манере пушкинского разговора — очень близка к соответствующему рассказу Д. Ф. Фикельмон.

Геверс: «Пушкин. . . был рассеян, разговор его был полон обаяния для слушателей. Вовлечь его в беседу было нелегко, заговорив же, он выражался изящно и ясно, ум у него был язвительный и насмешливый».

Д. Ф. Фикельмон: «Когда он [Пушкин] говорит, забываешь о том, чего ему недостает, чтобы быть красивым, — он так хорошо говорит, разговор его так интересен, — сверкающий умом, без всякого педантизма».³⁷

Разумеется, и это сходство могло быть порождено совпадением независимых друг от друга наблюдений, но мы должны констатировать близость описания Геверса (как и в нескольких других местах его отчета) к воспоминаниям людей, хорошо знавших поэта и дружески к нему расположенных.

В данной работе, конечно, не исчерпаны возможности, открывающиеся для пушкинистов при изучении донесения Геверса.

Надо думать, в будущем удастся обнаружить новые подробности о самом Геверсе и дипломатической переписке 1837 г. в нидерландских архивах; подлинник «Заметки о Пушкине», принадлежавшей князю Гогенлоэ-Кирхбергу, и другие документы из вюртембергских архивов также могли бы открыть немало существенного во всей этой истории.

Пока же нужно констатировать, что донесение Геверса — ценный исторический источник. Важный сам по себе, он добавок «оживляет» давно известную (вюртембергскую) «Заметку о Пушкине», определяя ее происхождение, достоверность. Вместо одного очень интересного, но как бы «висящего в воздухе», анонимного документа неизвестной ценности («редакция Гогенлоэ»), мы имеем теперь две редакции важного отчета, понимая в общем их происхождение и значение.

Отныне в число лиц «вокруг Пушкина» вводится еще один прежде почти не замеченный важный свидетель — Иоганн Геверс, молодой нидерландский дипломат, затем тридцать пять лет представлявший в Петербурге свою страну.

Откровенность при передаче важных фактов, сочувственное, при всех дипломатических оговорках, отношение к погибшему поэту, важность первоисточников отчета (Жуковский, Д. Фикельмон и др.) — все это позволяет нам достаточно высоко оценить секретное донесение И. Геверса о Пушкине как общественный и исторический документ.

³⁷ Н. В. Измайлов. Пушкин в переписке и дневниках современников. Временник Пушкинской комиссии, 1962. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 34.

Н. И. ГРА Н О В С К А Я

РИСУНОК ПУШКИНА

ПОРТРЕТЫ АРИНЫ РОДИОНОВНЫ

Рисунки Пушкина давно привлекали внимание исследователей. В быстрых набросках поэта среди черновых текстов распознано не только множество автопортретов, но и целая портретная галерея его современников, значение которой для нас огромно. Однако многое еще остается не раскрытым в этих зарисовках.¹ Определить содержание рисунков, прочесть их оказалось не менее трудным делом, чем чтение пушкинских черновиков. По словам А. М. Эфроса, «графика его рукописей — это дневник в образах, зрительный комментарий Пушкина к самому себе, особая запись мыслей и чувств, своеобразный отчет о людях и событиях; это — второй план, у которого свой материал и своя система».²

В рабочей тетради-альбоме (№ 838) Пушкин отметил одну из горестных утрат своей жизни — смерть няни Арины Родионовны. Запись о ее смерти сделана среди заметок дневникового характера, судя по положению их в тетради — в 1828 г.³ А. И. Ульяновский, подробно прокомментировавший эту запись в книге «Няня Пушкина», доказал, что она соответствует времени смерти Арины Родионовны, и точно установил дату ее кончины — 31 июля 1828 г.⁴

Запись о смерти няни сделана на листе тетради 16₂, вблизи наброска «Волнением жизни утомленный». На предыдущих листах этой тетради — 13-м и 15-м — Пушкин начал работу над стихо-

¹ Т. Г. Цявловская в книге «Рисунки Пушкина» пишет: «Исследование рисунков Пушкина показывает, что они являются богатейшим источником как для биографии его, так и творчества, источником тем более ценным, что он не только не исчерпан, но далеко не разработан» (Изд. «Искусство», М., 1970, стр. 156).

² Абрам Эфрос. Рисунки поэта. «Academia», М.—Л., 1933, стр. 5.

³ См.: Сб. «Рукою Пушкина», Несобранные и неопубликованные материалы, «Academia», М.—Л., 1935, стр. 315—316.

⁴ А. И. Ульяновский. Няня Пушкина. Изд. АН СССР, Л., 1940, стр. 58—66.

творением «Предчувствие». Поэт тяжело переживал смерть любимой няни, тем более что в это время против него было возбуждено длительное политическое дело о распространении им в списках отрывка из стихотворения «Андре Шенье» (понятого как стихи о декабрьском восстании); дело это кончилось в июле 1828 г. учреждением за поэтом секретного полицейского надзора. К этому времени было начато и второе дело — о принадлежности Пушкину «Гавриилиады».

После записи о смерти няни Пушкин на л. 17 продолжил работу над стихотворением «Предчувствие», а затем на обороте этого листа вернулся к первой песне «Полтавы», начатой еще в апреле и писавшейся с большими перерывами. Но, написав четыре строки (начиная со стиха «Кругом Мазепы раздавался» до «Усердным подданным Петра»), Пушкин на полях листа и на тексте вычертил профильные портреты. Сначала нарисована голова старушки в повойнике, а рядом с ней — поясной портрет — девушка в сарафане, с косой и повязкой на голове, какие носили крестьянские девушки в Псковской губернии; далее, правее, над текстом сделан набросок профиля мужчины с курчавыми бакенбардами, возможно автопортрет, но не похожий на обычные автопортреты поэта. Видимо, недовольный им, Пушкин его зачеркнул; а затем, справа над текстом, нарисован еще портрет — голова мужчины с волосами, подстриженными в кружок. Последний, как предположила Т. Г. Цявловская, является портретом молодого П. В. Киреевского.⁵

Оба женских портрета до сих пор не были определены. При внимательном рассмотрении их оказалось, что лица старушки и девушки поразительно похожи и являются портретом одного и того же человека в молодости и старости и что оба они напоминают известный рельефный портрет Арины Родионовны работы Я. П. Серякова (резьба по кости), хранящийся во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.⁶

Описание внешности Арины Родионовны не сохранилось, кроме кратких сведений в рассказе М. И. Осиповой в передаче

⁵ Т. Цявловская. Рисунки Пушкина, стр. 90.

⁶ Портрет няни Пушкина был подарен Пушкинскому Дому в 1918 г. А. М. Горьким, сопроводившим свой дар изложением его истории, — до 1896 г. рельеф находился в Пскове у родственников гравера Лаврентия Серякова, затем попал к М. Ф. Каменскому и его сыном В. М. Каменским был подарен ему, Горькому, в 1911 г.

Долгое время портрет няни приписывался Лаврентию Серякову. Ленинградский искусствовед М. Д. Ромм доказал, что автором рельефа является Яков Панфилович Серяков (двоюродный брат Лаврентия). Ромм, изучивший творчество Я. П. Серякова, говорит о портрете Арины Родионовны как об одной из лучших его работ и датирует ее 1840-ми годами. Ромм, однако, указывает, что талантливый самоучка Я. П. Серяков никогда не придумывал портретов, и этот костяной рельеф, видимо, был создан им по не дошедшему до нас оригиналу (см.: «Нева», 1958, № 2, стр. 188—191, — М. Ромм. Скульптор Яков Серяков).

М. И. Семевского: «Это была старушка чрезвычайно почтенная — лицом полная, вся седая».⁷

Рисунок Пушкина (портрет старушки) не находится в противоречии с предполагаемым портретом Арины Родионовны работы неизвестного художника школы Ступина, датируемым 1820-ми годами, хранящимся также во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.⁸

Подтверждают сходство рисунков Пушкина с внешностью Арины Родионовны и портреты ее потомков — правнучек и праправнучек, помещенные А. И. Ульяновским в его книге «Няня Пушкина». Татьяна Тимофеевна Иванова, Мария Михайловна Карташова, Мария Колчина и другие оказались похожими на свою пра- и прапрабабку Арину Родионовну.⁹

Очевидно, что оба женских портрета изображают няню Пушкина Арину Родионовну.¹⁰ На первом портрете она нарисована, вероятно, такой, какой поэт видел ее в последний раз на смертном одре — перед нами лицо старушки с уже застывшими чертами, с опущенными веками. Рядом же дан портрет юной Арины Родионовны, он более четок: выражение лица молодой женщины бойкое и задорное. Арина Родионовна изображена в сарафане, а на голове ее, хотя она была родом из Суйды, девичья повязка псковских крестьянок. Рисуя Арину Родионовну молодой, поэт, веро-

Очень важно, что на обратной стороне рельефа на костяной пластине есть надпись старинным почерком и чернилами, о которой в письме своем, не цитируя, упоминал А. М. Горький:

«Арина Родионовна
Нянька Пушкина».

⁷ М. И. Семевский. Прогулка в Тригорское. В кн.: А. Н. Вульф. Дневники. Изд. «Федерация», М., 1929, стр. 80.

⁸ Портрет этот, по преданию — изображающий Арину Родионовну, отыскан совсем недавно, в 1956 г., в коллекции Татьяны Александровны Крюковой, старшего научного сотрудника Музея этнографии народов СССР. До нее он принадлежал К. М. Корнилову, инспектору народных училищ г. Арзамаса. Портрет в семье Корниловых (коренных жителей Арзамаса) передавался из поколения в поколение как портрет няни Пушкина Арины Родионовны. Принадлежность рисунка школе Ступина и бесспорная датировка (1820-е годы) представляют большой интерес. Имя няни Пушкина со второй половины 1820-х годов, после михайловской ссылки Пушкина, стало широко известным благодаря стихам Пушкина и Языкова. В это время могли быть написаны ее портреты, которые до нас не дошли, затерялись или, как этот портрет, потеряли точную и несомненную атрибуцию; так затерялась и могила Арины Родионовны.

⁹ См.: А. И. Ульяновский. Няня Пушкина, стр. 53—55.

¹⁰ Нельзя считать портретом Арины Родионовны рисунок Пушкина на рукописи третьей главы «Евгения Онегина» (№ 835, л. 19), опубликованный в книге Т. Г. Цявловской «Рисунки Пушкина» (стр. 66). В облике крестьянки, изображенной на рисунке, нет сходства с вышеописанными портретами и рисунком поэта. Т. Г. Цявловская не утверждает, что это портрет няни Пушкина, а лишь предполагает такую возможность, помещая его в книге с вопросом.

ятно, вспомнил нянины рассказы о ее молодости, рассказы, которые запечатлелись и у друга Пушкина поэта Н. М. Языкова:

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К своей весне переносилась
Разгоряченную мечтой.¹¹

Пушкин представил няню одновременно и старой, и молодой, подобно тому как делал это не раз в своих автопортретах, изображая себя рядом молодым, каким уже не был, и пожилым, в возрасте, до которого не дожил.¹²

Этот свой прием рисунков — раздумий над собственной жизнью Пушкин перенес и на няню, самого близкого человека. И, быть может, в плане раздумий над няниной судьбой рядом с ее портретами был нарисован им и портрет Петра Васильевича Киреевского — будущего известного фольклориста (его профиль Пушкин делает нарочито похожим на нянин).

Пушкин воспевал свою няню с детства. В Михайловском она была его «единственной подругой», он слушал по вечерам ее сказки, она была «оригиналом няни Татьяны», «подругой дней его суровых», его «голубкой дряхлой».

Венком на ее могилу явилось опубликованное в «Северных цветах» на 1830 год, написанное еще в Михайловском, исполненное необыкновенной нежности стихотворение «Зимний вечер». И, вероятно, не случайно запись о смерти няни и ее портреты соседствуют в рукописях поэта с черновым наброском «Волненьем жизни утомленный» и стихотворением «Предчувствие», такими близкими друг к другу по замыслу. И, быть может, о самой няне, подруге «гордой юности», «нежном друге», «ангеле кротком, безмятежном», «бесценном друге» говорится в тексте и черновых вариантах этих стихотворений.

¹¹ Н. М. Языков. На смерть няни А. С. Пушкина. Полн. собр. соч. М.—Л., 1964, стр. 296.

¹² Автопортреты Пушкина. Из неопубликованного наследия Б. В. Томашевского. В сб. «Пушкин и его время. Материалы и исследования», Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 323—324.

Л. П. Ф Е В Ч У К

СЕМЬЯ ПУШКИНА

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В СЛОВАЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ В БРАТИСЛАВЕ

Недавно Институт русской литературы АН СССР получил из Братиславы ряд фотографий материалов, имеющих отношение к семье Пушкина и его эпохе.

В Словацком национальном музее хранится ныне несколько портретов детей Пушкина, его жены, Александры Николаевны Гончаровой, Густава Фризенгофа, Петра Андреевича Вяземского, братьев Гончаровых и других родственников и современников Пушкина.

Имеются в этом собрании и литографированные виды Петербурга и Москвы пушкинского времени, а также фотографии интерьеров Полотняного Завода. Как известно, свояченица Пушкина Александра Николаевна Гончарова в 1852 г. вышла замуж за барона Густава Фризенгофа, женатого прежде на приемной дочери Ксавье де Местра и его жены С. И. Загряжской, и уехала с ним из России в Австро-Венгрию (в ту ее часть, которая потом принадлежала Венгрии, а ныне находится в Словакии, в составе Чехословацкой Социалистической Республики), в имение Бродяны, расположенное в красивой местности на берегу р. Нитры по дороге из Топольчан в Привидзе.

Портреты и виды двух русских столиц, фотографии которых находятся сейчас в литературном музее Пушкинского Дома АН СССР, составляют часть наследия А. Н. Гончаровой-Фризенгоф, прожившей после замужества в Бродянах до конца жизни.

В наше время первым русским, видевшим эти интереснейшие рисунки и акварели, был автор известных работ о Пушкине и его времени Н. А. Раевский. По приглашению владельца замка, правнука Александры Николаевны графа Георга Вельсбурга, Раевский посетил Бродяны в 1938 г. и имел возможность держать в руках небольшой, в зеленом сафьяновом переплете, альбом А. Н. Гончаровой с многочисленными портретными зарисовками,

альбомы с рисунками Ксавье де Местра, а также гербарий Н. И. Фризенгоф с засушенными цветами, собранными на могиле А. С. Пушкина вдовой и детьми поэта летом 1841 г. Тогда же он видел несколько портретов родных и знакомых Пушкина, находившихся вне альбома, в гостиной замка.¹

После окончания второй мировой войны, в 1945—1946 гг., в Бродянах побывал проф. А. В. Исаченко, обнаруживший в покинутом в то время замке и деревне архивные и изобразительные материалы семейства Фризенгоф; в статье «Пушкиниана в Словакии»² он писал о своей находке; среди иллюстраций, помещенных в его статье, имелось несколько воспроизведений портретов из собрания музея. Первая жена барона Фризенгофа умела неплохо рисовать, ее беглыми карандашными набросками наполнину заполнен альбом Натальи Николаевны Пушкиной (собрание Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде); все они относятся к августу 1841 г., когда Наталья Ивановна и барон Фризенгоф гостили в Михайловском у Н. Н. Пушкиной и ее сестры.³

До сих пор неизвестны были какие-либо другие рисунки Натальи Ивановны Фризенгоф этого периода; считалось, что все нарисованное ею в то время сосредоточено было в альбоме Н. Н. Пушкиной; теперь же очевидно, что варианты портретов Наталья Ивановна делала для А. Н. Гончаровой, а некоторые рисунки — только для нее одной.

Среди нескольких портретов Натальи Николаевны в Бродянах находится самый ранний — работы Н. И. Фризенгоф: вдова поэта стоит у березки со старшей дочерью Машей, печально

¹ Н. А. Раевский. В замке А. Н. Фризенгоф-Гончаровой. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. IV. М.—Л., 1962, стр. 379—393; см. также журнал «Простор», Алма-Ата, 1964, №№ 3 и 8, 1965; Н. А. Раевский. Если заговорят портреты. Алма-Ата, 1965; Л. С. Кишкин. По следам пушкинских материалов в Чехословакии. «Советское славяноведение», 1967, № 3, стр. 86—91.

² А. В. Исаченко. Puskiniana na Slovensku. «Slovenske pohľady», 1947, № 1, str. 1—16; перевод: Puskiniana in Slovakia. «Slavonic and East European Review», 1947, vol. XXVI, № 66, pp. 161—173.

³ См. нашу статью: «Альбом Натальи Николаевны Пушкиной» («Нева», 1968, № 6, стр. 191—196). А. В. Флоровский, в статье «За тенью Пушкина в ЧССР» (напечатанной в пражском журнале «Československá rusistika. Časopis pro jazyku a literatury slovenských národů SSSR», 1966, Ročn. XI, č. 3, str. 180—183), высказал сомнение, что все бродянские материалы о Пушкине дошли до нас. К «загадке» семейного архива А. Н. Гончаровой-Фризенгоф вновь возвращается в популярной статье «Puskin a Brodzany» Ю. Копаничек («Slovenka», 1965, str. 51—52). См. также статью Дёрдя Радо «Венгерские сведения о Пушкине до 1848 г.» (Radó G y ö r g y. «Puskin magyar vonatkozásai 1848-ig») в сборнике статей «Русско-венгерские литературные связи» (Tanulmányok a Magyar-Orosz Irodalmi Kapcsolatok Köréből, 1, Akadémiai Kiadó, Budapest, 1961, str. 147—203, 570 (резюме на русском языке)). В особом приложении к этой статье (стр. 195—201) автор дает подробную историю жизни свояченицы Пушкина Александры Гончаровой по венгерским, чехословацким и русским источникам.

Н. О. Пушкина (?). Рисунок Ксавье де Местра. 1810-е годы.

Ксавье де Местр. Рисунок Н. П. Ланского. 1851 г.

А. Н. Гончарова-Фризенгоф. Фотография. 1873 г.

Д. Н. Гончаров. Рисунок Н. П. Ланского. 1851 г.

И. Н. Гончаров. Рисунок Н. П. Ланского. 1852 г.

С. Н. Гончаров. Рисунок Н. П. Ланского. 1851 г.

Н. Н. Пушкина-Ланская. Рисунок Н. П. Ланского. 1852 г.

Н. Н. Пушкина-Ланская. Акварель В. Гау. 1842 г.

А. А. Пушкин. Рисунок Н. П. Ланского. 1851 г.

Г. А. Пушкин. Рисунок Н. П. Ланского. 1851 г.

М. А. Пушкина. Рисунок Н. П. Лапского. 1852 г.

Н. А. Пушкина. Рисунок Н. П. Ланского. 1852 г.

глядя вдаль. Этот изящный и тонкий рисунок гораздо лучше проработан и продуман в деталях в варианте, датированном 15 августа (предназначенном для Александры Николаевны), чем в сделанном через два дня повторении для альбома Н. Н. Пушкиной.

Н. И. Фризенгоф подарила также Александре Николаевне первый набросок и другого портрета ее сестры, изображенной сидящей в кресле в изысканном туалете, по всей вероятности на балконе михайловского дома. В альбоме Натальи Николаевны остался небольшой поясной вариант этого портрета, нарисованный на другой день (9 августа) и, как нам кажется, гораздо удачнее отразивший грустную красоту вдовы Пушкина, теплоту и мягкость ее души.

Из рисунков родственницы сестер Гончаровых августа 1841 г. был совершенно неизвестен находящийся сейчас в Бродянах портрет довольно красивой молодой женщины с энергичным профилем, в платье с пышными рукавами и отложным воротничком: она сидит в том же самом кресле в полосатом чехле, которое мы не раз видели на портретах обитателей Михайловского в то лето. Выражение решительности и независимости в ее лице и позе заставляет предполагать, что перед нами портрет 30-летней А. Н. Гончаровой. Сходство этого рисунка с фотографией малоизвестного портрета Ази Гончаровой работы В. Гау 1842—1843 гг. (собрание Всесоюзного музея А. С. Пушкина), дагерротип с которого, очевидно, проф. А. В. Исаченко видел в 1946 г.,⁴ еще более подтверждает наше предположение.

А. В. Исаченко, так же как и Н. А. Раевский, во время своих посещений Бродяг видел несколько альбомов с рисунками дяди (по тетке С. И. Загряжской) сестер Гончаровых, писателя и художника Ксавье де Местра.

Среди-присланных из Бродяг фотографий немало портретных работ этого талантливого рисовальщика, человека разносторонних знаний и интересов. Младший брат знаменитого философа и публициста Жозефа де Местра, Ксавье де Местр, по словам П. А. Вяземского, «приехал в Россию жертвой революционных переворотов своей родины»;⁵ он принимал участие в Итальянском походе А. В. Суворова, на стороне русских против французов, а после смерти Суворова в 1800 г., числясь в русской армии в чине капитана, остался без всяких средств к существованию. Живя в Москве, Ксавье де Местр занимался живописью и литературой. Посещая вместе с другими эмигрантами аристократические дома, он писал миниатюрные портреты постоянных посетителей

⁴ Воспроизведен в журнале: «Slovenské pohľady», 1947, № 1, str. 16—17, — и в книге Н. А. Раевского «Если заговорят портреты» (стр. 18—19).

⁵ П. А. Вяземский. Выдержки из бумаг Остафьевского архива. «Русский архив», 1868, год шестой, стр. 439.

гостиных и салонов, снискав себе славу превосходного миниатюриста.⁶

Когда в 1805 г. был учрежден в С.-Петербурге «Музеум при Адмиралтейском департаменте (с модель-камерой)», первым директором его сделался граф Ксавье де Местр, имевший к тому времени уже чин майора. Вскоре полковник де Местр был переведен в свиту императора по квартирмейстерской части и за участие в военных действиях на Кавказе и в Персии награжден чином генерал-майора. Возвратившись в Россию, уже немолодой генерал женился на фрейлине Софье Ивановне Загряжской и поселился с 1816 г. в С.-Петербурге. Через девять лет, потеряв двоих детей, он с женой и с последним сыном уезжает за границу, путешествуя главным образом по Италии; только в 1839 г., очень тяжело пережив смерть младшего ребенка, Ксавье де Местр возвращается в Россию вместе с приемной дочерью и ее мужем.

Очень интересную характеристику графа де Местра дает Петр Александрович Плетнев в своих известных письмах к Я. К. Гроту из Петербурга в Гельсингфорс: «...он (Ксавье де Местр, — Л. Ф.) всегда жил в Петербурге со времени всеобщей эмиграции аристократов. За границу он уезжал только для свидания с родными и для поправления здоровья. Весь свет знает его следующие сочинения: 1. Путешествие по моей комнате; 2. Прокаженный города Аоста; 3. Кавказская повесть «Черкешенка»; 4. Сибирячка, и пр.»⁷ Он один из лучших в Европе живописцев, химиков и физиков. Словом, изумительный старик. Теперь ему более 80 лет,

⁶ Широко известен миниатюрный портрет матери А. С. Пушкина работы Ксавье де Местра (собрание Всесоюзного музея Пушкина). Портрет-миниатюра А. В. Суворова того же автора воспроизводится в издании в.кн. Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий» (т. III. СПб., 1907, № 184). О миниатюрах работы Ксавье де Местра см.: Н. В р а н г е л ь. Очерки по истории миниатюры в России. Старые годы. Октябрь 1909; его же портрет кн. Д. И. Долгорукова (см.: «Старые годы», 1912, №№ 7—9).

⁷ Сведения, сообщаемые П. А. Плетневым, нуждаются в уточнении. Поскольку в приведенном им списке литературных произведений Ксавье де Местра имеется ряд неточностей, перечислим эти издания с указанием их подлинных французских заглавий и точных дат выхода в свет: Voyage autour de ma chambre. Turin, 1794; Paris, 1796 (последующие французские издания: 1812, 1815, 1817, 1821, 1825, 1829); 2) Le Lépreux de la cité d'Aoste. St.-Petersbourg, 1812 (Paris, 1817, 1821, 1823, 1824, 1825, 1829); 3) Les Prisonniers du Caucase. Paris, 1815; 4) Prascovie, la jeune Sibérienne. Paris, 1815. Существует еще одно произведение Ксавье де Местра, Плетневым не упомянутое: Expédition nocturne autour de ma chambre. Paris, 1825. Литература о Ксавье де Местре невелика; укажем здесь две работы, вышедшие еще в прошлом веке: L. R e y. Xavier de Maistre. Sa vie et ses ouvrages. Chambéry, 1865; W. U n g e w i t t e r. Xavier de Maistre. Sein Leben und seine Werke. Berlin, 1892. Прочая зарубежная литература о Ксавье де Местре (работы Перрена, Беллекомба, Навилля, Филиппа и др.) перечислена в статье А. И. Некрасова «К вопросу о литературных источниках „Кавказского пленника“ Пушкина» (Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 160—161).

а он не лишен ни одного из пяти чувств». ⁸ «Граф и графиня живут одни, — продолжает Плетнев, — двое умных и живых стариков; нельзя изобразить, как интересно видеть 80-летнего гр. Местра, [желающего] со всею готовностью души участвовать в умственных занятиях. До сих пор он пишет брошюры по части физики и отправляет их в Париж. Еще за два года он написал несколько картин масляными красками, у него зрение и слух вполне сохранились для этих лет . . . У них была воспитанница Иванова, ⁹ которая теперь замужем в чужих краях и которой в альбом некогда Жуковский написал одну из лучших своих пьес: „Поляны мирной украшенью“». ¹⁰ «Он без очков читает „Revue des deux Mondes“, — биографией своего брата (Joseph'a), — рассказывает Плетнев далее, — до болезни летом нашел он у себя в портфеле кроки Кавказского вида (где служил как военный) и сделал из этого прелестную картину масляными красками, поместив в пейзаже, между прочим, стадо коров, которые со всею верностью частей виднеются внизу как мухи. Для Савича передал он мне свою новую брошюру „От чего происходит град“». ¹¹

Ксавье де Местр умер в Стрельне в доме Ланских (в июне 1852 г.), незадолго до отъезда в Словакию Александры Николаевны (вскоре умерла и его жена). Он, по словам П. А. Вяземского, «до самой кончины своей сохранил блеск, живость и свежесть ума и всю прелесть тонкой и добродушной общезительности». ¹²

Среди рисунков графа де Местра особенно останавливают на себе внимание два женских портрета, сделанных в оригинале итальянским карандашом и имеющих в нижнем левом углу подпись: «X. M.» (Xavier Maistre). На одном из них изображена молодая еще дама в платье с высокой талией и прической с локонами, полузакрывающими лоб. Характер ее красоты и особенности внешнего облика несомненно напоминают известный портрет-миниатюру матери Пушкина Надежды Осиповны. Вполне

⁸ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 1. СПб., 1896, стр. 461.

⁹ Имеется в виду Наталья Ивановна Фризенгоф (по свидетельству о рождении — Иванова). Ср.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. IV, стр. 382.

¹⁰ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 1, стр. 469 (письмо от 16 января 1842 г.). Это стихотворение, под загл. «Мотылек и цветы», напечатано было Жуковским в «Северных цветах на 1825 г.» (СПб., 1824, стр. 357—359) с примечанием: «Стихи, написанные в альбоме Н. И. И., на рисунок, представляющий бабочку, сидящую на букете из pensées и незабудок». По автографу Жуковского, хранившемуся в Бродянах, это стихотворение опубликовано Яном Ференчиком (см.: J. F e r e n č i k. Neznámy rucopis Zukovského na Slovensku. «Slovenské pohľadny», 1947, str. 181—184).

¹¹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 2. С.-Петербург, 1896, стр. 120. (П. А. Плетнев — Я. К. Гроту, 22 сентября 1843 г.).

¹² П. А. Вяземский. Выдержки из бумаг Остафьевского архива. «Русский архив», 1868, год шестой, стр. 499.

вероятно, что в 1810-е годы де Местр еще раз нарисовал портрет «прекрасной креолки».

Кроме названных, несколько превосходных мужских портретов работы Ксавье де Местра еще раз убеждают нас в том, что высокое мастерство портретиста и талант рисовальщика никогда не изменяли этому разносторонне одаренному человеку.

Старший брат Петра Петровича Ланского — Павел Ланской сделал блестящую военную карьеру: в середине 1820-х годов он флигель-адъютант, а к сорока годам — генерал-майор. Пользуясь особым доверием царской семьи, Павел Петрович сопровождал императора Николая I в Пруссию, а в кн. Михаила Павловича — в Голландию и Англию. Братья Ланские были очень дружны между собою, члены их семей также. Сыновья Павла Ланского, Николай и Павел, после окончания Пажеского корпуса служили в гвардейских полках.

Николай Павлович Ланской хотя и дослужился до чина полковника, больше всего любил рисовать; на одной из фотографий С. Левитского Николай Ланской снят сидящим за столом с раскрытым альбомом для рисования и карандашом в руке. Среди бродяжеских «пушкинских» материалов подавляющее большинство портретных зарисовок принадлежит карандашу Николая Павловича; его точные, правдивые, немного сухие рисунки графитным карандашом очень грамотного художника-любителя не вызывают сомнений в сходстве с оригиналом. Начав рисовать совсем молодым человеком (самые ранние известные его работы относятся к 1844 г.), он к началу 50-х годов развил свой талант и усовершенствовал мастерство. В 1851 г. Н. П. Ланской зарисовал совсем дряхлого Ксавье де Местра: опираясь правой рукой на подушку и полузакрыв глаза, старый писатель, кажется, дремлет; он очень утомлен жизнью, но интереса к ней не утратил. Этот последний портрет Ксавье де Местра также находится в собрании Национального словацкого музея, он датирован и подписан художником (под рисунком автограф старческой рукой: «X. de Maistre»).

Среди работ Николая Павловича довольно много портретов членов семьи Ланских. Почти все они, как, впрочем, и другие его рисунки рассматриваемого собрания, относятся к 1851—1852 гг.; под большинством портретов автографы изображенных лиц.

Своего отца и дядю, очень похожих друг на друга, Н. Ланской зарисовал в одной позе, с особым старанием: Петр Петрович — в мундире генерал-адъютанта, а Павел Петрович уже генерал от кавалерии — на его шее и груди кресты и ордена, полученные за долголетнюю службу в армии. Под портретом младшего брата рукою Натальи Николаевны написано: «Pierre Lanskoу». Тогда же зарисовал Николай Павлович и своих двоюродных сестер — маленьких дочерей П. П. Ланского, будущих Елизавету Бибикову и Софью Шипову; они запечатлены здесь в возрасте 4 и 6 лет.

Портрет старшей дочери Александры Петровны (в замужестве Араповой, автора записок о Н. Н. Пушкиной-Ланской) остался в России; он сделан Н. Ланским в 1850 г. прямо на листе альбома Н. Н. Пушкиной.

В бродянской «пушкиниане» среди портретов современников Пушкина и Н. Н. Пушкиной-Ланской особое место занимает портрет П. А. Вяземского с сигарой в правой руке. Ланской скопировал этот оригинальнейший портрет друга Пушкина с цветного рисунка Т. Райта 1844 г., находившегося в альбоме Наталии Николаевны, и под своим рисунком подписал: «1852. Н. Ланской». Копия до мельчайших деталей повторяет оригинал.

Оставались неизвестными до последнего времени и портреты Густава Фризенгофа и его сына от первого брака, Григория, работы Н. П. Ланского. Оба портрета сделаны художником, очевидно, в 1857 г. в Вене. Густаву Виктору Фогель фон Фризенгофу уже 50 лет; он очень моложав, его аккуратно подстриженные усики, расстегнутый сюртук, жилет и галстук, завязанный бантом, безукоризненны; подпись под портретом лаконична: «Gustave». Сыну Г. Фризенгофа и Н. И. Фризенгоф-Ивановой 17 лет, это юноша с крупными, как у отца, чертами лица и грустными глазами; он почти постоянно жил в с. Красно (недалеко от Бродян), где и умер.

В литературе о Бродянах не раз упоминалось о серии портретных рисунков художника Боджи, находящихся в имении Фризенгофов. Эти рисунки сохранились, но, к сожалению, как и прежде, изображенные на них лица не поддаются точному определению.

Джованни Боджи, итальянский рисовальщик и гравер, работавший в Милане и умерший там в 1832 г., был, очевидно, хорошо знаком Ксавье де Местру и его приемной дочери во время их пребывания в Италии в конце 20-х—начале 30-х годов XIX в. По всей вероятности, на сделанных очень скудными средствами карандашных портретах Боджи изображены друзья, знакомые и соседи де Местров в итальянский период их жизни.

Одновременно с семьей Ксавье де Местра вернулся в Россию в 1839 г. русский художник Григорий Гагарин. До своего возвращения он служил в Мюнхене в качестве секретаря посольства и много путешествовал. В коллекции бродянских рисунков три портрета красивой девушки, почти девочки, южного типа с крестиком на шее; у нее чуть удлинненный разрез глаз. Девушка нарисована во весь рост, в открытом платье, с пышным головным убором, напоминающим свадебный; под одним из рисунков характерная подпись Гагарина «Яг» (князь Григорий Гагарин) и дата: «19 Janvier MDCCCXXXVIII».

Из довольно большого числа достоверных портретов хозяйки Бродян Александры Николаевны в Словацком музее осталась только одна ее фотография, приблизительно датируемая 1873 г. На портрете, с маркой одного из венских ателье, мы видим нес-

колько грузную женщину с пронизательным взглядом светлых глаз, одетую очень нарядно и пышно. В собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина, где находится несколько портретов А. Н. Фризенгоф, такого именно портрета нет.¹³

Переходя к обзору материалов, имеющих отношение к Полотняному Заводу,¹⁴ необходимо прежде всего отметить большую ценность портретов и миниатюр, находившихся некогда в родовом имении Гончаровых. Трудно теперь установить, когда именно попали в Бродяны фотографии миниатюрных портретов родителей Натальи Николаевны — Николая Афанасьевича и Натальи Ивановны Гончаровых. Насколько можно судить по воспроизведениям, они очень изящны, и хотя имя автора точно неизвестно, с уверенностью можно сказать, что писал их профессиональный художник. Эти миниатюры в широких фигурных рамках еще в 1910-годах висели в кабинете Афанасия Николаевича Гончарова в Полотняном Заводе. Их, а также целый ряд других семейных портретов подробно описал в популярной статье о Полотняном Заводе художник А. Средин, побывавший в те годы в этом замечательном имении. Внимательно рассмотрев обе миниатюры, он составил их описание: «Первая, может работы Босси (по определению Н. Н. Врангеля, — Л. Ф.), изображает красивого молодого человека с тонким выразительным лицом, с голубыми мечтательными глазами. Девически нежное лицо его обрамляют темно-каштановые волосы. Белоснежный батистовый галстук строго подпирает розовые щеки, фоном служит синее небо с тучами. Наталья Ивановна спорит красотой и изяществом с своим мужем. Жеманно склонив кокетливую голову, она слегка улыбается, пожалуй немного стереотипно; ее выхоленное нежное личико грешит немного деланным выражением; усиливает его и предумышленно небрежно распутившийся локон. Как стебель выходит нежная длинная шея из газового высокого ворота, а на плечо накинута опалового цвета „дымка“, расшитая разноцветными шелками».¹⁵

Портреты родителей, очевидно, имели повторения, так как на юбилейной выставке 1937 г. в Париже были представлены их варианты: явственно заметна разница в деталях рисунка, прически, костюма, в наклоне головы и т. п.; авторство приписывалось художнику де Вуальтье (de Voiltier).¹⁶

Интересен также портрет родоначальника Гончаровых — Афанасия Абрамовича. Писан он, очевидно, крепостным художником

¹³ Профессор А. В. Исаченко поместил репродукцию этой фотографии среди иллюстраций к своей статье о материалах, найденных им в Бродянах на обложке журнала «Slobodný Rozhlas» (1946, № 49).

¹⁴ Эта часть собрания Словацкого национального музея представлена там только в фотографиях.

¹⁵ А. Средин. Полотняный Завод, «Старые годы», 1910, кн. 3, стр. 14.

¹⁶ См. каталог выставки (С. М. Лицарь): Exposition Pouchkine et son Erque. Paris, 1937, pp. 12—13.

в 60-х годах XVIII в., когда А. А. Гончаров был уже в довольно преклонном возрасте; на прапрадедушке Натальи Николаевны «черный бархатный камзол», в руках его письма Петра I, полученные им при основании фабрики, «его бледное старческое лицо, — пишет Средин, — обличает непреклонную волю, ум, известную хитрость. Умно и немного насмешливо глядят небольшие глаза; в осанке чувствуется уверенность хозяина».¹⁷

Младшая дочь Афанасия Абрамовича Варвара была замужем за премьер-майором Псковского пехотного полка (а впоследствии генералом) Ильей Богдановичем Бибиковым; даже по фотографиям этих великолепных портретов супругов Бибиковых работы знаменитого Левицкого можно себе представить, как хороши они были в оригиналах: «Синее шелковое платье, — описывает Средин портрет В. А. Бибиковой, — красивым пятном выделяется на теплом темном фоне, четко рисуются на нем белые дорогие кружева. Из облака газа горделиво белеет лебединая шея, а лицо, надменное и властное, с резким очерком ноздрей, крутым подбородком и недобрый взглядом темных жгучих глаз, заставляет вспомнить молву о ее строптивом заносчивом характере».¹⁸

Фотографии малой и большой гостиных Полотняного Завода, гробницы А. А. Гончарова, уникальной лампы в церкви и въездных ворот также воспроизведены в качестве иллюстраций в статье А. Средина.

Среди рисунков Н. П. Ланского из собрания Словацкого музея привлекают к себе внимание неизвестные у нас портреты братьев Гончаровых. Все три портрета сделаны в конце 1851—первой половине 1852 г. Старший брат Дмитрий Николаевич (1808—1859), наследник гончаровского майората, вступил в управление разоренным имением в качестве опекуна в связи с болезнью своего отца уже в 1832 г.; двумя годами позже у него гостил Пушкин, а после смерти поэта, как известно, в Полотняном Заводе у Д. Н. Гончарова около двух лет жила Н. Н. Пушкина с детьми и сестрой Александриной; не раз обращалась к нему младшая сестра, прося денежной помощи.

Д. Н. Гончаров был в 1829 г. в Тегеране и разбирал вещи убитого Грибоедова, — о подробностях гибели его он, очевидно, рассказывал Пушкину. Позже Дмитрий Николаевич занимал ряд почетных выборных должностей в своем уезде (в 1835 г. он вышел в отставку, имея звание камер-юнкера). Внешне он был удивительно не похож на своих сестер и братьев: на рисунке Ланского мы видим полного человека с редкими волосами, маленькими глазами и пухлым ртом, сидящего в кресле.

¹⁷ А. С р е д и н. Полотняный Завод, стр. 2. В собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина имеется копия этого портрета, полученная в 1938 г. от директора школы, помещавшейся в Полотняном Заводе в доме Гончаровых.

¹⁸ А. С р е д и н. Полотняный Завод, стр. 8.

Иван Николаевич Гончаров (1810—1881), в прошлом блестящий лейб-гусарский офицер, светски образованный, женатый первым браком на сестре Петра Ивановича Мещерского (мужа Екатерины Николаевны Карамзиной), внешне имел много общих черт с Натальей Николаевной. Выйдя в отставку, он в начале 1850-х годов был уездным предводителем дворянства в Волоколамске (Московской губ.). В 1833 г. Пушкин заезжал в доставшееся впоследствии Ивану Гончарову имение Ярополицы, в его переписке не раз мелькает имя среднего брата его жены. На рисунке Ланского Иван Николаевич очень красив: он свободно сидит в кресле, густые волосы обрамляют тонкое лицо, усы и монокль дополняют облик праправнука основателя гончаровских заводов. Под портретом подписи: «6 апреля 1852 года — И. Гончаров» и «Н. Ланской. 1852».

Самый младший брат, Сергей Николаевич (1815—1865), был более других братьев Гончаровых близок Пушкину; он начал службу семнадцатилетним юношей, поступив унтер-офицером в Киевский гренадерский полк в Петербурге, а через четыре года (16 апреля 1836 г.) вышел в отставку в чине поручика. С середины 1840-х годов С. Н. Гончаров служит в московской конторе Ассигнационного банка, а ко времени, когда Н. Ланской запечатлел его на бумаге, он был еще и заседателем Московского совестного суда. В 1870-х годах с его слов записаны краткие, но интересные воспоминания об А. С. Пушкине: «Когда Пушкин женился, Гончаров, бывши тогда очень молодым человеком, жил у него. Гончаров говорил, что у Александра Сергеевича был самый счастливый характер для семейной жизни: ни взысканий, ни капризов. Одним могли рассердить его не на шутку. Он требовал, чтоб никто не входил в его кабинет от часа до трех: это время он проводил за письменным столом или ходил по комнате, обдумывая свои творения, и встречал далеко не гостеприимно того, кто стучал в его дверь».¹⁹

Г. Д. Щербачев, влюбленный во вторую жену Сергея Николаевича Анну Алексеевну Смирнову еще до ее замужества, так описал своего соперника: «Гончаров был во всех отношениях прелестный жених: ум, образованность, благородное сердце и вместе с тем хорошее состояние и прекрасная наружность — все соединилось в нем».²⁰ Николай Ланской нарисовал портрет этого красивого, с очень правильными чертами лица, уже несколько грузного человека в декабре 1851 г. Под портретом подпись: «Serge Gontcharoff»; так же как и старших братьев, художник посадил его в кресло, избрав для портретирования неполный левый поворот.

¹⁹ Т о л ы ч е в а. Рассказ о Пушкине (запись). «Русский архив», 1877, кн. II, стр. 98: «Исторические анекдоты и мелочи».

²⁰ Г. Д. Щ е р б а ч е в. Двенадцать лет молодости. Воспоминания. «Русский архив», 1890, кн. I, стр. 219.

Исключительный интерес представляют для нас портреты жены и детей Пушкина. Кроме упоминавшихся, мало известен у нас профильный портрет Натальи Николаевны, нарисованный Н. П. Ланским в 1852 г. и подписанный как самим художником, так и самой изображенной (внизу на листе оригинала автограф: «Natalie Lanskou»). Облик Натальи Николаевны на этом портрете представляется нам как бы переходным по отношению к ее фотографическим снимкам конца 1850-х—начала 1860-х годов. Она по-прежнему очень красива, моложава, хотя несколько заостренные черты лица создают впечатление едва заметной болезненности и усталости.²¹ Утопая в кресле с высокой спинкой, эта обаятельная женщина еще отдаленно напоминает любимую Пушкиным Наташу Гончарову.

Следующее изображение Н. Н. Ланской — фотография в профиль; на гладких густых волосах темная кружевная накладка; лицо по-прежнему молодо, хотя излишняя худощавость несколько портит ее красоту. Модный туалет 1850-х годов, бусы на шее, красивая поза говорят о внимании к своей внешности. Этот портрет был воспроизведен в четвертом томе сочинений Пушкина, изданных Брокгаузом в 1907 г. (передан издателям А. П. Араповой).

Особенный интерес с точки зрения иконографии Н. Н. Пушкиной представляет ее портрет работы В. Гау. В собрании ВМП имеется вариант этого портрета, недатированный и без подписи художника. До сих пор авторство Гау только предполагалось, а портрет условно относился к периоду ее вдовства.²² Теперь совершенно точно можно установить по подписи на бродянском портрете, что он сделан акварелью в 1842 г. художником В. Гау. Из нескольких портретов Натальи Николаевны работы Гау этот портрет самый ранний; прошло всего 5 лет после смерти Пушкина, и прекрасное лицо и фигура Натальи Пушкиной еще раз напоминают о том, что она «чистойшей прелести чистойший образец». Этот портрет вдовы поэта, представляющий ее в относительно скромном закрытом платье, причесанной по моде того времени с локонами вдоль щек, очень близок известнейшему «последушкинскому» портрету работы того же художника, на котором Наталья Николаевна изображена в ослепительном бальном туалете и шляпе со страусовым пером, падающим на обнаженное плечо. Художник нарисовал ее в ином ракурсе, но черты лица те же; тот и другой портреты написаны в нескольких вариантах.

²¹ Портрет опубликован проф. А. В. Исаченко в 1947 г. в журнале «Slovenské pohľady» как «вновь найденный в Бродянском костеле». Воспроизведен также в книге Н. А. Раевского «Если заговорят портреты» (стр. 28—29).

²² Воспроизведен на обороте шмуцтитула журнала «Slovenské pohľady» (1947, № 1), а также в книге Н. А. Раевского «Если заговорят портреты» (стр. 26—27).

Как известно, Александра Николаевна Гончарова помогала своей сестре воспитывать детей после смерти Пушкина, она жила с семьей поэта вплоть до своего замужества. Уезжая в Словакию, «тетя Азя», естественно, захотела увезти с собой портреты племянников и племянниц, нарисованных для нее Н. П. Ланским в 1851—начале 1852 г. Как отмечал еще Н. А. Раевский, облик детей Пушкина в этом возрасте у нас не был известен. Старший сын поэта, «рыжий Сашка», только что выпущен из Пажеского корпуса, он служит корнетом в Конногвардейском полку под командованием П. П. Ланского. На рисунке Николая Павловича Александр Пушкин — юноша с едва намечающимися усиками, на его новеньком мундире с обер-офицерскими эполетами пока всего одна звездочка. Как и на детском портрете 1844 г., художник подчеркнул особую чистоту линий красивого лица будущего генерала Пушкина. Под рисунком подпись Александра Александровича: «Alexander Pouchkine», справа посередине: «Н. Ланской. 1851» и, вероятно рукою Натальи Николаевны: «18 ans».

Очень похож в этом возрасте на старшего брата второй сын Пушкина — Григорий; он в форме Пажеского корпуса; у него более густые и вьющиеся волосы, сохранившиеся, как видно по его поздним портретам, до самой старости. Гриша Пушкин, которому суждено было в столетний юбилей со дня рождения отца передать в руки государства родовое имение Пушкиных Михайловское, на этом рисунке еще совсем мальчик. Как и на портрете брата, под рисунком подпись: «Г. Пушкин 2». Слева подписался художник: «1851. Н. Ланской». И опять: «16 ans».

Марии Александровне Пушкиной в это время было уже 19 лет. Позже Лев Николаевич Толстой заметит в ней сходство с поэтом и, заинтересовавшись этой «породистой» женщиной, придаст черты ее внешности Анне Карениной.

Старшую дочь и первого ребенка в семье очень любили родители Пушкина, называя эту привязанность «голосом крови». На портрете из альбома Александры Николаевны Маша Пушкина зарисована в профиль, он хорошо запоминается: нос с горбинкой, полные губы (верхняя чуть выдается вперед), удлинненный разрез глаз; темные волосы девушки заплетены в косу и уложены сзади узлом. Под рисунком аккуратная подпись: «Marie Pouchkine — 6 avril, 1852». Справа рукою художника: «1852/Н. Ланской». Нельзя без волнения смотреть на портрет самой младшей дочери Пушкина пятнадцатилетней Натальи. Если бы не завязанные сзади узлом волосы и модное платье с широкими рукавами — перед нами был бы, наверное, приближенный к оригиналу портрет юного Пушкина. Через много лет в письме к брату И. С. Тургенев напишет о ней: «Удивительнее всего то, что младшая его дочь, оставшаяся полугодовалым ребенком после его смерти, эта самая графиня Меренберг, как две капли воды на него

похожа».²³ Своей младшей дочери незадолго до смерти Наталья Николаевна передала бесценные письма к ней Пушкина, и Наталья Александровна, преодолев в известной степени сословные предрассудки, решила передать их И. С. Тургеневу для редактирования и дальнейшего опубликования. Обладая исключительной красотой, Н. А. Пушкина имела пылкий нрав и очень решительный характер. На рисунке Ланского эти черты уже явственно видны; на оригинале справа подпись: «Н. Ланской», ниже «le 20 janvier, 1852» — «15 ans». Под рисунком автограф: «Natalie Puschkine».

Закончив обзор бродяжнических пушкинских материалов по фотографиям, присланным Словацким национальным музеем, хочется еще раз обратить внимание на то, что пушкинистам, работающим в области изучения жизни А. С. Пушкина и иконографии его семьи, необходимо познакомиться с оригиналами, находящимися сейчас в Словакии.

²³ И. С. Тургенев — Н. С. Тургеневу 12 (24) янв. 1878 г. Письма, т. 12. М.—Л., 1966, стр. 265.

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1971 ГОДА

- А б а л к и н Н. На добрую память. Книга памятных встреч, литературных и житейских воспоминаний, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет!». [М.], «Молодая гвардия», 1971, 400 стр. с ил.
Стр. 15—20: «Маяковский читает Пушкина».
- А й р у м я н Л. В. «Бахчисарайский фонтан» на армянском языке. — «Молодой научный работник», Ереван, 1971, № 1 (13), стр. 104—114.
Переводы А. Цатуряна, С. Вауни и др.
- А н д р е е в с к а я М. И. Пушкинские места. — В кн.: Краткая литературная энциклопедия, т. 6. М., «Советская энциклопедия», 1971, стр. 107—110.
- А н д р о н и к о в Иракий. Я хочу рассказать вам. . . Рассказы, портреты, очерки, статьи. Изд. 3-е. М., «Советский писатель», 1971, 575 стр. с ил.
Стр. 78—174: «Гагильская находка». Стр. 536—539: «Замечательный пушкинист» [С. М. Бонди].
- А с т а ф ь е в а О. В. Издатели «Полярной звезды» и Пушкин об эстетическом идеале. — В кн.: Филологические этюды. Русская литература. Вып. 1. Ростов-н/Д., 1971. [На парал. тит. л.: 1972], стр. 28—44. (Ростовский-на-Дону гос. ун-т).
- Б а с и н а М. Я. Там, где шумят михайловские рощи. [Для средн. и ст. возраста. Изд. 2-е]. Л., «Детская литература», 1971, 239 стр. с ил. (По дорогим местам).
Ред.:
Л а г и н а М. — «Литература в школе», 1972, № 3, стр. 88—89.
- Б е л к и н Д. И. О роли авторских примечаний в «Подражаниях Корану» Пушкина. — В кн.: Русско-зарубежные литературные связи. Горький, 1971, стр. 185—196. (Уч. зап. Горьк. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, вып. 145).
- Б е л ы е н о ч и. О тех, кто прославил город на Неве. Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л., Лениздат, 1971, 458 стр.
Стр. 101—115: Н. Т и х о н о в. Город поэта. Воспоминания о Царском Селе — Пушкине. Стр. 139—166: В. С а ш о н к о. Под зеленым абажуром. [Об участии Пушкина в «Зеленой лампе»]. Стр. 160—165: Ю. Р а к о в. «Дом Пиковой дамы».
- Б е р е з и н а В. Г. Об одной неточности в тексте второй статьи Белинского о Пушкине. — «Русская литература», 1971, № 3, стр. 158—159.
- Б л а г о й Д. Д. «Бездна пространства» (о некоторых художественных приемах Пушкина). — В кн.: Проблемы теории и истории литературы. Сборник статей, посвященный памяти А. Н. Соколова. М., Изд. МГУ, 1971, стр. 194—210.
- Б л а г о й Д. Д. Достоевский и Пушкин. К вопросу о реализме Достоевского. — «Москва», 1971, № 11, стр. 201—215.

- Б л а г о й Д. Д.** Достоевский и Пушкин. К 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. — «Вестник АН СССР», 1971, № 12, стр. 34—49.
- Б л о к Александр.** О назначении поэта. М., «Советская Россия», 1971, 157 стр.
- Стр. 85—98: «О назначении поэта». [Впервые: «Вестник литературы», 1924, № 3, стр. 15—17. Речь, произнесенная в Доме литераторов на Торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина].
- Б о н д и С. М.** Комментарий. — В кн.: П у ш к и н А. С. Поэмы. М., «Детская литература», 1971, стр. 171—190. (Школьная б-ка. Для средн. школы).
- Б о н д и С.** О поэзии Пушкина. — О романе Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: П у ш к и н А. С. Стихотворения. — Евгений Онегин. М., Детиздат, 1971, стр. 3—8, 248—270.
- Б о н д и С.** Черновики Пушкина. Статьи 1930—1970 гг. М., «Просвещение», 1971, 232 стр.
- Содерж.: Введение. — I. «Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла. . .»; «Я возмужал среди печальных бурь. . .»; Стихи об актрисе Семеновой; «Вот Муза, резвая болтунья. . .»; «Если с нежной красотой. . .»; Стихи о «Римской папе»; Гасуб, а не Галуб; Письмо к Толстому-Американцу. [Статьи впервые напечатаны в кн.: Б о н д и С. Новые страницы Пушкина. М., 1931]; Отчет о работе над IV томом академического издания Пушкина. [Впервые: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 2. М.—Л., 1936, стр. 458—468]. — II. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе». [Впервые: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 2. М.—Л., 1936, стр. 33—52]; Подлинный текст и политическое содержание «Воображаемого разговора с Александром I». [Впервые в кн.: Литературное наследство, т. 58. М., 1952, стр. 167—194]. — III. О чтении рукописей Пушкина. [Впервые: «Известия АН СССР», отд-ние обществ. наук, 1937, № 2 — 3, стр. 569—606]. — Приложения: «Женись — На ком? . .»; Буква «с» у Пушкина; Заметки (об удачах и ошибках текстологов).
- Рец.:
- К о р н е е в А.** Неизвестные страницы Пушкинианы. — «В мире книг», 1972, № 4, стр. 38.
- П р о х о р о в Е. И.** Работы разных лет. — «Вопросы литературы», 1972, № 4, стр. 200—203.
- С о л о в е й Н. Я.** Черновики Пушкина. — «Литература в школе», 1972, № 5, стр. 81—83.
- Б о р о в с к и й В.** Первая постановка «Золотого петушка». — «Нева», 1971, № 3, стр. 220.
- Опера Римского-Корсакова в «частной опере» С. И. Зимина.
- Б у д а г о в Р. А.** Пушкин — лингвист. (К постановке вопроса). — В кн.: Б у д а г о в Р. А. Язык, история и современность. М., Изд. МГУ, 1971, стр. 156—168.
- Впервые: «Вестник Ленингр. ун-та», 1949, № 6, стр. 24—34.
- Б у д а к о в Виктор.** Тамбовщина — край пушкинский. — «Подъем», 1971, № 1, стр. 161—163.
- Рец. на кн.: Г о р д е е в Н., П е ш к о в В. Тамбовская тропинка к Пушкину. Воронеж, Центр.-Чернозем. кн. изд., 1969, 192 стр.
- Б э л з а Святослав.** За пушкинской строкой. — «Наука и жизнь», 1971, № 4, стр. 102—107; № 8, стр. 72—77.
- Сведения об исторических личностях, упоминаемых Пушкиным (граф Сен-Жермен, Агриппа Неттесгеймский и Видок, Железная маска, Бомарше, Джон Байрон).
- В а р ш а в с к и й Анатолий.** Загадочный портрет. — В кн.: В а р ш а в с к и й Анатолий. Пелика с ласточкой. М., «Детская литература», 1971, стр. 155—167.
- Портрет Н. П. Голицыной, прототипа Пиковой дамы, работы художника Ф. Рокотова.

- Виноградов В. В.** Значение А. С. Пушкина в истории русского литературного языка и в истории стилей русской художественной литературы. — «Русский язык в школе», 1971, № 1, стр. 76—82 с портр. В сокращении.
- Вольперт Л. И.** Пушкин и Лабрюйер. — В кн.: Вопросы методики и истории литературы. Псков, 1971, стр. 100—118. (Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 503).
- Временник Пушкинской комиссии.** 1969. Л., «Наука», 1971, 140 стр. с ил. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия).
Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. Р. Е. Теренина. Новая словарная запись Пушкина; М. П. Алексеев. К тексту стихотворения «Во глубине сибирских руд»; В. Э. Вацуро. Пушкин и Аркадий Родзянка; А. Л. Вайнштейн, В. П. Павлова. Пушкин в воспоминаниях Г. П. Небольсина; Г. И. Назарова. «Новоселье» Александра Брюллова. — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1969 г. Мелкие заметки; М. И. Привалова. К стихотворению «Золото и булат»; М. Ф. Мурьянов. 1) К реальному комментарию «Скупого рыцаря»; 2) К тексту «Сказки о золотой рыбке»; А. М. Ступель. «Каменный гость» в трактовке итальянского композитора; Клаудиа Ласорса. Опера Якопо Наполи «Скупой барон» по Пушкину. — III. Хроника. Некрологи. В. В. Виноградов; Памяти Гаральда Рааба (1921—1969); Государственный музей А. С. Пушкина в 1969 г.; Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1969 г.; Пушкинский заповедник в 1969 г.; Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино (Горьковская обл.) в 1969 г.; Пушкинские дни в г. Бузулуке (Оренбургская обл.); Пушкинский перевал; Список иллюстраций.
- Гаврилова Е.** Пушкин, Гоголь и Соболевский в рисунках К. Брюллова. — «Искусство», 1971, № 2, стр. 54—60.
- Галушко Татьяна.** Рождение образа. — «Аврора», 1971, № 6, стр. 50—53.
«Маленькие трагедии» Пушкина и пьеса Ю. Свирина «Болдинская осень» в Ленинградском академическом театре драмы им. А. С. Пушкина.
- Гаркави А. М.** Из разысканий о Некрасове. 1. «По следам Пушкина». — В кн.: О Некрасове. Статьи и материалы. Вып. 3. Ярославль, Верх.-Волж. кн. изд., 1971, стр. 295—299.
Сопоставление стихотворений Некрасова «Родина» и «Муза» с «Деревней» и «Наперсницей волшебной старины».
- Гейченко С. С.** Восстановление парков в Пушкинском заповеднике. — Тр. науч.-исслед. ин-та культуры, 1971, т. 2. Вопросы лит.-мемориальных музеев, стр. 51—54.
- Гейченко С. С.** У лукоморья. Записки хранителя Пушкинского заповедника. [Вступит. статья М. Дудина. Ил.: В. Звонцов и А. Соколов]. Л., Лениздат, 1971, 248 стр. с ил.
Рец.:
Виноградов И. Приют поэта. — «Нева», 1971, № 10, стр. 201—202.
Нагибин Юрий. Рассказы хранителя лукоморья. — «Наш современник», 1971, № 11, стр. 102—105.
Пухов В. Заповедное имя. — «В мире книг», 1972, № 1, стр. 45.
- Гоzenпуд А.** Пушкин и русская оперная классика. — В кн.: Гоzenпуд А. Избранные статьи. Л., «Советский композитор», 1971, стр. 5—27.
Впервые в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 5. Л., «Наука», 1967, стр. 200—216.
- Гоzenпуд А.** Русский оперный театр XIX века. (1857—1872). Л., «Музыка», 1971, 334 стр. (Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии).

- Стр. 84—108: Гл. IV. «Рогнеда» и спор Стасова с Серовым о «Рус-
лане и Людмиле». Стр. 108—123: Гл. V. Новое восприятие «Русалки»
в 60-е годы. Стр. 276—327: Гл. XI. «Каменный гость» Даргомыжского.
- Г р а н и н Даниил. Священный дар. — «Новый мир», 1971, № 11, стр. 181—
240.
- «Модарт и Сальери» Пушкина.
- Г р и б у ш и н И. И. Заметки о Пушкине. — В кн.: Вопросы русской
литературы, вып. 2. Львов, Изд. Львов. ун-та, 1971, стр. 30—37.
(Межвед. респ. науч. сборник).
1. Когда написано стихотворение «Он вышней волею небес»? —
2. Две записи в рукописи «Евгения Онегина». — 3. «Читал охотно
„Елисея“...» [поэму В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный
Вахк»]. — 4. «Летний сад мой огород» [перефразировка строки из песни
И. И. Дмитриева «Видел славный я дворец»].
- Г у р е в и ч А. М. Лирика Пушкина в ее отношении к романтизму. (О нрав-
ственно-эстетическом идеале поэта). — В кн.: Проблемы романтизма.
Сборник статей, 2. М., «Искусство», 1971, стр. 197—228.
- Г у р е в и ч А. Реализм Пушкина и литература его времени. — «Вопросы
литературы», 1971, № 3, стр. 207—210.
Рец. на кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 6. Л., «Наука»,
1969, 308 стр.
- Д а р в и н М. Н. Пушкин и Тютчев. (К вопросу о публикации стихотворе-
ний Ф. И. Тютчева в пушкинском «Современнике»). — В кн.: Вопросы
русской, советской и зарубежной литературы. Новосибирск, 1971,
стр. 87—96. (Науч. тр. Новосиб. гос. пед. ин-та, вып. 65).
- Е л и с е в а В. Без хрестоматийного глянца. — «Новый мир», 1971,
№ 3, стр. 282—284.
Рец. на кн.: К р е й н А. Рождение музея. М., «Советская Россия»,
1969, 207 стр.
- Е р ш о в Л. Т. Трагический характер в «Дмитрии Самозванце» Сумарокова
и «Борисе Годунове» Пушкина. — В кн.: Вопросы литературы. Ново-
сибирск, 1971, стр. 35—41. (Науч. тр. Новосиб. гос. пед. ин-та, вып. 36).
- Е ф ф и м о в А. И. История русского литературного языка. Изд. 3-е, испр.
М., «Высш. школа», 1971, 295 стр.
Стр. 142—161: Гл. 10. Пушкин — основоположник норм современ-
ного русского литературного языка.
- Ж и т о м и р с к а я С. В. К истории писем Н. Н. Пушкиной. — В кн.:
«Прометей», т. 8. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 148—165. (Жизнь
замечательных людей).
- Ж у р а в л е в Г., П о п о в С. Маска Пушкина в Оренбургском му-
зее. — «Урал», 1971, № 2, стр. 142—145.
- З а п а д о в А. В. Книга в руках пушкинских героев. — В кн.: Книга.
Исследования и материалы. Сб. 22. М., «Книга», 1971, стр. 136—147.
(Всесоюз. книжная палата).
- З а х а р о в а В. Т. Об истории концепции «переходности» романтизма
Пушкина в советском литературоведении. — В кн.: Сборник студен-
ческих научных работ, вып. 2. Днепропетровск, 1971, стр. 45—49.
(М-во высш. и средн. спец. образования СССР. — Днепропетр. гос. ун-т
им. Воссоединения Украины с Россией. Ист.-филолог. фак.).
- И л ь е н к о С. Г. К проблеме исследования мотивированности в выборе
поэтического слова (на материале редакций произведений А. С. Пуш-
кина). — В кн.: Исследования по русскому языку. Л., 1971, стр. 123—
136. (Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та, т. 451).
- И л ь и н с к а я И. С. О чем могут сказать несколько цифр (слова «холм»,
«бор», «ручей», «ручеек» и «речка» у Пушкина). — В кн.: Фонетика.
Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского.
М., «Наука», 1971, стр. 322—325. (АН СССР. Ин-т языкознания).
- И л ю ш и н А. А. Об одной особенности романтизма декабристов и Пуш-
кина. — В кн.: Проблемы теории и истории литературы. Сборник ста-

тей, посвященный памяти А. Н. Соколова. М., Изд. МГУ, 1971, стр. 119—131.

И н ж е в а т о в Иван. Пушкин в Мордовии. — В кн.: Страницы большой дружбы. Сборник статей. Саранск, Мордовск. кн. изд., 1971, стр. 28—42.

К а з а н ц е в П. М. Анна Вирлацкая. По следам прообраза героини незавершенного пушкинского романа [«Русский Пелаг»]. — «Урал», 1971, № 9, стр. 129—138.

Впервые материалы о Е. М. Хованской, прототипе Вирлацкой, и Всеволожских напечатаны в статье «К изучению „Русского Пелага“ А. С. Пушкина». (Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967, стр. 21—33).

К а н и - Н о в и к о в а Е. Хочу правды. Повесть об Александре Даргомыжском. М., «Музыка», 1971, 140 стр.

Стр. 30—36: «Звучит пушкинское слово». Стр. 89—95: «Русалка». Стр. 96—110: «Хочу правды». [Первая постановка оперы «Русалка»].

К и р и л ю к А. А. С. Пушкин на страницах фронтовой печати. — В кн.: Слово, которое вело в бой. Киев, Изд. Киев. ун-та, 1971, стр. 48—61.

К и р п о т и н В. Я. У истоков романа-трагедии. Достоевский — Пушкин — Гоголь. — В кн.: Достоевский и русские писатели. Сборник статей. М., «Советский писатель», 1971, стр. 9—86.

К о м и с с а р ж е в с к и й В. Г. День театра. М., «Искусство», 1971, 303 стр.

Стр. 13—53: «О, если бы снова Пушкин. . .». [Постановка трагедии А. П. Глобы «Пушкин» в Театре им. Ермоловой].

К о р о с т ы л е в Вадим. Шаги командора. Трагедия. Три действия. — «Театр», 1971, № 1, стр. 165—192.

Пьеса из жизни Пушкина в Санкт-Петербурге в начале 1837 г. К р е й ч и Карел. Поиски чешского Онегина. — В кн.: Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., «Наука», 1971, стр. 10—28.

Тип Онегина в чешской литературе.

К у с т а р е в а М. А. А. С. Пушкин — основоположник современного русского литературного языка. — В кн.: К у с т а р е в а М. А. История русского литературного языка. Ч. 1. Пособие для студентов-заочников факультетов русского языка и литературы педагогических институтов. М., «Просвещение», 1971, стр. 171—193. (Гл. упр. высш. и средн. пед. учеб. заведений М-ва просвещения РСФСР. — Моск. гос. заоч. пед. ин-т).

Л у з а н и н а Л. Н. «История государства Российского» Н. М. Карамзина и трагедия Пушкина «Борис Годунов». (К проблеме характера летописца). — «Русская литература», 1971, № 1, стр. 45—57.

М а й с т р о в Л. Зачем был «дуб уединенный»? — «Знание — сила», 1971, № 2, стр. 46—47.

Солнечные часы в Тригорском парке.

М а л и с о в а В. Н. О языковых сигналах образа автора-повествователя в художественном произведении. — Науч. тр. Ташк. ун-та, 1971, вып. 412, стр. 103—115.

На материале повестей «Дубровский» и «Невский проспект».

М а л ь ц е в М. И. К спору о Пушкине. — В кн.: Вопросы русской и чувашской филологии, вып. 1. Чебоксары, 1971, стр. 30—77. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. — Чуваш. ун-т им. И. Н. Ульянова).

Классификация принципов заимствования у Пушкина. Полемика с работами Б. С. Мейлаха, Д. Д. Благого, Н. Л. Степанова, У. Фохта, В. В. Пугачева.

Рец.:

За пределами науки. — «Вопросы литературы», 1972, № 8, стр. 161—175.

Перед загл. авт.: М. Алексеев, Д. Лихачев, Н. Бельчиков, Л. Тимофеев, С. Макашин.

М а н е в и ч Г. «Цветовая биография Пушкина». Страницы рукописи С. Эйзенштейна. — «Вопросы литературы», 1971, № 10, стр. 186—192.

Рукопись «Замысел цветного фильма „Любовь поэта“», хранящаяся в архиве Эйзенштейна.

М а н у й л о в В. Мы шли к победе вместе с Пушкиным. — «Нева», 1971, № 6, стр. 188—190.

Чествование памяти поэта в годы Великой Отечественной войны.

М а р ш а к С. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. Воспитание словом (статьи, заметки, воспоминания). М., «Художественная литература», 1971, 639 стр.

Стр. 7—17: «Заметки о сказках Пушкина». [Впервые в кн.: М а р ш а к С. Воспитание словом. Статьи, заметки, воспоминания. М., «Советский писатель», 1964, стр. 5—16]. Стр. 217—223: «Три юбилея». [Впервые: Правда, 1937, № 39, 9 февраля, стр. 2]. Стр. 224—227: «Пушкин и „младое племя“». [Впервые в кн.: М а р ш а к С. Воспитание словом. М., «Советский писатель», 1964, стр. 261—265].

М а р ь я н о в Борис. Мир без бога. — В кн.: Мир человека. Сост. А. Романов, Л. Филиппов. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 9—23.

Впервые: «Наука и религия», 1964, № 6, стр. 48—55. [Пушкин и религия. Отрывок Пушкина «Создание мира»].

М а т ю ш к и н Ф. Ф. Из «Журнала кругосветного плавания на шлюпе „Камчатка“ под командою капитана Головинна (1817—1819)». [Публ., вступ. статья «Бразилия и Перу эпохи войны за независимость в неопубликованном дневнике Ф. Ф. Матюшкина», стр. 137—144, и примеч. Л. А. Шура]. — «Латинская Америка», 1971, № 1, стр. 144—159 с ил.; № 2, стр. 148—162 с ил.

То же. — В кн.: Шу р Л. А. К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века. М., «Наука», 1971, стр. 14—76 с ил.; 2 л. факс.

М е д в е д е в а И. «Горе от ума» А. С. Грибоедова. — М а к о г о н е н к о Г. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. М., Гослитиздат, 1971, 207 стр.

М е д в е д к и н В. М. О некоторых языковых особенностях романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Поэтика — школа. Воронеж, 1971, стр. 112—120. (Изв. Воронеж. пед. ин-та, т. 117).

М е й л а х Б. С. А. С. П у ш к и н. — В кн.: Краткая литературная энциклопедия, т. 6. М., «Советская энциклопедия», 1971, стр. 91—105.

М е й л а х Б. А. С. Пушкин. — В кн.: П у ш к и н А. С. Стихотворения. Уфа, Башк. кн. изд., 1971, стр. 5—42.

М и л о н о в Николай. На пушкинской тропе. — В кн.: М и л о н о в Н и к о л а й. Русские писатели по литературному краеведению. Тула, Приок. кн. изд., 1971, стр. 190—202.

М о л е в а Н. На смерть поэта. — В кн.: М о л е в а Н. Московская мозаика. М., «Московский рабочий», 1971, стр. 171—191.

Стихотворение А. Н. Креницына «Нет! не до песен мне, сестра», — отклик на гибель Пушкина. Пушкин и Креницын.

М о т о л ь с к а я Д. К., С о к о л о в а К. И. К вопросу о композиции лирического стихотворения. (На материале лирики А. С. Пушкина 1830-х гг.). — В кн.: Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Л., 1971, стр. 136—155. (Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 414).

М у з а Елена Владимировна. «Края Москвы, края родные». «Пушкинской Москве», ее улицам, площадям, бульварам, таким, какими их знал и любил поэт, запечатленным в его стихах, в рассказах современников, в созданиях художников, посвящается эта книжка. М., «Советская Россия», 1971, 47 стр. с ил.

Рец.:

- Баженков Г. Прогулки с Пушкиным. — «Смена», 1972, № 13, стр. 23.
- Мурьянов М. Ф. О пушкинской «Вакхической песне». — «Русская литература», 1971, № 3, стр. 77—81.
- Назарова Г. Нацокинский домик. Л., «Аврора», 1971, 41 стр., 42 л. ил. Текст на рус. и франц. яз. Пер. на франц. яз. А. Паскаль.
- Назарова Граната. «Нацокинский домик». — «Аврора», 1971, № 2, стр. 65—67 с ил.
История домика.
- Непомнящий В. «Сила взрыва». О пушкинском слове и русской народной поэзии. — «Литература в школе», 1971, № 3, стр. 14—24.
- Нестеров М. Н., Нестерова А. Е. Лексика и фразеология произведений А. С. Пушкина как средство историко-поэтической стилизации в романах о самом поэте. — В кн.: Научно-практические очерки по русскому языку, вып. 4—5. Под ред. Г. В. Денисевича. Курск, 1971, стр. 55—77. (Уч. зап. Курск. гос. пед. ин-та, т. 92).
- Нольман М. Л. Некрасов и Пушкин. Эволюция лирического жанра воспоминания-исповеди. — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. 1821—1971. М., «Наука», 1971, стр. 204—223. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
- Нольман М. Система пушкинских образов. — «Вопросы литературы», 1971, № 9, стр. 96—111.
То же, в расширенном варианте. — Уч. зап. Яросл. гос. пед. ин-та им. К. Д. Ушинского и Костром. гос. пед. ин-та им. Н. А. Некрасова, Кострома, 1971, вып. 21, стр. 15—94.
- Овчинникова С. Т., Курочкина Г. Г. Музей Александра Сергеевича Пушкина в селе Бернове. Путеводитель. Калинин, 1971, 69 стр. с ил. (Калинин. обл. упр. культуры. — Калинин. обл. краевед. музей).
- Овчинникова С. Современники о Пушкине. — «Дошкольное воспитание», 1971, № 2, стр. 47—50.
- Одинокое В. Г. Проблемы поэтики и типологии русского романа XIX века. Новосибирск, «Наука», 1971, 192 стр. (АН СССР. Сиб. отд-ние. — Новосиб. гос. ун-т).
Ч. I. Некоторые пути формирования и развития поэтики русского романа в XIX в. Гл. 1: Пушкин и прозаический роман (стр. 35—60).
- Оксман Ю. Г. Пушкин и декабристы. — «Освободительное движение в России», Саратов, 1971, № 1, стр. 70—88.
- Осват Ал. Издание Пушкина в США. — «Вопросы литературы», 1971, № 7, стр. 219—221.
Рец. на кн.: P u s h k i n A. The critical prose. Ed. and transl. by C. R. Proffer. Bloomington, London, 1969, 308 p.
- Панова Эмма. Поэзия Пушкина в словацком классицизме и преромантизме. — В кн.: Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., «Наука», 1971, стр. 29—41.
- Петросов К. Г. А. С. Пушкин об идеале. — Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1971, т. 289, Русская литература, вып. 14, стр. 105—123.
Эстетические взгляды Пушкина.
- Пини О. А. XXI Пушкинская конференция. — «Русская литература», 1971, № 4, стр. 240—244.
- Пини О. А. Пушкин и Грузия. Конференция в Тбилиси. — «Вестник АН СССР», 1971, № 10, стр. 114—115.
XXI Всесоюзная пушкинская конференция.
- По пушкинским местам. Там некогда гулял и я. . . Л., Лениздат 1971, 199 стр. с ил.
Сост. и авт. текста: А. М. Гордин.

- Порудолинский Владимир. Даль. М., «Молодая гвардия», 1971
№ 384 стр. с ил. (Жизнь замечательных людей, вып. 17).
Стр. 134—174: «Пушкин».
- Потомки Ганнибала. — «Радуга», 1971, № 1, стр. 191.
Печатка и шкатулка А. Ганнибала, переданные К. Я. Коротовой
в Пушкинский заповедник. Находятся в Институте русской литера-
туры.
- Повтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. Виктора Влади-
мировича Виноградова. Л., «Наука», 1971, 459 стр.
Стр. 102—110: Н. В. Измайлов. Из истории русской октавы.
[Октавы «Домика в Коломне» Пушкина]. Стр. 111—117: И. С. Ильин-
ская. Пушкин и традиция стихотворной речи XVIII века. Стр. 117—
127: М. С. Алътман. Читая Пушкина. Стр. 127—133: Б. Г. Реи-
зов. Воспоминание из Андре Шенье у Пушкина. Стр. 134—140:
С. В. Шервинский. Цветы в поэзии Пушкина. Стр. 141—146:
Н. С. Пospelов. Из наблюдений над синтаксическим строем
романа «Евгений Онегин». (О смене временных планов и средствах его
выражения в пушкинских описаниях). Стр. 292—300: В. И. Хар-
чевников. О пушкинской и лермонтовской традициях в поэти-
ческом стиле Сергея Есенина. Стр. 443—449: И. Бадалич. «Евге-
ний Онегин» в переводах литератур югославских народов.
- Присуждение премий Академии наук СССР. Премия им. А. С. Пуш-
кина. — Вестник АН СССР, 1971, № 12, стр. 96—97.
Премия 1971 г. присуждена В. В. Виноградову.
- Пухов В. Верный спутник А. С. Пушкина [Никита Тимофеевич Коз-
лов]. — «Волга», 1971, № 1, стр. 190—191.
- А. С. Пушкин. Статьи и материалы. Горький, 1971, 88 стр. (Уч. зап.
Горьк. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, вып. 115).
Содерж.: Статьи. В. А. Грехнев. Слово и большой лирический
контекст в поэзии пушкинской поры (Жуковский, Тютчев); И. З. Се-
рман. Художественная проблематика и композиция поэмы «Полтава»;
С. Т. Овчинникова. Проблематика «Пира во время чумы»;
Н. Г. Костина. К вопросу об эволюции общественно-политических
взглядов Пушкина в конце 1820-х—начале 1830-х годов. — Материалы
и сообщения. В. И. Костин. Пушкин и журнал «Соревнователь
просвещения и благотворения» (о датировке стихотворения Пушкина
«К Н. Я. П.»); Е. Г. Метева. Пушкинская тема поэта в литерату-
рной борьбе Болгарии 1900—1930 гг.; А. А. Илюшин. К истории
статьи Пушкина о «Сочинениях и переводах в стихах Павла Катенина»;
Ж. Зельдхейн. Литературные источники венгерского романа
о декабристах.
- Пушкин и Тамбовский край. Краткая биографическая справка о родствен-
никах, друзьях или знакомых А. С. Пушкина, родившихся или жив-
ших в Тамбовском крае. Авт. карты и текста Н. М. Гордеев. М., Гл.
упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1971,
1 л. карт. (Тамбов. обл. ин-т усовершенствования учителей).
Карта.
- Пушкинский отдел Одесского государственного историко-краеведче-
ского музея. Путеводитель. Изд. 2-е, испр. и доп. Одесса, «Маяк»,
1971, 28 стр. с ил. (М-во культуры УССР).
- Пьянов А. С. и Ильин М. А. Пушкинские места Верхневолжья.
М., «Московский рабочий», 1971, 80 стр. с ил.
- Раевский Николай. Особняк на Дворцовой набережной. — «Простор»,
Алма-Ата, 1971, № 12, стр. 88—94.
Резиденция австрийского посольства, бывший дом Салтыкова, где
в 1829—1837 гг. бывал Пушкин.
- Рогов В. История «статуи медной». — «Простор», Алма-Ата, 1971, № 4,
стр. 105—109.
Судьба статуи Екатерины II, принадлежавшей Пушкину.

- Р о з о в а З. Г. «Дубровский» Пушкина и «Новая Элоиза» Руссо. — В кн.: Вопросы русской литературы, вып. 3. Львов, Изд. Львов. ун-та, 1971, стр. 64—69. (Межвед. респ. науч. сборник).
- С а в е л ь е в Д. Г. А. С. Пушкин в оценке символистов. — Уч. зап. Душанб. гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко, 1971, т. 73, стр. 154—170.
- С б о р н и к трудов молодых ученых. Томск, 1971, 209 стр. (Томск. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева).
- Стр. 23—37: А. С. Я н у ш к е в и ч. О своеобразии жанра «Пиковая дама» А. С. Пушкина. Стр. 100—119: Н. Б. Р е м о р о в а. Вопросы западноевропейской культуры средних веков и Возрождения в статьях и заметках А. С. Пушкина (статья вторая).
- С л о н и м с к и й А. Л. Пояснительные статьи к «Повестям Белкина». — В кн.: П у ш к и н А. С. Повести Белкина. М., «Детская литература», 1971, стр. 76—91. (Школьная 6-ка).
- Впервые в кн.: П у ш к и н А. С. Повести Белкина. М., 1966, стр. 76—90.
- С л о н и м с к и й Ю. «Под сению кулис...». — «Нева», 1971, № 9, стр. 200—204.
- Отражение балетных впечатлений в творчестве Пушкина.
- С м и р н о в а Э. Русская музыкальная литература. Для VI—VII кл. детских муз. школ. Под ред. Т. В. Поповой. 2-е изд. М., «Музыка», 1971, 128 стр.
- Стр. 36—43: «Русалка». [Опера А. С. Даргомыжского]. Стр. 55—65: «Борис Годунов». [Опера М. П. Мусоргского]. Стр. 111—125: «Евгений Онегин». [Опера П. И. Чайковского].
- С о й м о н о в А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., «Наука», 1971, 360 стр. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
- Гл. вторая. У истоков Собрания народных песен П. В. Киреевского.
1. Проблема фольклора в творчестве А. С. Пушкина тридцатых годов XIX в. и его собрание народных песен (стр. 98—140).
- С т р а н и ц ы истории русской литературы. К 80-летию чл.-корр. АН СССР Н. Ф. Вельчикова. М., «Наука», 1971, 447 стр. (АН СССР. Отд-ние яз. и литературы).
- Стр. 37—44: М. С. А л ь т м а н. Литературные параллели. I. Параллели к текстам Пушкина (стр. 37—42). Стр. 92—99: Б. А. В а с и л ь е в. О новой датировке стихотворения Пушкина «Возрождение». Стр. 131—135: А. И. Г е р б с т м а н. Кто такие «Р. Р.»? (О непрочитанной строке десятой главы «Онегина»). Стр. 299—305: Ю. Г. О к с м а н. Заметки Пушкина об освобождении Москвы от интервентов в 1613 году.
- Т а м а р ч е н к о Н. Д. О поэтике «Пиковой дамы» А. С. Пушкина. — В кн.: Вопросы теории и истории литературы. Казань, 1971, стр. 45—62. (Уч. зап. Казан. гос. пед. ин-та, вып. 72).
- Т а т а р л ы Ибрагим. Сабахатин Али и А. С. Пушкин. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 3, стр. 86—92.
- Т а х о - Г о д и А. А. Жанрово-стилевые типы пушкинской античности. — В кн.: Писатель и жизнь, вып. 6. М., Изд. МГУ, 1971, стр. 180—200.
- Т в а р д о в с к и й А. Т. Пушкин. — В кн.: Т в а р д о в с к и й А. Т. Собрание сочинений в пяти томах, т. 5. М., «Художественная литература», 1971, стр. 11—18.
- Впервые в кн.: Т в а р д о в с к и й А. Статьи и заметки о литературе. М., «Советский писатель», 1961, стр. 5—13.
- Т е п л о в Б. М. Заметки психолога при чтении художественной литературы. (К 75-летию со дня рождения). — «Вопросы психологии», 1971, № 6, стр. 122—130.
- На материале произведений «Моцарт и Сальери», «Пиковая дама» и «Евгений Онегин».
- Т е р е б е н и н а Р. Е. Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома)

АН СССР за 1958—1968 гг. — Краткое описание автографов Пушкина, поступивших в Пушкинский Дом в 1965—1967 гг. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., «Наука», 1971, стр. 114—120 с факс. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).

Т о м а ш е в с к и й Б. В. Письма В. Я. Брюсову. Публ. Л. С. Флейшмана. — Труды по знаковым системам, т. 5. Тарту, 1971, стр. 532—544. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та, вып. 284).

Письма 1910—1911 гг., написанные в Льеже, ранний набросок работы о четырехстопном ямбе «Евгения Онегина».

У м а я с к а я М. М. Лермонтов и романтизм его времени. Ярославль, Верх.-Волж. кн. изд., 1971, 304 стр. (М-во просвещения РСФСР. Яросл. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского).

Стр. 189—205: Гл. V. Идея и стиль поэмы А. С. Пушкина «Цыганы».

Ф а д е е в А. А. Линия Пушкина. (Речь на юбилейном вечере С. Я. Маршак 14 XI 1947). — В кн.: Я думал, чувствовал, я жил. Воспоминания о С. Я. Маршак. М., «Советский писатель», 1971, стр. 5—10.

Х у д о ж н и к и Ленинграда Пушкину. Каталог передвижной выставки. Л., 1971, 32 стр. (Всесоюз. музей А. С. Пушкина М-ва культуры РСФСР. — Ленингр. высш. худож.-пром. училище им. В. И. Мухомой).

Под ред. Г. Г. Прошина.

Авт. вступ. статьи: П. Корнилов и Н. Михин.

Ц я в л о в с к и й М. А., Ц я в л о в с к а я Т. Г. Вокруг Пушкина. — «Наука и жизнь», 1971, № 6, стр. 66—76.

Фрагменты из пушкиноведческих дневников М. А. и Т. Г. Цявловских с краткими пояснениями Т. Г. Цявловской и родословной таблицей потомков Пушкина.

Ч и с т о в а И. С. Письма В. Я. Брюсова к А. Ф. Онегину (к истории пушкиноведческих исследований Брюсова). — Науч. докл. высш. школы, Филолог. науки, 1971, № 3, стр. 84—91.

Письма 1903—1912 гг.

Ч у к о в с к и й Корней. Мастерство Некрасова. [Изд. 5-е]. М., «Художественная литература», 1971, 711 стр.

Стр. 7—72: раздел «Пушкин и Некрасов» (в главе «Учителя и предшественники»).

Ш а н т а е в а Л. Н. Пушкин и Тверской край. Калинин, «Московский рабочий», 1971, 22 стр. (Калинин. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры).

Ш в а р ц б а н д С. М. История одной мистификации. (К вопросу о сущности образа Ивана Петровича Белкина). — В кн.: Вопросы русской, советской и зарубежной литературы. Новосибирск, 1971, стр. 73—86. (Науч. тр. Новосиб. гос. пед. ин-та, вып. 65).

Ш в а р ц б а н д С. М. Повесть А. С. Пушкина «Выстрел». (Опыт анализа внутренней структуры). — В кн.: Вопросы литературы. Новосибирск, 1971, стр. 42—52. (Науч. тр. Новосиб. гос. пед. ин-та, вып. 36).

Ш е л г у н о в а Л. М. «Если» — «коли» в повести «Барышня-крестьянка». — «Русская речь», 1971, № 2, стр. 33—37.

Ш е р в и н с к и й С. В. Ремарки в «Борисе Годунове» Пушкина. — Известия АН СССР, Серия лит. и яз., т. 30, вып. 1, 1971, стр. 62—71.

Ш л и ф ш т е й н С. От Гоголя к Пушкину... К изучению наследия М. П. Мусоргского. — «Советская музыка», 1971, № 3, стр. 109—122.

Э л ь я ш Николай. Авдотья Истомина. Л., «Искусство», 1971, 189 стр. с ил. (Корифеи рус. и зарубежн. сцены).

Стр. 55—72: «В строфах и замыслах поэта».

Я к о в л е в Н. Заговорившие портреты. — В кн.: «Прометей», т. 8. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 316—318. (Жизнь замечательных людей).

Рец. на кн.: Раевский Н. А. Если заговорят портреты. Алма-Ата, «Жазушы», 1965, 182 стр.

Яшин Михаил. Последние часы Пушкина. — «Нева», 1971, № 2, стр. 189—198.

Окончание статьи «История гибели Пушкина», опубликованной в «Неве» (1968, № 2, 6; 1969, № 3, 4, 12).

ИЗУЧЕНИЕ ПУШКИНА В ШКОЛЕ

Беглиева М. Н. Изучение произведений А. С. Пушкина на уроках русской литературы. (VI—VIII классы туркменской школы). Ред. Л. М. Кулакова. Ашхабад, 1974, 57 стр. (Науч.-исслед. ин-т пед. наук М-ва нар. образования ТССР).

Стр. 55—56: список литературы.

Дегожская А. С. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» в школьном изучении. Пособие для учителя. Л., «Просвещение», 1971, 127 стр.

Рец.:

Бундже В. В. «Капитанская дочка» на уроках в VII классе. — «Литература в школе», 1972, № 4, стр. 84—87.

Демин Н. А. Изучение творчества А. С. Пушкина в 8 классе. М., «Просвещение», 1971, 192 стр. (Из опыта работы).

Долнина Н. Г. Прочитаем «Онегина» вместе. Заметки о романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». [Изд. 2-е]. Л., «Детская литература», 1971, 167 стр. с ил. (Школьная б-ка. Для средн. школы).

Отзыв:

Гравин С. Чтобы лучше понимать людей. . . — «Семья и школа», 1971, № 1, стр. 46—47.

Донченко Т. К. Формирование у учащихся понятия образа-персонажа в связи с изучением романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в вечерней школе. — Уч. зап. Туркм. гос. ун-та им. А. М. Горького, Ашхабад, 1971, Серия филолог. наук, вып. 66, стр. 101—108.

Дыбовская Г. Вникая в смысл слов. . . — «Дошкольное воспитание», 1971, № 6, стр. 78—81.

Архаизмы в языке Пушкина.

Зеленков В. А. О проблемном анализе романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Проблемное преподавание литературы в школе (Сборник статей). Казань, Татар. кн. изд., 1971, стр. 50—111.

Калантарян А. Г. Изучение стихотворения А. С. Пушкина «Зимняя дорога». — «Русский язык в армянской школе», Ереван, 1971, № 1, стр. 42—44.

Поздняева З. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и эстетическое воспитание школьников. — В кн.: К проблемам русской литературы, вып. 1. Ставрополь, 1971, стр. 149—170. (М-во просвещения РСФСР. — Ставропольск. гос. пед. ин-т).

Пушкарёва М. Д. Изучение повести Пушкина «Дубровский» в V классе. — «Литература в школе», 1971, № 5, стр. 55—66.

Рез З. Я. Анализ лирического стихотворения в старших классах (А. С. Пушкин. «Пророк»). — В кн.: Искусство анализа художественного произведения. Сост. Т. Г. Браже. М., «Просвещение», 1971, стр. 106—123.

Рез З. Я. Лирика Пушкина и Лермонтова в V классе. — «Литература в школе», 1971, № 5, стр. 42—54.

Чиров Д. Т. В высшей степени народное произведение. К изучению романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в VIII классе. — В кн.: Классическая литература и современность. Исследования и материалы. Волгоград, 1971, стр. 3—36. (Уч. зап. Волгоград. пед. ин-та им. А. С. Серафимовича, вып. 40).

ДОПОЛНЕНИЕ К БИБЛИОГРАФИИ 1970 г.

- Бозырев В. С.** Пушкин и Михайловское. — В кн.: Псковский край в истории СССР. Очерки истории. Л., Лениздат, 1970, стр. 81—118. (Арх. отд. Псков. облисполкома. Псков. ин-т усовершенствования учителей).
- Временник** Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., «Наука», 1970, 152 стр. с ил. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия).
Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. К. П. Богоевская. Из записок Н. М. Смирнова; М. И. Гиллельсон. Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон; Г. Ф. Турчанинов. Султан Казы Гирей — корреспондент пушкинского «Современника»; В. Э. Вацуро. Уолпол и Пушкин; В. В. Крамер. С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина. — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1968 года. Мелкие заметки: 1. В. В. Пугачев. К датировке послания Пушкина «К Чаадаеву». 2. Я. Л. Левкович. «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина и «Андрей Безыменный» А. О. Корниловича. 3. М. Ф. Мурьянов. Магический кристалл. 4. Е. И. Гаврилова. «Коллективная записка» К. П. Брюллову. 5. Е. Д. Петряев. Пушкин и Павел Зубов. 6. Л. И. Тарасюк. Огюстен Грнзье, преподаватель фехтования Пушкина. 7. Т. Г. Цявловская. Н. М. Смирнов в рисунке Пушкина. 8. А. Н. Егунов. Немецкая «Пиковая дама». 9. В. В. Лазурский. Веронское издание «Медного всадника». 10. К. Ласорса. Новые итальянские переводы «Медного всадника». — III. Хроника. Некрологи: М. М. Калаушин; Андре Мсье; Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1968 г.; Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1968 г.; Пушкинский заповедник в 1968 г.; Музей-заповедник А. С. Пушкина в Болдине (Горьковская обл., 1967—1968 гг.); Пушкинские дни в Оренбургской области; В Государственном музее Татарской АССР; Дополнения и поправки; Список иллюстраций.
- Гальченко И. Е.** Из истории контактирования русского языка и языков народов Кавказа (на материале языка произведений А. С. Пушкина). — Уч. зап. Сев.-Осет. гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова, 1970. Тр. кафедры рус. яз., т. 28, вып. 2, стр. 38—54.
- Зелепукина Л. А.** Употребление именительного и творительного предикативного имен существительных при полузнаменательных глаголах в языке Пушкина, Лермонтова и Гоголя. — Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1970, т. 278, Русский язык, вып. 17, стр. 268—276.
- Ильинская И. С.** Лексика стихотворной речи Пушкина. «Высокие» и поэтические славянизмы. М., «Наука», 1970, 259 стр. (АН СССР. Ин-т рус. яз.).
Рец.:
Воробьев В. П. — Науч. докл. высш. школы, Филолог. науки, 1971, № 3, стр. 112—114.
- Мацоккина Е. М.** О разнотемной полифонии в опере Чайковского «Пиковая дама». — Науч.-метод. зап. Новосибир. гос. консерватории им. М. И. Глинки, 1970, вып. 5, стр. 177—194.
- Петров С. М.** А. С. Пушкин. — В кн.: История русской литературы XIX века. Под ред. С. М. Петрова. Изд. 3-е, перераб. Т. I. М., «Промсвещение», 1970, стр. 179—253.
- Цявловская Т.** Рисунки Пушкина. М., «Искусство», 1970, 168 стр. с ил.
Рец.:
Альтман М. «Быстроокий художник». — «Вопросы литературы», 1971, № 6, стр. 226—228.

- Б о г а ч Г. Нарисовано поэтом. . . — «Кодры», 1971, № 9, стр.147—149.
- В о л и н Владимир. Над рисунками поэта. — «Знание — сила», 1971, № 5, стр. 46—48.
- Г л а д ы ш е в а С. «Знакомцы давние. . .». — «Знамя», 1971, № 7, стр. 247—249.
- Г о р д и н М. «Портреты, числа, имена. . .». — «Звезда», 1971, № 12, стр. 213—215.
- К о к а Г. Пушкин — рисовальщик. — «Литературная газета», 1971, 25 августа, № 35, стр. 4.
- К о р н и л о в и ч М. Рисует Пушкин. — «В мире книг», 1971, № 6, стр. 32.
- К у з ь м и н Н. Пушкин — рисовальщик. — «Новый мир», 1971, № 4, стр. 250—252.
- О з е р о в Лев. Росчерком гусяного пера. -- «Огонек», 1972, № 8, стр. 28—29.
- С т е ф а н ч у к Л. Рисует Пушкин. — «Литературная Россия», 1971, 4 июня, № 23, стр. 21.
- Ф р и д м а н Н. В. — «Известия АН СССР», Серия лит. и яз., т. 31, вып. 1, 1972, стр. 79—81.
- Я к о в л е в Н. Рисунки Пушкина. — «Наука и жизнь», 1971, № 5, стр. 38—39.
- Ш у р Л. М. Система работы по развитию процесса воссоздания образов. (На материале изучения лирики А. С. Пушкина). — Уч. зап. Азерб. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, Баку, 1970, XI серия, № 2, стр. 23—34.
-

Я. Л. ЛЕВКОВИЧ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПУШКИНЕ (1966—1971 гг.)

В последние годы документальная пушкиниана значительно пополнилась как автографами поэта, так и неизвестными эпистолярными и мемуарными свидетельствами о нем. Многие из этих находок были опубликованы в предыдущих выпусках «Временника Пушкинской комиссии», поэтому из настоящего обзора они исключаются.¹

¹ Мы лишь коротко напомним об этих находках и их публикациях: В. Э. Вацуру и М. И. Гиллельсон обнаружили относящиеся к 1832 г. пометы Пушкина на книге П. А. Вяземского о Фонвизине (предварительную публикацию см.: В. Э. Вацуро. Пометы Пушкина на книге Вяземского. В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1964. Изд. «Наука», Л., 1967, стр. 17—20; полностью в кн.: Новонайденный автограф Пушкина. Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине». Подготовка текста, статья и комментарий В. Э. Вацуру и М. И. Гиллельсона. Изд. «Наука», М.—Л., 1968). Два автографа: рукопись записки «О народном воспитании» и стихотворения «Красавица» были известны в пушкиноведении, но считались утраченными (см.: Н. В. Измайлов. Вновь найденный автограф Пушкина — записка «О народном воспитании». В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1964. Изд. «Наука», Л., 1967, стр. 5—16; О. А. Пини. Новонайденный автограф стихотворения Пушкина «Красавица». В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1966. Изд. «Наука», Л., 1969, стр. 5—7). Письмо Пушкина к Д. Н. Гончарову от февраля 1833 г. нашли М. А. Дементьев и И. М. Ободовская. Публикацию в переводе на русский язык и факсимиле начала письма см.: М. Дементьев и И. Ободовская. Неизвестное письмо Пушкина. «Литературная газета» от 9 декабря 1970 г., стр. 6. Публикацию французского подлинника см.: М. А. Дементьев и И. М. Ободовская. Неизвестное письмо А. С. Пушкина к Д. Н. Гончарову. В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1970. Изд. «Наука», Л., 1972, стр. 5; Т. Г. Цявловская. Комментарий к письму. В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1970. Изд. «Наука», Л., 1972, стр. 5—13. Неизвестный ранее автограф стихотворения «Полководец» был найден И. М. Трофимовым (см.: И. Трофимов. Автограф А. С. Пушкина. «Советские архивы», 1970, № 3, стр. 112—114; анализ обстоятельств, вызвавших появление этого автографа, сделан Н. Н. Петруниной в статье «Новый автограф Пушкина» (Временник Пушкинской комиссии. 1970. Изд. «Наука», Л., 1972, стр. 14—23). Наконец, в одной из книг библиотеки Пушкина был обнаружен листочек, служивший закладкой, на котором рукой поэта сделана словарная запись (см.: Р. Е. Терехина. Новая словарная запись Пушкина. В кн.:

Одним из следствий интереса к жизни и деятельности Пушкина, распространившегося в самых широких читательских кругах, является то, что новые документальные материалы, связанные с именем поэта, не только публикуются в специально пушкиноведческих изданиях, но появляются и в художественно-публицистических и научно-популярных журналах («Нева», «Юность», «Огонек», «Знание — сила» и др.), а также на страницах газет. Таким образом, новые документы и факты, вводимые в научный оборот, могут не попасть в фокус зрения исследователя-пушкиниста. Собрать воедино разрозненные публикации и дать предварительную оценку их места и значения в науке о Пушкине и является основной задачей настоящего обзора.

В Государственную библиотеку СССР им. Ленина поступила недавно сохранившаяся часть архива П. И. Миллера, бывшего лиценста (VI выпуска), личного секретаря Бенкендорфа и восторженного поклонника Пушкина.² В архиве Миллера оказалось 10 автографов, составляющих в совокупности 37 страниц рукописного текста. Это 9 писем поэта и белой автограф «Замечаний о бунте» (т. е. примечаний к «Истории Пугачевского бунта», предназначенных не для печати, а для представления царю). Четыре письма-записки адресованы П. И. Миллеру и относятся к 1836 г.; три письма к Бенкендорфу (от 3, 4 и 6 июля 1834 г.) и одно письмо к Жуковскому (от 4 июля 1834 г.) связаны с неудачной попыткой Пушкина выйти в отставку летом 1834 г.

Еще одно письмо адресовано также Бенкендорфу. В этом письме, написанном 21 ноября 1836 г., поэт обвинял голландского посланника в составлении анонимного пасквиля. Все эти тексты были давно известны и печатались в сочинениях Пушкина по спискам или по первым публикациям. Тем не менее находка автографов — всегда значительное событие в науке. Пополняя рукописный фонд Пушкина, являясь обнадеживающей перспективой для дальнейших разысканий, автографы поэта, как правило, дают поправки даже к самым авторитетным спискам. В публикации Н. Я. Эйдельмана приведены, в частности, все различия автографов с печатными текстами. Рукопись «Замечаний о бунте» позволяет также сделать дополнения к их творческой истории, а автографы записок к Миллеру — с большей точностью их датировать.

Письмо к Бенкендорфу играет значительную роль в истории дуэли. Утеря оригинала в свое время привела ученых к неверным выводам. После того как П. Е. Цеголев обнаружил в камер-фурьерском журнале запись об аудиенции, данной Николаем I Пушкину 23 ноября 1836 г., считалось очевидным, что поэт отправил письмо и следствием этого была аудиенция. Однако на оригинале письма имеется карандашная запись Миллера, свидетельствующая, что письмо не было послано: «Найдено в бумагах А. С. Пушкина и доставлено графу Бенкендорфу 11 февраля». И все же оно несомненно связано с вызовом Пушкина во дворец. 21 ноября, кроме письма Бенкендорфу, Пушкин написал еще оскорбительное письмо Геккерну и в тот же день, 21 ноября, прочел его В. А. Соллогубу, а Соллогуб, рассказав о нем Жуковскому, помог оставить отсылку письма. Жуковский действовал

Временник Пушкинской комиссии. 1969. Изд. «Наука», Л., 1971, стр. 5—19). Краткое описание автографов Пушкина, поступивших в Пушкинский Дом, см.: Р. Е. Т е р е б е н и н а. Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук за 1958—1968 гг. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1969. Л., 1971, стр. 114—120.

² Н. Я. Э й д е л ь м а н. Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера. Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 33, М., 1972, стр. 280—320. Предварительные сообщения см.: С. В. Ж и т о м и р с к а я. Искать и быть оптимистом. К находке автографов А. С. Пушкина. «Неделя», 1972, № 16, стр. 6; С. Ж и т о м и р с к а я. 37 страниц рукою Пушкина. «Наука и жизнь», 1972, № 8, стр. 80—85.

быстро и решительно. По его инициативе и состоялась, по-видимому, встреча Пушкина с царем. Все, что было изложено в письме, Пушкин мог рассказать царю лично, и необходимость в отправке письма отпала.

С историей дуэли связано также опубликованное Т. Г. Цявловской неизвестное письмо Е. М. Хитрово к Пушкину.³ Хитрово была в числе тех друзей поэта, которые получали адресованный ему анонимный пасквиль под двойным конвертом. Получив пасквиль, поэт отвечал Хитрово. Это письмо до нас не дошло, однако обнаруженное письмо является ее ответом Пушкину. Елизавета Михайловна не поняла значения удара, нанесенного Пушкину. Т. Г. Цявловская справедливо пишет, что эгоцентризм Хитрово производит тягостное впечатление. Хитрово вообразила, что на Наталью Николаевну «... написали лишь для того, чтобы заставить меня сыграть роль посредника и этим ранить в самое сердце».

Событием в пушкиноведении является выход книги Т. Г. Цявловской о рисунках поэта.⁴ Раскрывая еще одну сторону творческого дарования Пушкина — его талант художника, тонкого, наблюдательного и острого, эта книга способствует проникновению в глубины творческого процесса поэта и является значительным вкладом в наше знание жизни Пушкина, ее событий и впечатлений. Т. Г. Цявловская расписывала множество рисунков в черновых тетрадах поэта, в частности атрибутировала многие портреты его современников. Среди этих портретных зарисовок Пушкина: Е. А. Баратынский, П. И. Пестель, А. М. Горчаков, Н. Н. Раевский-старший, П. В. Киреевский, А. Мицкевич, Н. И. Гнедич, Е. Ф. и Е. З. Канкрины, А. С. Грибоедов, П. Шиллинг, А. И. Якубович, Е. В. Вельяшева, А. А. Римская-Корсакова, А. Н. Гончарова и др. Иногда портреты современников являются единственным свидетельством знакомства с ними поэта. Так, например, долгое время неизвестно было, встречался ли Пушкин с Рылеевым. Многократные зарисовки Рылеева, живые, разнообразные и интимные, показывают, что поэт знал его близко. Часто рисунки Пушкина были следствием его размышлений, (выходом для чего-то волнующего его, еще не выраженного словами), т. е. своеобразным психологическим дневником. Именно к такому типу зарисовок относится четыре наброска пистолетов, о которых Т. Г. Цявловская рассказывает в статье «Невольник чести беспощадной».⁵ В произведениях Пушкина немало дуэльных эпизодов, но наброски пистолетов не связаны с ними. Это навело исследовательницу на мысль, не являются ли они отголосками размышлений о дуэлях, предстоящих самому Пушкину? Сопоставляя приблизительные даты рисунков с известными или предполагаемыми дуэлями поэта, она называет несколько эпизодов, которые могли быть связаны с зарисовками пистолетов: в 1819 г. — вызов на дуэль М. А. Корфа или дуэль с Рылеевым, в 1820 г., в Кишиневе, — многочисленные дуэли, в частности две, о которых мы узнали сравнительно недавно (см. ниже): с неизвестным нам французским эмигрантом бароном де С. и другим французом, полковником Л.; в 1828 г., снова в Петербурге, несостоявшаяся дуэль с секретарем французского посольства де Лагрена. Очень убедительно предположение Т. Г. Цявловской о дуэли Пушкина с Рылеевым в 1819 г. Основанием для него послужили шуточные слова Пушкина о Рылееве в письме к А. Бестужеву 24 марта 1825 г., где он писал о поэтических успехах Рылеева и разыгрывал боязнь перед новым соперником: «Я опасаясь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай, — да черт его знал». Случай «застрелить» Рылеева мог представиться только на дуэли.

³ Т. Цявловская. Неизвестное письмо Е. М. Хитрово к Пушкину. Пушкинский праздник. Спец. вып. «Литературной газеты» и «Литературной России» от 3—10 июня 1970 г., стр. 12—13.

⁴ Т. Цявловская. Рисунки Пушкина. Изд. «Искусство», М., 1970. Рецензии на эту книгу указаны в библиографии, составленной В. В. Зайцевой. См. стр. 55—56 настоящего издания.

⁵ «Знание — сила», 1967, № 8, стр. 26—28.

Новые данные для изучения «трудов и дней» Пушкина дает комментированное издание его писем 1834—1837 гг.⁶ Академическое издание не имеет комментариев в собственном смысле слова и содержит лишь первые необходимые справки источниковедческого и библиографического характера; последующие издания снабжены краткими примечаниями, которые не удовлетворяют элементарным требованиям понимания текста. Фундаментальное, тщательно комментированное издание писем, начатое Б. Л. Модзалевским и продолженное его сыном Л. Б. Модзалевским, не было закончено. В 1926—1935 гг. в трех томах были изданы только письма 1815—1833 гг. Это и обусловило хронологические рамки нового издания. Вместе с тем это издание нельзя рассматривать как продолжение работы Модзалевских, и прежде всего потому, что был изменен принцип комментирования. Задачей нового издания было, не уменьшая содержательности издания Модзалевских, «освободить комментарий от узкобиографических и генеалогических сведений, от библиографических излишеств и всемерно углубить и расширить историко-литературный комментарий». В тех случаях, когда письмо не имеет даты или дата требует уточнений, в примечаниях обязательно дается обоснование датировки. Особенно подробно мотивируется дата, если она изменяется по сравнению с академическим изданием. Таких измененных дат в новом издании 44, причем некоторые письма переносятся из одного месяца, а иногда и из одного года в другой. Так, например, письмо к И. И. Лажечникову (№ 175) перенесено из 1834 г. («около 20 августа» — Акад., XV, № 993) в 1836 г. (20 (?) мая), письмо к П. А. Осиповой, которое печаталось с пометой «неизвестные годы» либо относилось к 1830-м годам, приурочивается к лету—осени 1827 г. Датировка этого письма потребовала критического анализа данных об истории отношений Пушкина с П. С. Пуциным, представляющих собой одно из звеньев декабристских связей поэта. В двух случаях изменены адресаты писем. Письмо с объяснениями по поводу оды «На выздоровление Лукулла» (№ 141) в академическом издании адресовано А. Н. Мордвинову (XVI, № 1128), в действительности адресатом его является Бенкендорф; записка, написанная некоей Анне Петровне и датированная маем 1833—мартом 1836 г. (№ 159), с большим вероятием должна быть отнесена не к А. П. Малиновской, а к А. П. Керн. Заново продуманный комментарий всех записок Пушкина к М. Л. Яковлеву по поводу «Истории Пугачева» позволил не только более точно датировать эти записки, но и уточнить процесс работы Пушкина над «Историей» и обстоятельства, связанные с ее изданием. При этом впервые были прочтены некоторые слова, написанные карандашом и стертые Яковлевым. Пересмотр записок к В. Ф. Одоевскому и А. А. Краевскому и стремление возможно точнее их датировать внеслиправки в историю пушкинского «Современника». Обоснование даты письма к Геккерну, послужившего поводом к вызову на дуэль, в пользу 26 января (№ 246) восстанавливает ход событий с момента написания письма до поездки Пушкина с Данзасом на Черную речку.

В отдельных случаях комментарий к группе писем, связанных с одним и тем же событием, дается суммарно — это позволяет представить в подробностях и реальной последовательности отдельные эпизоды жизни Пушкина. Такой характер, например, носит комментарий к письмам, связанным с попыткой поэта выйти в отставку в 1834 г. (№№ 42, 47—49, 51, 52). Суммарный анализ писем дал возможность уточнить некоторые даты и установить, что, вопреки заверениям самого Пушкина в письмах к жене, он был на Петергофском празднике 1 июля 1835 г.

В комментариях выявлены новые данные о цензурных мытарствах Пушкина, в частности о нажиме на поэта со стороны министра просвещения С. С. Уварова, который стремился постепенно отменить установленный в 1826 г. порядок, когда произведения Пушкина могли печататься «по высочайшему повелению», минуя общую цензуру. В комментариях к письму

⁶ Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Изд. «Наука», Л., 1969.

в Главное управление цензуры от 28 августа 1835 г. (№ 121) впервые публикуется ответ Пушкину из Главного управления от 26 сентября 1835 г., дающий возможность датировать черновое письмо Пушкина Бенкендорфу от 11—23 октября 1835 г. (№ 130), а также интерпретировать его как неоконченный и неотправленный набросок жалобы на Уварова. Это не единственная и не первая жалоба Пушкина на цензурное давление Уварова. Такая же жалоба содержится и в неотправленном письме к Бенкендорфу, написанном около (не позднее) 11 апреля 1835 г. (№ 93, в Акад. № 1065, датируется апрелем—маем 1835 г.). Письмо не было отправлено, по-видимому потому, что разговор об Уварове состоялся при личном свидании поэта с Бенкендорфом 16 апреля. Во всяком случае можно предположить, что жалоба на Уварова является тем «обстоятельством», о котором упоминает Пушкин в письме от 11 апреля (№ 94), когда просит Бенкендорфа принять его.

В особую часть комментария вынесены персональные справки о лицах, являющихся адресатами или упоминаемых в письмах Пушкина за 1834—1837 гг. В справках изложена история взаимоотношений Пушкина с данным лицом. Здесь взвешены и сопоставлены различные точки зрения, что безусловно обогащает наше знание житейских и общественно-литературных отношений Пушкина.

Тщательные библиографические разыскания приводили иногда к выявлению новых фактов личной, литературной и общественной биографии Пушкина. Так, было обнаружено, что имя Е. П. Люценко, как переводчика сказки Виланда «Вастола», издателем которой был Пушкин,⁷ было известно в литературных кругах и даже упоминалось в печати («Живописное обозрение», 1836, т. 1, стр. 294) до того, как в «Библиотеке для чтения» появилась статья, где перевод издательски приписывается самому Пушкину. Возможно, что указание на авторство Люценко сознательно игнорировалось в литературно-полемиических целях. Таким образом, иначе выглядит вся полемика о том, был ли Пушкин переводчиком «Вастолы», в которой приняли участие Сенковский, Шевырев и Белинский и которая едва не привела к дуэли Пушкина с С. С. Хлюстиным.

Новое издание писем облегчит составление летописи жизни и творчества Пушкина за 1834—1837 гг. и даст биографии поэта проверенные и обоснованные факты. Знакомство с ним убеждает в необходимости продолжить начатую работу, расширив ее до комментированного издания всей переписки Пушкина. После 1935 г., когда был издан третий том писем под редакцией Л. Б. Модзалевского, пушкиноведение накопило много данных, позволяющих пересмотреть датировки, исправить и дополнить комментарий. Что касается писем к Пушкину, то они вообще никогда не комментировались, и, таким образом, многие обстоятельства и намеки, связанные с жизнью, литературными и общественными интересами поэта, остаются еще нераскрытыми.

Новые данные о Пушкине-исследователе и историке содержит книга Р. В. Овчинникова «Пушкин в работе над архивными документами».⁸ Кропотливые разыскания в московских, ленинградских и областных архивах позволили автору выяснить, какими документальными материалами пользовался Пушкин при создании «Истории Пугачева». В научный оборот вводится также внутриминистерская переписка по поводу документов, запрошенных Пушкиным в архивах.

Многолетними усилиями текстологов были прочтены рукописи Пушкина, расшифрованы трудно разбираемые черновики, восстановлены за-

⁷ Вся эта история заново изложена в статье: Р. Ю. Д а н и л е в с к и й. Виланд в русской литературе. В сб.: «От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы», Л., 1970, стр. 366—369.

⁸ Р. В. О в ч и н н и к о в. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Изд. «Наука», Л., 1969. 129 стр. (АН СССР. Пушкинская комиссия).

черкнутые строки. Однако при новых обращениях к рукописям возможны и новые, иногда более убедительные, а иногда и более спорные прочтения. Известна запись Пушкина под беловым текстом посвященной Амалии Ризнич элегии «Под небом голубым страны своей родной: «Усл. о С. 25» и ниже: «У о с. Р. П. М. К. Б.: 24». Обычно эти две строки расшифровывались так: «Услышал о смерти <Ризнич> 25 июля 1826 г.» и «Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева 24 июля 1826 г.». Б. В. Томашевский в письме к Т. Г. Зенгер-Цявловской от 5 апреля 1932 г. высказал предположение, что букву «С.» в первой строке записи можно читать «Сибири» (т. е. «Услышал о Сибири 25 июля 1826 г.»), таким образом, обе записи, возможно, связаны с судьбой декабристов и не имеют отношения к Ризнич. Забытое прочтение Томашевского вновь выдвигает и аргументирует Т. Г. Цявловская.⁹ Однако такое чтение не может быть принято без большой доли сомнений. Из второй строки записи Пушкина следует, что известие о казни декабристов 13 июля 1826 г. было получено в Михайловском 24 июля. Однако тот, кто принес это известие, должен был знать и о гражданской казни, совершившейся в тот же день 13 июля, после которой участники восстания, переодетые в арестантские платья, отправлялись на каторжные работы, т. е. оба события должны были стать известными посту в один день — 24 июля. Известие о казни потрясло поэта не только потому, что мучительной смертью погибли его единомышленники, люди, которых он хорошо знал, но еще и потому, что это была первая публичная казнь в России со времени казни Е. И. Пугачева и его товарищей в Москве 10 января 1775 г. В то же время Сибирь и каторжные работы, как меры наказания, вряд ли были неожиданностью. Самому Пушкину в 1820 г. грозила Сибирь за его «возмутительные» стихи. На следующий день, 25-го, Пушкин узнал о смерти Ризнич, но на фоне общественной катастрофы эта «весть» казалась незначительной и поэт «равнодушно ей внимал». Для самого поэта было неожиданно подобное восприятие известия о смерти любимой женщины, и «странное сближение» этих драм — личной и общественной — и обусловило появление двух аббревиатурных строк под текстом элегии. Прописное «С.» в первой строке записи не обязательно должно соответствовать географическому названию («Сибирь»). Прописной буквой Пушкин часто начинал существительные, особенно отвлеченные слова, если хотел придать им особую выразительность, в данном случае так могло быть написано слово «Смерть».

Декабрьская трагедия отразилась в рисунках Пушкина — виселица и пять повешенных повторяются в них несколько раз. На л. 38 так называемой «третьей масонской тетради» поэта виселица нарисована два раза. Здесь же и известная запись «И я бы мог как шут». Т. Г. Цявловская датирует этот рисунок ноябрем 1826 г. А. Петров полностью расшифровал рисунок поэта.¹⁰ Сопоставив старые планы крепости с рассказами современников о казни, он установил, что Пушкин на своем рисунке точно воспроизвел место, где стояла виселица. Можно считать, что поэт разговаривал с человеком, знавшим, как происходило исполнение приговора 13 июля 1826 г., или лично присутствовавшим при казни. Таким образом, его рисунок является историческим документом, так как «автор его — современник события и зарисовал место казни по рассказу из первых рук». Другое подобное топографическое свидетельство о месте казни декабристов нам неизвестно.

⁹ См. ее комментарий в кн.: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах, т. II. Гослитиздат, М., 1959, стр. 688. Более подробно в открытом письме Т. Г. Цявловской к педагогу одной из киргизских школ В. М. Анисимову, которое приведено в статье: В. М. Анисимов. Две пушкинских строки. «Русский язык в киргизской школе», 1968, № 3, стр. 14—17.

¹⁰ А. Петров. Штрихи ложились на бумагу... Рисунок Пушкина прочтен. Пушкинский праздник. Спец. вып. «Литературной газеты» и «Литературной России» от 30 мая—6 июня 1969 г., стр. 18—19.

В архиве Гончаровых М. А. Дементьев и И. М. Ободовская нашли письма жены поэта к брату Д. Н. Гончарову.¹¹ Шесть из них напечатаны в «Литературной России». До недавнего времени писем Натальи Николаевны почти не было в руках исследователей, если не считать трех писем к деду А. Н. Гончарову, небольшой приписки в письме Н. И. Гончаровой к Пушкину от 14 мая 1834 г. (XV, 148) и нескольких официальных писем, написанных после смерти поэта. О жене Пушкина исследователи знали только по мемуарным свидетельствам современников и отзывам самого поэта. На отзывах современников, писавшихся главным образом после смерти Пушкина, не могло не отразиться сознание ее вины в гибели мужа. Поэтому мемуарные свидетельства расходятся с признаниями самого поэта, писавшего жене, что душу ее он любит «еще более» ее лица (XV, 73). Несколько лет тому назад были опубликованы два письма Н. Н. Пушкиной к брату Дмитрию, которые поколебали привычные, устойчивые представления о ней как о пустой светской красавице, далекой от интересов и забот мужа, и раскрыли новые, неожиданные стороны ее характера: душевную щедрость, отзывчивость и одновременно практичность. Новые письма подкрепляют это впечатление. Мы узнаем, что Н. Н. использует светские связи, чтобы помочь брату в тяжбе с купцом Усачевым, выполнял деловые поручения мужа. Через все письма проходит один лейтмотив — денежные нехватки. В одном письме она умоляет брата прислать 500 рублей, так как она «без копейки в кармане» (поэт в это время был на Урале), в других письмах просит назначить ей «помощью матери содержание, равное тому, которое получают сестры». Одно из ее писем (от июня-июля 1836 г.) раскрывает психологическое состояние поэта: «. . . мне очень не хочется беспокоить мужа всеми моими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того вижу, как он печален, подавлен, не спит по ночам и, следовательно, в подобном состоянии не может работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободной». Пять месяцев отделяют это письмо от анонимного пасквиля и первого вызова на дуэль, душевное состояние поэта еще скрыто от друзей, и Софья Карамзина, не найдя во втором томе «Современника» «ни одной строчки Пушкина», называет поэта «беззаботным и ленивым».¹² Письмо жены объясняет, почему поэт не может отдаться творчеству. По-видимому, в ответном письме Д. Н. Гончаров советует семье поэта переехать в деревню, так как в следующем письме Наталья Николаевна пишет: «Что касается советов, которые ты мне даешь, то еще в прошлом году у моего мужа было такое намерение, но он не мог его осуществить, так как не смог получить отпуска». Здесь нет собственного отношения к совету покинуть Петербург — только констатация внешних обстоятельств, но нет и противоречия желаниям мужа. Имеются свидетельства родных поэта, что жена его решительно противилась отъезду из Петербурга. Как обстояло дело в действительности, мы не знаем. Разъяснить истинное отношение Натальи Николаевны к отставке мужа могли бы, конечно, ее письма к нему. Основная тема писем к брату — денежные заботы — определена его положением главы семьи Гончаровых. Естественно, что письма к мужу раскрыли бы совсем другие стороны ее характера, суждения о свете и светских связях, отношение к тем советам и предостережениям, которыми наполнены письма Пушкина.

¹¹ И. Ободовская, М. Дементьев. Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной. Пер. с французск. И. Ободовской. «Литературная Россия» от 23 апреля 1971 г.; см. также: Пушкинский праздник. Спец. вып. «Литературной газеты» и «Литературной России» от 2—9 июня 1971 г., стр. 10; Б. Мейлах. Новые штрихи. Комментарий к письмам Н. Н. Пушкиной. Пушкинский праздник. Спец. вып. «Литературной газеты» и «Литературной России» от 2—9 июня 1971 г., стр. 11.

¹² Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 81.

Судьба писем Натальи Николаевны к Пушкину давно занимает исследователей и архивистов. Известно, что эти письма были в квартире поэта во время посмертного жандармского досмотра и с позволения Николая I были возвращены Жуковским владельце. С этого момента их судьба полна загадок. Никто из исследователей их не видел, не видел их даже П. В. Аннеков, читавший всю переписку поэта, хранившуюся в его семье. В последние годы появилось несколько статей, посвященных возможной судьбе этих писем. В 1966 г. С. Г. Энгель напечатала в «Новом мире» статью,¹³ в которой, основываясь на просмотренных ею архивных документах Ленинской библиотеки, утверждала, что письма Н. Н. Пушкиной к мужу хранились в Румянцевском музее, фигурировали в издательских планах, а затем загадочно исчезли. «Загадочность» их исчезновения С. Г. Энгель связывает с уничтожением и фальсификацией части документов Румянцевского музея, которые якобы удалось ей обнаружить.

Проверку доводов С. Г. Энгель, тщательный анализ архивных документов и кропотливую работу по выявлению и составлению всех упоминаний в печати о переписке Пушкина с женой провела заведующая Рукописным отделом Ленинской библиотеки С. В. Житомирская. Результаты ее исследования были опубликованы в 1971 г.¹⁴ Изучение входящих книг Румянцевского музея, нумерация страниц и протоколов показали, что никакой «фальсификации» не было. В музей сыном поэта А. А. Пушкиным были переданы только письма самого поэта к жене, а все сообщения о письмах Натальи Николаевны исходят из одного источника — интервью с А. А. Пушкиным, в котором он сообщил репортерам, что в 1882 г. передал «переписку Пушкина с женой» в Румянцевский музей. Слово «переписка» привело виднейших пушкинистов — Лернера, Щеголева, Брюсова — к убеждению, что письма Н. Н. Пушкиной, так же как и письма самого поэта, находятся в музее. С. В. Житомирская связывает это убеждение со словесным недоразумением. К моменту появления интервью слово «переписка» (в особенности для специалиста) имело тот же смысл, что и для нас, — обмен письмами между двумя корреспондентами, но «для поколений, к которому принадлежал А. А. Пушкин, это слово равно обозначало и обмен письмами, и письма разных лиц к одному адресату». Убедительное объяснение дает Житомирская и всем другим упоминаниям о «Письмах Н. Н. Пушкиной» в архивных документах. Придя к выводу, что письма жены поэта «Румянцевскому музею никогда не принадлежали», она заключает свою статью обнадеживающими словами: «... поиски эти остаются делом будущего». Однако, скорее всего, эти поиски безнадежны. Письма могли сгореть в 1919 г., когда сгорел дом А. А. Пушкина, но, может быть, к этому времени они уже и не существовали.

В 1902 г. П. И. Бартенев писал В. И. Сaitову, издававшему «Переписку» Пушкина: «Писем Натальи Николаевны к мужу не сохранилось, как говорил мне недавно старший сын их».¹⁵ Правда, через 10 лет после этого, незадолго до смерти, он выразил недоверие к словам А. А. Пушкина, написав о возможной публикации этих писем «в далеком будущем». Но, скорее всего, это только надежда ученого. Чтя память мужа и понимая научное значение его писем, Н. Н. Пушкина-Ланская сохранила все его письма, свои же письма к нему она вполне могла уничтожить, ограждая себя от любопытства будущих поколений.¹⁶

¹³ С. Г. Энгель. Где письма Натальи Николаевны Пушкиной? «Новый мир», 1966, № 11, стр. 272—279.

¹⁴ С. В. Житомирская. К истории писем Н. Н. Пушкиной. В альм. «Прометей», кн. 8, изд. «Молодая гвардия», М., 1971, стр. 148—165.

¹⁵ Отрывок из этого письма впервые публикуется в статье С. В. Житомирской.

¹⁶ Незадолго до выхода альманаха «Прометей» со статьей Житомирской М. Дементьев опубликовал письмо Российской книжной палаты от 30 октября 1920 г. в Госиздат, где в перечне изданий, намеченных к техническому испол-

В 1956 г. были напечатаны относящиеся к Пушкину отрывки писем М. Н. Волконской к В. Ф. Вяземской, написанных из Сибири в 1830—1832 гг.¹⁷ Эти отрывки отражают духовные интересы ссыльных декабристов, их круг чтения и отношение к творчеству Пушкина после 1825 г. Письма печатались по копиям из «Чернового журнала исходящих писем М. Н. Волконской», который заполнялся в основном С. Г. Волконским. Подлинники этих писем обнаружила Т. Г. Цявловская в Центральном государственном архиве литературы и искусства в фонде Вяземских. В дополнение к уже известным письмам она печатает еще четыре письма за 1827 г.¹⁸ О Пушкине в них говорится немного. В письме от 6 января М. Н. Волконская рассказывает, что по дороге в Сибирь, около Оханска, она встретила «Пущина, Коновнишна и кого-то третьего», и просит: «. . . передайте это тому, кто интересуется первым из них», — т. е. Пушкину. С И. И. Пущиным она не была знакома и поэтому приняла за друга поэта брата И. И. Пушина М. И. Пушина, которого везли на Кавказ. В другом письме, от 12 сентября 1827 г., уже из Благодатского рудника, она благодарит Вяземскую за присылку книги (по-видимому, это «Цыганы») и пишет, что с радостью узнала «почерк нашего великого поэта на пакете». Письма интересны не только этими упоминаниями. Они раскрывают мужество, чувство долга, горячий темперамент этой необыкновенной женщины, которая сознательно была «тем звеном, которое связывало политических каторжан с великим певцом свободы».

Уже более полувека исследователям известно, что архивы Голландии должны хранить письмо Николая I к Вильгельму Оранскому, содержащее подробности о дуэли поэта. Письмо было отправлено со специальным курьером, чтобы избежать «любопытства почты», как писал русский царь своей сестре и жене Вильгельма Анне Павловне. В свое время попытки П. Е. Щеголева разыскать это письмо оказались безуспешными. Недавно Н. Я. Эйдельман, рассудив, что детали письма Николая могут «просвечивать» в ответных письмах голландского принца, обратился к архивам Зимнего дворца. Публикуемые им отрывки из пяти писем Вильгельма Оранского к его августейшему шурина от октября 1836—февраля 1837 гг. приводят исследователя к любопытным выводам.¹⁹ Рассказывал Вильгельму о дуэли поэта, царь, по-видимому, пользовался аргументацией Пушкина, т. е. некоторые мотивы письма Пушкина к Геккерну от 26 января 1837 г., бывшего поводом к дуэли

нению. . . в первую очередь», упоминаются (так же как и в ряде документов, приводимых в статье Житомирской) «Письма Н. Н. Пушкиной — 3 печ. листа». М. А. Дементьев считает это письмо «чрезвычайно важным документом», даже «на сегодня единственным документом, который подтверждает, что письма Н. Н. Пушкиной действительно хранились в Румянцевском музее и действительно готовились к печати» (М. А. Дементьев. Еще о письмах Пушкину его жены. Изв. АН СССР, Серия литературы и языка, 1970, т. XXIX, вып. 5, стр. 447—448). Раскрывая инициалы в аналогичных документах, Житомирская читает: «Письма Наталье Николаевне Пушкиной» (т. е. письма поэта к жене, которые действительно хранились в Румянцевском музее). Правильность такого прочтения подтверждает совокупность приводимых ею доводов.

¹⁷ М. П. Султана-Шах. М. Н. Волконская о Пушкине. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 257—267.

¹⁸ Т. Г. Цявловская. Мария Волконская и Пушкин. (Новые материалы). В альм. «Прометей», кн. 1, изд. «Молодая гвардия», М., 1966, стр. 54—71.

¹⁹ Н. Эйдельман. О гибели Пушкина. (По новым материалам). «Новый мир», 1972, № 3, стр. 201—226. Предварительную публикацию см.: Н. Эйдельман. Дуэль Пушкина и царь. (По материалам переписки Вильгельма Оранского и Николая I). Пушкинский праздник. Спец. вып. «Литературной газеты» и «Литературной России» от 2—9 июня 1971 г., стр. 12.

(о гнусности поведения Геккерна, о двусмысленности усыновления им Дантеса), повторяются в письме Вильгельма. После дуэли Пушкина с Дантесом Геккерн был выслан из Петербурга. Однако, как следует из писем, гибель Пушкина была только поводом, позволившим Николаю завершить действие свое давнее недовольство нидерландским посланником, который в официальных депешах своему правительству позволял себе излагать частные разговоры с царем о семейных делах Анны Павловны.

В поисках письма Николая I, которое «не терпит любопытства почты», Библиотека им. В. И. Ленина обратилась к администрации нидерландских архивов. Вскоре из архива нидерландского королевского дома были получены микрофильмы — семнадцать документов, числящихся там под рубрикой: «Дело Пушкина». Письма Николая в этом деле не оказалось, но из семнадцати присланных документов шесть до настоящего времени были неизвестны и впервые публикуются в «Новом мире».²⁰ Это два письма министра иностранных дел Нидерландов Ферстолка Геккерну (от 14 и 20 марта 1837 г.), три письма Геккерна Ферстолку (от 14 марта, 28 марта и 25 мая 1837 г.), а также донесение Геверса (нового посланника Нидерландов в России) Ферстолку от 2 мая 1837 г. Письма Геккерна — его последние попытки оправдаться перед своим правительством. Он стремится свалить всю вину за дуэль на Пушкина, пуская в ход политические обвинения противников («... смерть г. Пушкина открыла по крайней мере власти существование целой партии, главой которой он был»). Вынужденный покинуть пост в Петербург, он пытается спасти свою репутацию. Ферстолка нужно убедить, что высшее общество Петербурга на стороне Геккерна. Для этого к письму от 25 мая Геккерн прилагает письмо к нему графа Григория Строганова. В этом письме опекун детей поэта выражает сочувствие его убийце.

Письма Геккерна в основном повторяют публиковавшиеся ранее материалы и вносят лишь незначительные штрихи в характеристику самого Геккерна и его действий. Интереснее донесение преемника Геккерна Геверса, которое публикуется в настоящем выпуске «Временника».

К подлинным фактам в этом донесении примешиваются и легендарные, вызванные толками в петербургских салонах (например, сведения, что Пушкин был исключен из Лицея «за выходы молодости») или смещением фактов: недолгая жизнь поэта была слишком насыщена событиями. Так, с осторожностью следует относиться к сообщению Геверса, что Николай I освободил Пушкина из ссылки по ходатайству Карамзина. Карамзин просил за Пушкина в 1820 г., перед ссылкой, и Геверс мог напутать, тем более что о ссылке в Михайловское он вообще не знает, считая, что Пушкин «в течение пяти лет до самой смерти императора Александра оставался у графа Воронцова в Одессе».

Н. Задонский опубликовал неизвестное письмо о смерти Пушкина П. Н. Ахвердовой к Н. Н. Муравьеву (впоследствии Карскому), члену Священной артиллерии, брату декабриста Александра Муравьева.²¹ Пушкин был в дальнем родстве с женой Муравьева и несколько раз упоминает о нем в «Путешествии в Арзрум». Письмо Ахвердовой написано 29 января 1837 г., в день смерти Пушкина, оно подтверждает, что, кроме известного пасквиля, Пушкин получал и другие оскорбительные анонимные письма (до и после женитьбы Дантеса), а также передает ходившие в обществе слухи, будто Дантес женился на Екатерине Гончаровой по требованию Пушкина и что он является незаконнорожденным сыном короля Голландии. Письмо опубликовано в этюде «Встречи с Пушкиным», где приводятся заслуживающие внимания соображения автора о знакомстве и возможных встречах Пушкина с Н. Н. Муравьевым.

²⁰ Н. Э й д е л ь м а н. О гибели Пушкина. (По новым материалам), стр. 201—226.

²¹ Николай З а д о н с к и й. Луна плывет над Араратом. Исторические этюды. Центрально-Черноземное книжное изд., Воронеж, 1968, стр. 117—119.

Два письма П. А. Вяземского к Э. К. Мусиной-Пушкиной о смерти поэта напечатал В. Комаров.²² Следует отметить, что, вопреки убеждению В. Комарова, — это не первая публикация этих писем. Они были опубликованы в 1899 г. в газете «Северный край».²³ В собрании С. Д. Полторацкого в Отделе рукописей Ленинской библиотеки Т. Г. Цявловская нашла вырезку из парижской газеты «Temps», где в номере от 5 марта (нового стиля) 1837 г. вместо некролога были напечатаны воспоминания о Пушкине со слов путешественника, встречавшего поэта в Кишиневе в доме вице-губернатора Крупенского.²⁴ Этот неизвестный нам европеец много путает, когда пытается сообщить известные ему биографические данные о Пушкине и обстоятельствах, вызвавших ссылку поэта. Но его непосредственные впечатления от встреч с поэтом вполне совпадают с нашими представлениями о молодом Пушкине: мы еще раз видим его горячим, бесстрашным человеком, с огромным чувством собственного достоинства, широко эрудированным в области европейских литератур и горячо отстаивающим свои убеждения. Не стесняясь своим положением ссыльного, поэт, по словам мемуариста, «находил удовольствие в том, чтобы выставлять напоказ свой атеизм. По его мнению, Вольтер и Руссо были глупцами, ибо верили в бога. И, верный своей страсти убеждать, он, чтобы доказать это мнение, привлекал в обилии парадоксы, так остроумно и своеобразно изложенные, что слушатели забывали обо всем, слушая часами его речи». Мемуарист рассказывает о двух неизвестных нам дуэлях Пушкина — с французским эмигрантом бароном де С. и с другим французом, находившимся на русской службе, полковником Л.

Основным источником кишиневской жизни Пушкина служат воспоминания И. П. Липранди. Они писались через много лет после событий, в 1866 г., но точность фактов и дат подтверждает, что основой их послужили дневники мемуариста. К сожалению, след этих дневников пропал. Известно, что Пушкин пользовался книгами из библиотеки Липранди, делал на них пометы, но большая часть библиотеки утеряна. Поэт не раз писал Липранди, и письма его тоже не найдены. В поисках этих документов Н. Я. Эйдельман обратился к архивам. Пока результатом поисков является небольшая заметка — воспоминаний Липранди о Пушкине.²⁵ Липранди рассказывает о пребывании в Кишиневе князя Александра Ипсиланти. Три брата Ипсиланти («перемежкой князей Георгия и Александра Кантакузиных или полковника Ф. Ф. Орлова») составляли «кадрилы» в местном казино. Это первое знакомство Пушкина с будущим героем греческого восстания, — но пока поэт видит в нем только аристократическое чванство, его, как пишет Липранди, «бесит состав таких кадрелей». Эмоции готовы прорваться наружу, но приятели В. П. Горчаков и Н. С. Алексеев удерживают поэта от вспышки. Липранди передает и острогу Пушкина о Ф. Орлове, который «собою затыкал недостающего князя». Н. Я. Эйдельман приводит свидетельство самого Липранди в письме к А. Ф. Вельтману 7 мая 1865 г. о судьбе писем Пушкина: в 1851 г., уезжая за границу, он отдал их Н. С. Алексееву (вместе со стихотворениями В. Ф. Раевского), но Алексеев умер до возвращения Липранди, и, «куда весь этот хлам девался», Липранди не знал. Будем надеяться, что письма когда-нибудь вернутся из небытия. Отношение Пушкина к Липранди скорее всего не было однозначно-восторженным (как явствует из статьи Эйдель-

²² В. Комаров. Письмам 131 год... Волжское слово. Верхне-Волжское книжн. изд., 1970, стр. 183—185.

²³ «Северный край», 1899, № 331 от 14 ноября. Частично перепечатано в кн.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов, стр. 397.

²⁴ Т. Г. Цявловская. Пушкин в Кишиневе. Неизвестные воспоминания. Пушкинский праздник. Спец. вып. «Литературной газеты» и «Литературной России» от 30 мая—6 июня 1969 г., стр. 24.

²⁵ Н. Я. Эйдельман. «Где и что Липранди. ?». В кн.: Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Изд. «Советский писатель», М., 1972, стр. 125—158.

мана). Ключом к нему мог бы стать один из пунктов программы записок, составленной Пушкиным в 1833 г.: «Липранди — 12 год — mort de sa femme — le renégat (Смерть его жены — ренегат)». Почему в ряду событий политических (Каменка, греческое восстание, 1812 год) особым пунктом стоит давняя смерть жены Липранди? Языковое выделение этого пункта, как и следующего, — «le renégat», скорее всего дает право объединить эти два пункта, отнести оба к Липранди, но тогда — что значит «le renégat» — действия Липранди в 1812 г., во время смерти жены, или позже, в 1825 г., когда он, арестованный по делу декабристов, через месяц был выпущен с аттестатом «о непричастности»? Может быть, со временем обстоятельства смерти этой женщины прояснятся и это позволит не только прокомментировать запись Пушкина, но и ответить на все приведенные выше вопросы.

Еще одни воспоминания о Пушкине принадлежат Надежде Михайловне Еропкиной (двоюродной сестре П. В. Нащокина). Они опубликованы Н. Эйдельманом вместе с письмами М. С. Воронцова к его другу дипломату Антону Антоновичу Фонтону, записанными по памяти последним их владельцем.²⁶ Эти документы, находящиеся в настоящее время в разных городах (копии писем — в Пушкинском Доме, в Ленинграде, а воспоминания — в Одессе), вышли из одних рук. Запись воспоминаний Еропкиной сделана ее внуком А. С. Сомовым в 1883 г., когда Еропкиной было 75 лет. По его словам, он записал их «по настоянию. . . академика Кони, большого поклонника бабушки, который находил ее воспоминания в высшей степени интересными». Тот же самый А. С. Сомов спешал и письма Воронцова у Н. Фонтона, сына того Фонтона, к которому они были адресованы.

Что же представляют собой эти документы? Н. М. Еропкина действительно знала Пушкина и его невесту, была знакома с Жуковским и другими литераторами, поэтому в подлинности ее воспоминаний сомневаться нельзя. Сомнение вызывает точность ее старческой памяти. Воспоминания о Наталье Николаевне Пушкиной не добавляют ни одного штриха к нашему представлению об этой женщине. Здесь нет фактов, а дается только общая характеристика, повторяющая прочно утвердившееся и зафиксированное в биографической литературе мнение: «прекрасна», но «вряд ли в состоянии была она оценить и восхищаться произведениями его», «насколько была прекрасна по внешности, настолько была неглубока». В воспоминаниях нет ни одной живой черты, которая могла бы подтвердить или оспорить эту характеристику. Живые черты унесли годы, а в памяти осталось только общепринятое мнение. В рассказе о Пушкине также нет особенно интересных или заново освещенных фактов: познакомилась с ним зимой 1830 г. в Москве на балу, разговаривали, потом, как продолжение этого разговора, Пушкиным были написаны и переданы ей с Нащокиным стихи. Еропкина приводит свой разговор с поэтом. Это особенно ценно, мысли и разговоры Пушкина, слова, сказанные им, всегда интересны и по крупицам собираются исследователями. В разговоре на балу два сюжета: сравнение Москвы с Петербургом и «Евгений Онегин» (весной 1830 г. вышла седьмая глава со строфами о Москве).

Слова поэта одобрены изрядной порцией чуждой Пушкину сентиментальности, что скорее походят на собственные размышления Еропкиной о творческом процессе поэта: «Как бы не хотелось мне этого конца! — будто бы говорил ей Пушкин. — Сколько радости и счастья доставили мне Тania и Евгений. . . Тяжело жилось мне в изгнании. Войдешь в свою келью — уныло и пусто, неприветливо трещит огонь. . . Мертвая тишина кругом, и с горечью чувствуешь себя одиноким и забытым. Но длится это недолго. Милый образ Тани начинает появляться передо мною. Я уже не один. Становится тепло и уютно. Не успеешь оглянуться, на огонек подоспеет и мой Онегин».

В конце записи Сомова приводятся стихи Пушкина, которые, по мнению Еропкиной, «остроумно разрешали» ее спор с поэтом о Москве и Петербурге

²⁶ Н. Эйдельман. Саранча летела. . . и села. «Знание — сила», 1968, № 8, стр. 31—36; № 9, стр. 37—42.

на балу. Автограф Пушкина сторел, но сестра Еропкиной будто бы переписала стихи, а после ее смерти в 1879 г. копия попала снова к Еропкиной. Эти стихи — наиболее слабое звено документа, за которым шла дурная слава, что якобы он фальшивый и составлен Сомовым задним числом. Действительно, стихи очень плохие, длинные, тяжеловесные и совсем неостроумные. Вызывает сомнение и то, что Сомов приводит их не полностью, заменяя середину словами «далее в шутливой форме — о соперничестве Петербурга и Москвы». Со стихами Пушкина, которые «в свое время разыскивал Анненков, когда собирал стихи для своих материалов», так не поступают. Тем более что Сомов, человек образованный, понимал значение исторического документа — в 80-е годы он публиковал в «Русской старине» записки своего деда А. М. Тургенева.

Стихи, конечно, не пушкинские, и это не случайная ошибка (Н. Эйдельман пишет: «...многое лет спустя либо Еропкина что-то напутала, либо Сомов что-то придумал»), а скорее намеренная мистификация, что заставляет с большим подозрением отнестись к истории и текстам писем Воронцова. Письма писались Антону Фонтону, дипломату, возглавлявшему в Петербурге Институт восточных языков, его сын Николай Фонтон подарил архив отца А. С. Сомову, Сомов нашел в архиве три письма о Пушкине, сшил с них копии, в 1918 г. солдаты сожгли имение Сомова, архив сторел, «но через две недели А. С. Сомов, по памяти, почти дословно, возобновил свою работу, забыв только точные даты писем и некоторые фамилии». Таким образом, по памяти записаны несколько страниц прозаического текста, но забыты даты и фамилия (единственная, кроме самого Пушкина и Расина) полковника, принесшего Воронцову стихотворный рапорт Пушкина, т. е. два фактических следа, которые помогли бы установить соответствие рассказанных событий реальным. Впрочем, одна дата есть — последнее письмо, написанное будто бы после отъезда Пушкина, датируется «август», но именно дата отъезда Пушкина из Одессы приводится во всех его биографиях и не требует дополнительных разысканий и соотнесения с другими известными документами об одесской ссылке. Настораживает отношение Воронцова в этих письмах к Пушкину-поэту. Известен его отзыв о Пушкине в письме к Нессельроде от 24 марта 1824 г.: «...множество восторженных поклонников <...> поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель, между тем он только слабый подражатель малопочтенного образца (лорд Байрон), да, кроме того, только работой и усидчивым изучением истинно великих классических поэтов он мог бы оправдать те счастливые задатки, в которых ему нельзя отказать».²⁷ Слова о «подражаниях неудавшемуся лорду» имеются и в последнем письме к Фонтону, но одновременно в первом письме, говоря о «Руслане», Воронцов сравнивает Пушкина и с «великими классическими поэтами»: «Конечно, это не Расин, но молодо, свежо, занято» — и делает комплимент языку Пушкина: «Надо отдать справедливость Пушкину, он владеет русским языком в совершенстве. Положительно звучен и красив наш язык. Кто знает, может быть, и мы начнем вскоре переписываться по-русски». Письма наполнены трогательными заботами о поэте и его таланте, и даже эпиграммы, направленные на самого Воронцова, только огорчают его: «Остроумно, но зло, и последнее меня огорчает». Рассказывая историю командировки Пушкина на саранч, Воронцов и здесь выступает как добрый гений поэта. Полковника, который принес ему якобы написанный Пушкиным рапорт в стихах, он «осадил» словами: «Принесите мне закон, который запрещает подавать рапорты в стихах». А потом, читая длинные и бессмысленные рапорты других чиновников, Воронцов снова «оценил» остроумие поэта: «Мне стало смешно, и гнев мой на Пушкина утих. По крайней мере он пощадил мое время». Благорасположение Воронцова к Пушкину простирается так далеко, что в конце письма о саранче просьба: «Сожгите это послание». Конечно, все это

²⁷ П. Щеголев. А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов. «Красный архив», 1930, № 31 (38), стр. 175.

можно объяснить стремлением Воронцова посеять слухи о благожелательном отношении к поэту, но все же концы с концами не сходятся. Судя по письмам к Фонтону, мысль о необходимости добиваться отъезда Пушкина из Одессы пришла Воронцову после командировки на саранчу. Между тем Пушкин отправился в командировку 23 мая, а первое письмо к Нессельроде с настоятельной просьбой удалить Пушкина из Одессы написано уже 24 марта и сама командировка вызвана отчасти желанием «удалить Пушкина во что бы то ни стало».²⁸ Таким образом, связь событий в письмах к Фонтону — обратная по отношению к уже известным данным. И совсем уж удивительно, что такой крупный и умелый чиновник, как Воронцов (хорошо разбиравшийся в чинах, должностях и субординации Российской империи), спрашивает у Фонтона, кому следует адресовать просьбу о высылке Пушкина из Одессы.

Легенда о стихотворном рапорте Пушкина дошла до нас в недостоверном рассказе чиновника Воронцова В. З. Писаренко, записанном в 50-х годах К. П. Зеленецким. Из пяти свидетелей, вспоминавших о командировке поэта, только один Писаренко говорит о рапорте. Это сообщение подрывается вздорностью других рассказанных им фактов.²⁹ Возможно, что стихи о саранче были сочинены Пушкиным или память Писаренко сохранила стихи, приписанные Пушкину и явившиеся общественным резонансом на командировку поэта, при этом решительное возражение вызывает факт подачи их Воронцову в виде официального рапорта. Таким образом, рассказ о рапорте в письме Воронцова не столько подкрепляет легенду, сколько свидетельствует о мистификации Сомова. И как-то очень уж навязчиво в одном и том же письме соединяются известные легенды о саранче с самыми популярными данными об экономической деятельности Воронцова. Закончив рассказ о рапорте, «полу-купец» пишет: «Но довольно, заплатив долг поэзии, перейдем к прозе и более существенному и ближе нас всех касающемуся — к вопросу о замощении Одессы. . .». Здесь копия многозначительно обрывается.

Возможно, что письма Воронцова к Фонтону с упоминаниями о Пушкине действительно существовали, может быть, там рассказывалось о командировке Пушкина, и, наверное, они действительно сгорели в 1918 г., но то, что записал потом Сомов, — похоже на его собственное сочинение. Поцутно Н. Эйдельман приводит еще один документ, безусловно подлинный, — письмо А. М. Тургенева (ближайшего друга отца Н. М. Еропкиной) к Жуковскому от 10 февраля 1837 г. Старый друг Жуковского не принадлежал к единомышленникам поэта, для него Пушкин «худой христианин, худой философ», но он «душевно жалеет о Сергеевиче», потому что «сосуд был еще полон елей, и как погашен!». Поборник дворянской чести («Честь впереди всего» — одна из заповедей, оставленных им сыну), он, однако, возмущается: «Сословие литераторов нашего времени не останется без упрёка в летописях: не могу поверить, чтобы о поединке его не было известно благовременно, чтобы в кругу литераторов было неизвестно, хотя бы за час до сражения, и ни в ком не нашлось столько ума, чтобы явиться на место битвы и не допустить сражения». Значит, возможность не допустить поединка, с точки зрения Тургенева, не противоречила понятию чести. Вывод, который делает Тургенев, горек: Пушкин был «до того несчастен в жизни своей, что не умел нажить друга». Возможно, что, упрёкая литераторов, старик не знал всех обстоятельств, предшествовавших дуэли, которые вынуждали поэта искать поединка.

Несколько публикаций дополняют наши знания о людях, которых знал Пушкин. Собирая материалы о Пугачёве во время поездки в Оренбургский край в 1833 г., Пушкин беседовал с участниками и современниками восста-

²⁸ П. Е. Щеголев. А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов, стр. 176.

²⁹ См. об этом: П. Г. Сербский и й. Дело о «саранче». В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 275—289.

ния, записывал их рассказы. Их имена упоминаются в записной книжке поэта. С. А. Попов, просмотрев ревизские сказки станиц, в которые заезжал Пушкин, установил (в одних случаях определенно, в других — с большей или меньшей уверенностью) его оренбургских собеседников.³⁰ Определение их возраста и социального положения несомненно имеет значение в оценке записанного поэтом материала.

Л. А. Черейский вводит в число знакомых Пушкина семью Левашевых, соседей поэта по Болдину.³¹ Нижегородское имение Левашевых — с. Нуче (Ардатовский уезд) расположено на р. Лемета. Его местоположение позволяет Черейскому по-новому расписать географические названия в черновом наброске стихотворения Пушкина «Если ехать вам случится От Ардатова к Москве. Там, где Лемета струится. . .». Обычно это стихотворение относят к псковским впечатлениям поэта.

Известно дружеское расположение Пушкина к молодому художнику Г. Г. Гагарину. Помимо иллюстраций к произведениям поэта, среди рисунков Гагарина имеется и зарисовка Пушкина в группе других лиц. Считалось, что Гагарин уехал из Петербурга в Турцию 3 июля 1834 г. и вернулся только после смерти поэта, поэтому рисунок с Пушкиным датировали 1832 годом. Однако в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 24 декабря 1836 г. имя Гагарина называлось среди лиц, приехавших в столицу. М. И. Яшин, обнаруживший это сообщение, считает возможным датировать рисунок 25 декабря 1836 г.; в этот день В. А. Мусин-Пушкин давал завтрак, во время которого и мог быть набросан рисунок.³²

Фундаментальное исследование Н. А. Раевского о Нацокиных напечатано в журнале «Простор».³³ Пушкин считал жизнь своего ближайшего друга П. В. Нацокина крайне увлекательной и характерной для нравов эпохи и уговаривал его писать записки. Записки не пошли дальше начала, а в биографии самого Нацокина немало неточных, а подчас и неверных сведений. В частности, очень запутан вопрос о происхождении его жены Веры Александровны Нацокиной-Нарской. Н. А. Раевский, основываясь на архивных документах и семейных преданиях Нацокиных, выяснил, что В. А. Нарская была дочерью Александра Петровича Нацокина, троюродного брата П. В. Нацокина, и крепостной крестьянки. В очерке публикуются письма отца и матери В. А. Нацокиной-Нарской. Эти письма любопытны как свидетельство нежной и преданной любви барина и крестьянки, стойвшей А. П. Нацокину добрых отношений с сыновьями, и как характеристика барыни-крестьянки, родившейся в XVIII в., мало образованной, но тонко чувствующей и душевно привлекательной. Интересный рассказ о жизни П. В. Нацокина и судьбе его семьи сочетается в очерке с анализом известных воспоминаний В. А. и П. В. Нацокиных о Пушкине. Н. А. Раевский впервые приводит письма Жуковского и Вяземского к Нацокину, написанные уже после смерти поэта. Малозначительные сами по себе, они показывают интерес друзей Пушкина к Нацокину и стремление помочь ему.

Л. П. Февчук рассказывает об альбоме Н. Н. Пушкиной, который хранится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде.³⁴ Альбом был подарен ей П. А. Вяземским в 1841 г. перед ее поездкой в Михайловское и заполнен портретными зарисовками, сделанными родственницей Н. Н. Пуш-

³⁰ С. А. Попов. Оренбургские собеседники А. С. Пушкина. «Советские архивы», 1969, № 5, стр. 113—116.

³¹ Л. А. Черейский. Расшифрованные строки. «Вопросы литературы», 1970, № 10, стр. 246—247.

³² М. И. Яшин. Последний портрет Пушкина. «Нева», 1967, № 2, стр. 182—188.

³³ Николай Раевский. Нацокины. «Простор», 1969, № 3, стр. 88—89; № 4, стр. 80—100; № 5, стр. 89—106.

³⁴ Л. П. Февчук. Альбом Натальи Николаевны Пушкиной. «Нева», 1969, № 6, стр. 191—196.

киной — Н. И. Фризенгоф, племянником ее второго мужа Н. П. Ланским и профессиональным художником Томасом Райтом. Альбом расширяет наши представления о друзьях, знакомых поэта и его семье. Здесь самые ранние портреты детей поэта, портреты его отца, обитательниц Тригорского, самой Натальи Николаевны и др. Тригорские соседки зарисованы Н. И. Фризенгоф несколько карикатурно, это еще раз показывает, что отношения между приятельницами Пушкина и его женой не сгладились и через несколько лет после смерти поэта. Здесь же печатается отрывок из письма Е. Н. Вревской к брату А. Н. Вульфу от 18 июня 1841 г. Оно говорит о том же — тригорские друзья Пушкина считали жену поэта виновницей его смерти и относились к ней предубежденно: «Они (т. е. Н. Н. Пушкина и А. Н. Гончарова) не скучают и пользуются душевным спокойствием. Я их еще не видела и не очень-то жажду этого удовольствия. У них, говорят, воспоминания гораздо холоднее, чем у нас, о незабвенном. . .».

Наилучшие представления о жизни семьи Пушкина в Михайловском в 1841 г. дают письма Н. Н. Пушкиной к брату Д. Н. Гончарову, опубликованные М. И. Япиным.³⁵ Письма говорят об отчаянном денежном положении семьи поэта после его смерти. В них доминирует одна нота — просьба о денежной помощи, об аккуратной присылке причитающейся сестрам части дохода с имения Гончаровых.

Портреты современников Пушкина дополняют наши представления о них, позволяют судить об их внутренней сущности и часто говорят о характерах больше, чем мемуарные свидетельства. Несколько таких портретов разыскал в Париже и опубликовал в журнале «Огонек» И. С. Зильберштейн.³⁶ Здесь Идалия Полетика, сыгравшая роковую роль в истории дуэли поэта (акварель П. Ф. Соколова), С. С. Хлюстин — «герой» несостоявшейся дуэли Пушкина в 1836 г. (акварель А. П. Брюллова), А. А. Оленина, в которую был влюблен и к которой сватался Пушкин (копия с портрета К. Брюллова), и, наконец, М. Н. Волконская с сыном, образ которой поэт пронес через всю жизнь (акварель П. Ф. Соколова, 1826 г.).

Появление новых документальных данных о Пушкине на страницах популярных изданий, свидетельствуя о большом интересе к личности и деятельности Пушкина в самых разных читательских группах, имеет и некоторые темные стороны: новое переплетается с общеизвестным, значительные и интересные документальные факты тонут среди сюжетов, введенных с расчетом на популярность и занимательность. Подчас приключения и перипетии, связанные с розыском документа, затмевают, а иногда и заменяют его критический анализ, необходимый при публикации новых материалов.

³⁵ М. Я п и н. Семья Пушкина в Михайловском. (По новым эпистолярным материалам). «Нева», 1967, № 7, стр. 173—182.

³⁶ И. С. З и л ь б е р ш т е й н. Парижские находки. «Огонек», 1966, № 47, стр. 24—27; № 49, стр. 24—27; 1967, № 31, стр. 24—27.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ПУШКИНСКИМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

1. Армянское предание в «Гавриилиаде»

Филологическое изучение «Гавриилиады», по цензурным условиям начавшееся только в советское время, сразу выдвинуло вопрос, не имеющий ответа до настоящего момента: какое армянское преданье подразумевал поэт, рассказывая о «недостающей» части евангельского описания благовещения? Бог и архангел Гавриил будто бы совещались (Акад., IV, 125):

Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал!
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,
В Меркурии архангела избрал,
Заметь в нем и ум и дарованье —
И вечером к Марии подослал.

Виднейший специалист по русско-армянским литературным связям К. Н. Григорьян пишет: «Поиски в этом направлении не увенчались успехом. Конкретного источника, который в какой-то, хотя бы отдаленной, степени напоминал пушкинскую тему, назвать невозможно. Пушкин мог вовсе не иметь в виду определенно армянское или какое-либо другое предание».¹ М. П. Алексеев считает, что вопрос об источниках поэмы «до настоящего времени не подвергся еще надлежащему, углубленному сравнительно-историческому исследованию», но «такой текст, вероятно, мог иметь хождение в разноплеменном и разноязычном Кишиневе». Вывод исследователя: «Изучение сюжетных аналогий к пушкинской „Гавриилиаде“... может быть продолжено».²

Нужно признать, что эротическое менее всего характерно для восточных церквей, принципиально отличающихся в этом от церкви западной, где в средние века утонченная эротика поэта могла адресоваться в одних и тех же выражениях и земной возлюбленной, и св. Деве.³ Только на Западе мог увидеть свет трактат «О похвалах св. Марии» (первая половина XIII в., предполагаемый автор — Ричард из аббатства Сен-Лорен), где величание

¹ К. Н. Григорьян. Армения в русской литературе и живописи. Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1962, стр. 39—40.

² М. П. Алексеев. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Изд. «Наука», Л., 1972, стр. 291, 298.

³ В. Ф. Шишмарев. К истории любовных теорий романского средневековья. В кн.: В. Ф. Шишмарев. Избранные статьи. Изд. «Наука», М.—Л., 1965, стр. 210, 230 (статья 1909 г., ср. теперь: Н. Р. J. M. A h s m a n n. Le culte de la sainte Vierge et la littérature française du Moyen âge. Utrecht, 1930).

переходит все границы теологически допустимого и где описывается ее физическая красота с восхищенным перечислением частей тела; ему вторит анонимный богословский трактат «Magiäle» этой же эпохи, где автор влюбленно размышляет о цвете волос св. Девы.⁴ Такой подход к богоматери высказал даже под натиском Реформации, и ключ к его пониманию дает послание зальцбургского архиепископа Иеронима фон Коллоредо (конец XVIII в.), где он с укором говорит, что нельзя рассматривать Марию как персонафикацию любви.⁵ Позднейшее развитие тем не менее пошло именно по этому пути, в «Гимнах Ночи» Новалиса (1800) мистически сливаются Мария и умершая возлюбленная,⁶ с личным переживанием связано пушкинское стихотворение «Мадонна» (1830), а Mater Gloriosa в финале «Фауста» Гете (1832) стала символом Вечной Женственности, унаследованным поэтикой Вл. Соловьева и Блока.⁷

Для молодого Пушкина и его сверстников разница между западной и православной религиозностью конечно существовала. В это время Пушкин, очевидно, имел смутное представление о востоковедении и достаточно отчетливое — о французской вольнодумной эротике XVIII в. и, в частности, о Парни, поэтому с самого начала возникло предположение, что строчка об армянском предании наводит на преднамеренно ложный адрес, — такой прием мистификации использован Пушкиным в «Скупом рыцаре», выдававшимся за перевод с английского.

Сличение с Парни⁸ не в состоянии снять основные вопросы, связанные с текстом «Гавриилиады», и прежде всего — с самой идеей создания этой поэмы небывалого рода.⁹

При любой степени интереса к Парни этот поэт был для русской литературной молодежи 1820-х годов поэтом вчерашнего дня, и есть все основания искать в произведении Пушкина отклик на какие-то современные ему явления русской действительности. Высказано мнение, что «Гавриилиада» была ответом на модный мистицизм,¹⁰ исполненным «самого резкого осмеяния одного из основных догматов христианской церкви»,¹¹ однако мистицизм — понятие, далеко не тождественное христианскому вероучению, к тому же Пушкин именно в это время вступил в масонскую ложу, где насмешки над мистицизмом были бы по меньшей мере неуместны. Действительным поводом напи-

⁴ L. Scheffczyk. Zur Geschichte der Marienlehre und Marienverehrung. In: Marienbild in Rheinland und Westfalen. Essen, 1968, S. 32.

⁵ Там же, стр. 39.

⁶ О других примерах см.: G. Lauer. Madonnenkult und Madonnenideal in der Romantik. Tübingen, 1925; M. Hendrichs. Die Madonnen-dichtung des 19. und 20. Jahrhunderts. Marburg, 1948.

⁷ Заметим, что в дни работы над «Гавриилиадой», в апреле 1821 г., Пушкин рисует портрет Гете: М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 294.

⁸ Л. Вольперт. О литературных истоках «Гавриилиады». «Русская литература», 1966, № 3, стр. 95—103; L. Scheffler. Die Bedeutung des erotischen Sujets in der Dichtung Puschkins. Tübingen, 1968, S. 54.

⁹ Ср. неучтенную параллель — анонимную пародию: Satan et Eve, ou l'origine de la fouterie et du cosuage. A Damopolis, chez Diabolino, libraire-éditeur, s. a. [Париж, 1832], — по свидетельству Гийома Аполлинера, «написанную довольно хорошо»: G. Apollinaire. L'Enfer de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1913, n° 763. Любопытно, что ее название, иронически напоминая о «Франсиаде» Ронсара, «Генриаде» Вольтера, «Мессиаде» Клопштока и «Россиаде» Хераскова, включает в себя название и гомеровского эпоса.

¹⁰ Пушкин. Итоги и проблемы изучения. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 374.

¹¹ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. Изд. «Советский писатель», М., 1967, стр. 16.

сания «Гавриилиады» был, по нашему мнению, актуально и отнюдь не мистически звучащий библейский вопрос, которым в это время занималось правительство.

В Российской империи имелась лишь церковнославянская Библия в дорогих изданиях, недоступных для большинства домашних библиотек, — знание библейских текстов основывалось на систематическом прослушивании их календарно приуроченных отрывков, входящих в богослужение, тогда как в странах Западной Европы Библия была традиционной семейной книгой. Обер-прокурор Синода и министр народного просвещения князь А. Н. Голицын, придя к мысли, что все науки должны быть заменены чтением св. Писания, стал президентом нового учреждения — Российского библейского общества и организовал первый перевод на русский язык Нового завета. Александр I, который «начиная с 1812 года до конца своей жизни неопустительно каждый день читал слово божие», сам выбрал формат общедоступного издания Нового завета и читал окончательную редакторскую корректуру предисловия.¹² С 1816 по 1823 г. было выпущено 15 тиражей Библии; реализация шла так быстро, что печатание производилось одновременно в Петербурге и Москве. Российское библейское общество, руководствуясь своей уставной целью, состоявшей в «издании книг Ветхого и Нового завета на иностранных языках для обитателей Российской империи иностранных исповеданий», выпустило в 1817 г. и Библию на армянском языке. Иными словами, издательская политика русского правительства именно в эти годы сделала Библию самой распространенной книгой, и опальный Пушкин решил ответить на эту ситуацию дерзкой пародией, а заодно и подшутить над моралистами, для коих предназначалась глава «О предосторожностях к сохранению непорочности» в только что вышедшей книге «О подражании пресвятой деве Марии», где были сентенции вроде следующей: «Много есть дев христианских, беседующих без осторожности с людьми, которые не суть ангелы. Ежели и говорят оне, что бдят над непорочностью своей, то можно сказать им, что и диавол также не дремлет на пагубу их».¹³

Почему же для выполнения возникшего поэтического замысла понадобилось предание непременно армянское, в чем соль этой шутки? Армянская церковь, не признавшая христологических решений Халкедонского собора 451 г. и всех последующих вселенских соборов, считалась вавшей в монофизитскую ересь,¹⁴ в ответах митрополита Киприана игумену Афанасию (около 1400 г.) армяне называются «гнуснейшими из еретиков»,¹⁵ в этом же духе выдержано и «Слово на арменское зловерие» Максима Грека (середина XVI в.).¹⁶ Синодальная точка зрения оставалась неизменной и в XIX в.: «Армянская церковь, оторвавшись от своей матери — церкви вселенской — еще в тот период, когда и последняя не завершила своего догматического развития, осталась как бы недоноском, не имевшим полноты вероисповедного самосознания».¹⁷ И вдруг русское самодержавие стало смотреть сквозь пальцы на богословские раздоры, — начиная с 1800 г. дом Романовых выдавал утвердительные грамоты новоизбранным армянским патриархам, к тому же проживавшим на территории иностранного государства — в Эчми-

¹² Православная богословская энциклопедия, т. 2. СПб., 1903, стр. 526—582.

¹³ О подражании пресвятой деве Марии. Пер. с франц. Я. Уткина. С картинкой. СПб., 1820, стр. 41.

¹⁴ *Handbuch der Ostkirchenkunde*. Hg. von E. Ivánka. Düsseldorf, 1971. Монофизитской была и церковь Абиссинии — страны, особо интересовавшей Пушкина по известным причинам биографического порядка.

¹⁵ Русская историческая библиотека, т. 6. СПб., 1880, стр. 250; С. С м и р н о в. Древнерусский духовник. М., 1914, стр. 146.

¹⁶ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Изд. «Наука», Л., 1969, стр. 115—116.

¹⁷ Православная богословская энциклопедия, т. 1. СПб., 1900, стр. 1038.

адзине.¹⁸ Это был многозначительный дипломатический символ, подготовка военного решения армянской проблемы, последовавшего в 1826—1829 гг. При всей объективной исторической прогрессивности вхождения Армении в состав Русского государства лицемерие официального Петербурга проявилось в этом двуличном подходе к армянской церкви — отсюда и пушкинская ирония, вызывающая к авторитету армянского церковного предания.

Самое замечательное то, что пушкинской шутке присущ не только блеск остроумия, но и филологическая серьезность. Древнеармянское предание, на которое ссылается поэт, действительно существует. Его уникальная особенность, беспристрастно отмеченная издавшим этот текст ученым иезуитом П. Петерсом, — напряженный до нескромного интерес к подробностям акта зачатия, красочный диалог между архангелом Гавриилом и девой Марией, предшествующий этому акту, и вместе с тем — совершенно искреннее благочестие, столь характерное для памятников средневековой литературы.¹⁹

Первая публикация древнеармянского предания была осуществлена венецианскими монахами-мехитаристами в 1898 г. на армянском языке,²⁰ по их списку 1824 г., являющемуся копией другого списка, тремя годами старше, который, в свою очередь, списан с древней рукописи, вскоре, как полагают, сожженной. Рукопись оглавления не имеет, издатель назвал это произведение «Книгой о детстве Христа»; текст состоит из 28 глав. В этом же издании воспроизведена другая рукопись венецианских мехитаристов,²¹ без указания на ее возраст и происхождение. По языковым признакам она несколько старше первой и отличается меньшим числом глав, другим порядком их следования, большей пространностью изложения.

Третий список, датированный 1666 г., находился в библиотеке Эчмиадзинского монастыря, где был описан Н. Я. Марром.²² Этот текст начинается уже после эпизода благовещения, поэтому в поле зрения пушкинистов он не попал.

Библиотека венских мехитаристов располагает списком конца XVI—начала XVII в.²³ Имеются не поддающиеся сейчас проверке литературные указания на то, что в армянском ските Ктуц о. Ахтамар на оз. Ван имелся список 1347 г.²⁴

Таковы данные о рукописной традиции этого произведения в целом. Кроме того, в среде армянских книжников имели широкое хождение сборники, куда включались отдельные части нашего апокрифа. В частности, эпизод «О послышке ангела и благовещении беременности святой девы Марии, матери господа» фигурирует в мехитаристском рукописном сборнике 1700 г.²⁵

¹⁸ Энциклопедический лексикон Плюшара, т. 2. СПб., 1835, стр. 143. Ср. донесение П. И. Коваленского Павлу I об избрании патриарха Иосифа Аргутяна: «Не упустил я употребить все меры, скромностию сопровождаемые, к возведению на патриаршескую степень преданного интересам Вашего Величества». (Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов, т. 1. Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1972, стр. 36).

¹⁹ *Evangiles apocryphes*, t. 2. L'Évangile de l'Enfance. Redactions syriaques, arabe et arméniennes, traduites et annotées par Paul Peeters. Paris, 1914, p. 91 (второе издание — Париж, 1924). Ксерокопию этой книги нам любезно предоставил доктор Адальберт Кужея (Трирский университет, ФРГ), которому выражаем нашу сердечную благодарность.

²⁰ *Trésor de littérature arménienne*, t. 2. Venise, 1898, pp. 1—126.

²¹ Там же, стр. 127—235.

²² Н. Я. Марр. Из легкой поездки в Армению. Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества, СПб., т. 6, 1892, стр. 135—145.

²³ J. D a s h i a n. *Katalog der armenischen Handschriften in der Mechitaristen-Bibliothek zu Wien*. Wien, 1895, SS. 502—504.

²⁴ Н. Я. Марр. Из легкой поездки в Армению, стр. 136.

²⁵ *Trésor de littérature arménienne*, t. 2, pp. 267—277.

Возникновение и развитие нашего апокрифа составляет проблему сложную и выходящую далеко за рамки пушкиноведения. Здесь уместно отметить лишь, что в ориенталистике принята точка зрения о его сирийском происхождении и переводе на армянский язык не позже XI в. В XII в. он имеет широкое хождение в армянской среде и почти официально признан монофизитской церковью,²⁶ в средневековой Армении существовал, можно сказать, своеобразный местный культ этого памятника.²⁷

Приводим полностью раздел текста по иезуитскому изданию, имеющий отношение к нашей теме.²⁸ Это конец главы IV, которая завершается жеребьевкой между девами, изготовляющими завесу для иерусалимского храма, когда Марии досталась пряжа пурпурного и алого цветов, и первые девять рубрик главы V.

. . . она молча взяла пряжу, и отправилась в дом свой, и начала прясть алую пряжу. Вскоре, взяв кувшин, она пошла к колодцу, чтобы принести воды.

Глава V. О ГЛАСЕ АНГЕЛА — ПОСЛАНЦА СЧАСТЬЯ, ВОЗВЕСТИВШЕМ ОПЛОДОТВОРЕНИЕ СВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ

1. В этот момент к ней было обращено слово ангела, который сказал: «Радуйся, дева Мария». Мария внезапно смутилась, она была поражена живым испугом. И когда она посмотрела направо и налево, то не увидела никого. Она сказала себе: «Откуда пришел ко мне этот глас?». И, взяв кувшин, поспешила укрыться в доме, закрыла дверь и тщательно запечатала ее. Затем она молча села в глубине дома. И, в остолбенении ума, говорила себе с удивлением: «Что это за приветствие, обращенное ко мне? Кто он, знающий меня, заранее знающий, кто я такая? Кого я видела где-либо, кто бы мог говорить мне такие слова?». Думая обо всем этом, она трепетала и дрожала.

2. Встав, она начала молиться и сказала: «Господи боже отцов наших, боже Израиля, посмотри на меня в твоём милосердии, снизойди к моей просьбе и молитве моего сердца. Услышь меня, твою ничтожную служанку, которая призывает к тебе с надеждой и доверием. Не отдай меня искушениям врага и козням соблазителя, но освободи меня от западни и от сети ловца, потому что я уповаю на тебя и на то, что ты сохранишь мою девственность неприкосновенной, мой господь и мой боже». Проговорив это, Мария воздала хвалу господу, плача. Пребыв в этом состоянии три часа, она взяла алую пряжу и начала прясть.

3. И вот ангел господень прибыл и проник к ней, хотя двери были закрыты. Бесплотный предстал перед ней в облике существа из плоти и сказал: «Радуйся, дева Мария, непорочная служанка господя». Вдруг увидев ангела, Мария испугалась и в своем ужасе была неспособна ответить ему. Ангел сказал ей: «Не бойся, Мария, благословенная в женах. Я ангел Гавриил, посланный богом, чтобы сказать тебе: ты забеременеешь и родишь сына от всевышнего отца. Он [сын] будет великим царем, который будет царствовать над всей землей». Мария ему сказала: «О чем ты говоришь? Что ты говоришь? Объясни мне это». Ангел отвечал: «То, что я тебе сказал, ты услышала

²⁶ *Evangelies apocryphes*, t. 2, p. XLII.

²⁷ Там же, стр. XLIV. Ср.: F. Müller. Die Unbefleckte Empfängnis Marias in der syrischen und armenischen Überlieferung. «Scholastik», 9. Bd., 1934, SS. 161—201.

²⁸ Наш перевод с французского, минуя оригинал, имеет некоторое филологическое оправдание в том, что архетипом армянского текста существующих списков был весьма несовершенный перевод с сирийского и в мекхитаристском армянском издании имеются прямые несообразности, — исправленный текст дан в иезуитском издании на французском языке.

из моих уст. Прими то, что есть в переданном мной известии, и радуйся». Мария сказала: «То, что я узнала от тебя, — новость, приводящая в замешательство, она приводит меня в ошеломление и изумление: я забеременею и рожу как все женщины! Но как это со мной произойдет, со мной, не знающей мужчины?». Ангел отвечал ей: «О святая дева Мария, не нужно таких подозрений и подумай о том, что ты говоришь. Все произойдет иным образом. Ибо это будет деяние не человеческого существа, не супруга, не по воле человека, но от силы благодати святого духа, который войдет в тебя и воспользуется этим так, как это ему заблагорассудится». Мария сказала: «То, что ты говоришь, мне кажется необыкновенным, этому трудно поверить. Я не могу ни согласиться, ни покориться тому, что ты сказал. Ибо эти чудеса, о которых ты мне рассказываешь, неприличны по существу и неправдоподобны. Слушая, как ты говоришь, моя душа трепещет от страха и дрожит. Дух мой пребывает в смущении, и я не знаю, что ответить на твои речи». Ангел ответил: «Почему ты боишься и почему душа твоя дрожит?».

4. Святая дева сказала: «Как же я могу тебя слушать или поверить твоим словам, ведь я никогда не слышала ни от кого подобных речей и даже не понимаю, о чем ты говоришь!». Ангел ответил: «Речь, которую я держу, есть сущая правда. Я вовсе не говорю наугад и не излагаю собственные мысли, но я говорю тебе то, что слышал от господина и что бог меня послал возвестить тебе и рассказать. А ты принимаешь мои слова за ложь. Побойся бога и послушай меня». Святая дева Мария сказала: «Не то чтобы я считала твои речи пустыми, но я повергнута в глубокое изумление: того, кого небо и земля не могут вместить и чью божественность объять, того, чью славу не смеют созерцать все сонмы небесного воинства духов и огненных существ, — как бы я смогла выдерживать и вынести его бесконечный жар и принять его в мое тело? Как бы я была способна носить его телесно на моей груди и прикасаться к нему руками? Твоя речь невероятна, ее смысл не постигается умом и осуществление [того, о чем ты говоришь] приводит в замешательство. Не хватит всего ясновидения духа человеческого, чтобы проникнуть в смысл твоей речи и понять его. Ты что, хочешь соблазнить мой дух обманной речью? Не будет этого!». Ангел ответил: «О, блаженная и святая дева, послушай, что я тебе скажу. Как Моисей на горе Синайской узрел господина собственными глазами? И разве неопалимая купина не пылала пламенем не сгорая? А как шатер Авраамов принял господина в обличье плоти и не загорелся? А как господь говорил с Иаковом, после того как боролся с ним? А как он являлся многим другим патриархам и пророкам? Все они видели его так, как заслужили. И ты тоже не больше, и бояться не надо. Только верь и слушай, что я тебе говорю».

5. Мария сказала: «А как то, о чем ты говоришь, произойдет со мной? И как я могу узнать, в какой день и в какой час состоится его пришествие? Научи меня!». Ангел ответил: «Не говори так о том, чего ты не знаешь, и не сопротивляйся тому, чего не понимаешь. Смири свое ухо и поверь в то, что я тебе скажу». Мария сказала: «Я так говорю не по опасению или по недовержности, а хочу иметь полную уверенность и знать подлинно, как это со мной произойдет и в какое время, чтобы быть к этому вполне готовой». Ангел ответил: «Его приход может состояться в любой час. Проникая и обретаясь внутри тебя, он очистит и освятит все существо твоей плоти, которая станет его храмом». Мария сказала: «А как это со мной произойдет, если я не знаю мужчины?». Ангел ответил: «Святой дух войдет в тебя, и могущество всевышнего покроет тебя тенью своей. И бог Логос воплотится от тебя, ты родишь сына от всевышнего отца, а твоя девственность останется неприкосновенной и непоруганной». Мария сказала: «А как женщина может, храня свою девственность, иметь ребенка без мужчины?».

6. Ангел ответил: «Это произойдет не таким путем, как ты говоришь. Твое материнство не будет последствием возжелания плотской страсти, и твоя беременность не будет последствием супружеского соединения, а твоя девственность останется святой и незапятнанной. Вхождение слова божия не повредит твое лоно, и когда слово будет выходить из тебя воплощенное,

оно тоже не разрушит твою девственность». Мария сказала: «Я боюсь тебя, ибо ты говоришь мне приятные слова, и речи твои, обращенные ко мне, доставляют мне живое удивление. Не хочешь ли ты соблазнить меня обманчивыми словами, как это произошло с нашей праматерью Евой, которую сатана, беседа с ней, склонил приятными и сладкими речами, а потом она была обречена на смерть?». Ангел ответил: «О Мария, святая дева, сколько раз я говорю тебе, и говорю чистую правду. А ты не веришь повелению и словам послания, исходящим из моих уст, мне, стоящему перед тобой. Снова обращаюсь к тебе от имени бога, пусть твое сердце не ужасается, когда ты видишь меня. Пусть твой дух не сомневается в боге, твоём господе. И не отворачивай твое сердце от слов, которые я сказал, а ты услышала от меня. Вовсе не искусным обманом какого-либо рода, не хитростью, не уловками я пришел говорить с тобой, но чтобы подготовить в тебе храм и обиталище Логоса». Мария сказала: «Слушая, как ты говоришь, я озадачена настойчивостью твоих речей, и дух мой занят мыслью о том, что тебе ответить. А если я сумею сама себя убедить, кому могла бы я открыть мое положение, кто бы мне поверил, что оно такое, как я говорю?».

7. Ангел ответил: «О, святая непорочная дева, не занимай себя так этими напрасными опасениями». Мария сказала: «Я не сомневаюсь в твоих словах и не считаю то, что ты говоришь, не заслуживающим веры. Наоборот, я счастлива и живо радуюсь твоим речам. Но душа моя ужасается и дрожит, что я буду носить в моем чреве бога, чтобы родить его как человека, и потом моя девственность останется нетронутой. О чудо! Как удивительно то, о чем ты рассказываешь!». Ангел сказал: «Сколько раз я тебе подробно говорил, истинно свидетельствуя правду, а ты мне не веришь!». Мария сказала: «Прошу тебя, о служитель всевышнего, не сердись на мою настойчивость в вопросах. Ведь ты знаешь человеческую природу, ее недоверчивость во всем. Вот почему я хочу расспросить обо всем, чтобы знать. Не сердись на мои слова». Ангел сказал: «Ты права, но поверь мне, что я послан богом, чтобы говорить с тобой, чтобы сообщить тебе благовест».

8. Мария сказала: «Да, я верю твоим словам и принимаю повеление, которое ты мне выразил, это так. Но послушай, что я тебе скажу. До настоящего дня я хранила себя в святости и правде перед священнослужителями и всем народом, после того как законно досталась Иосифу, чтобы стать его женой. И сейчас ему доверено беречь меня в его доме, заботиться обо мне до того времени, когда мы, вместе с другими девами и холостыми мужчинами, получим венец благословения. И вот, когда он придет и увидит, что я беременна, что мне ему ответить? Что ему сказать? И когда он спросит, какова причина этой беременности, что я отвечу на такой вопрос?». Ангел ответил: «О, блаженная и святая дева, послушай меня и сохрани в уме то, что я скажу. Это не дело человека, и то, что я говорил, не произойдет от кого-либо. Это господь осуществит в тебе. Он достаточно могуч, чтобы избавить тебя от всех тревог этого испытания». Мария сказала: «Если так, как ты говоришь, и если сам господь благоволит снизить к своей служанке и рабе, то пусть все произойдет по твоему слову». И ангел ее оставил.

9. В то мгновение, когда святая дева произносила эти слова, покорившись, слово божие проникло в нее через ухо и внутренняя природа ее тела осыпалась, со всеми его чувствами и двенадцатью членами, и очистилась, как золото в огне. Она стала святым храмом, непорочным обиталищем божества. И в то же мгновение началась беременность святой девы.²⁹

Совпадений, таким образом, между апокрифом и пушкинской поэмой достаточно, чтобы признать связь между обоими произведениями реальной, соответствующей классическому отношению между портретом и карикатурой.

²⁹ Зачатие от слова через слух, *consertio per aures*, занимавшее и латинских теологов, пародировал Рабле: Гаргантюа родился из уха матери. Рабле был и остался священником, но в николаевской России на такие шутки смотрели иначе — известно, что над Пушкиным нависла реальная угроза ссылки в Сибирь.

Поэт не зная армянского языка, мог получить столь точные сведения о заинтересовавшем его апокрифе в кругу своих друзей в этнически пестром Кишиневе, где была армянская колония, несомненно имевшая в своем составе знатоков национальной письменности, поскольку Кишинев был резиденцией армянского архиепископа.³⁰ Необходимо также считаться с тем, что интересующий нас апокриф был настолько популярен среди армян, что его знали как фольклорное произведение,³¹ и по этому признаку он тоже попадал в круг интересов Пушкина, именно в годы южной ссылки начавшего углубленные занятия фольклором. Более того: армянский апокриф оказывал влияние на иконографическую традицию благовещения, которую в пушкинскую эпоху в народе знали гораздо лучше, чем литературные источники, — это было обстоятельно показано еще в 1925 г. М. П. Алексеевым³² и впоследствии подтвердилось изысканиями историков искусства, установивших, что роль этого армянского текста вышла за рамки армянской культуры и повлияла на формирование общевизантийской иконографии благовещения.³³

Принято считать, что в творчестве Пушкина поэма «Гавриилиада» «лежит в стороне от большой дороги романтических лет».³⁴ Но Байрон, — от которого Пушкин в эти дни, по собственному выражению, «с ума сходил» (Акад., XI, 145), — работая над «Дон Жуаном» в Венеции, тем не менее почти ежедневно ездил на о. св. Лазаря к монахам-мехитаристам изучать армянский язык и литературу и, в частности, интересовался новозаветными армянскими апокрифами.³⁵ Почти символическое совпадение, по меньшей мере заслуживавшее упоминания хоть в одной из многочисленных работ об идейной связи между обоими великими романтиками, если «байроническая стихия проникла в русскую поэзию через посредство Пушкина».³⁶

2. О стихотворении «Горишь ли ты, лампада наша»

Короткая история петербургского кружка «Зеленая лампа», существовавшего год или полтора (1818—1820), не канула в Лету, пожалуй, по единственной причине — виднейшим членом кружка был Пушкин. Это побуждало исследователей время от времени заново взвешивать причастные к делу довольно скудные и противоречивые данные, с целью выяснить действительный характер в общей сложности менее двух десятков вечеров под светом «Зеленой лампы», так или иначе повлиявших на формирование молодого поэта. Детальный разбор вопроса имеется в известной работе Б. В. Томашевского.¹ Для дискредитации молвы, издавна приписывавшей собраниям

³⁰ Пушкин был у него на званом вечере 18 июля 1821 г.: Ручко Пушкина. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 292—293.

³¹ А. Т. Г а н а л а н я н. Армянские предания. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. доктора филол. наук. Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1970, стр. 81.

³² М. П. А л е к с е е в. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Изд. «Наука», Л., 1972, стр. 319—322.

³³ J. L a f o n t a i n e - D o s o g n e. Iconographie de l'Enfance de la Vierge dans l'Empire byzantin et en Occident, tt. 1—2. Bruxelles, 1964—1965; A. C. R u s h. Maria en los evangelios apócrifos. In: Mariologia. Madrid, 1966, pp. 156—181.

³⁴ Пушкин. Итоги и проблемы изучения. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 374.

³⁵ P. Mesrop G i a n a s c i a n. Lord Byron à St. Lazare. In: Venezia nelle letterature moderne. Ed. C. Pellegrini. Venezia—Roma, 1961, pp. 115—126.

³⁶ В. М. Ж и р м у н с к и й. Байрон и Пушкин. «Academia», М.—Л., 1924, стр. 295. См. также: В. Н. В и к е р и. Параллелизм в литературном развитии Байрона и Пушкина. Гаага, 1963 (доклад на V Международном конгрессе славистов в Софии).

¹ Б. В. Т о м а ш е в с к и й. Пушкин, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 193—234. Ср.: Б. С. М е й л а х. Пушкин и деятельность тайных

кружка все мыслимые пороки оргиастических афинских ночей, она сделала многое, но не все — один существенный аргумент, прямо вытекающий из высказывания самого Пушкина, в действие не введен, хотя это поэтическое высказывание всеми цитируется как характеристика «Зеленой лампы» (Акад., II, 264):

Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство.

Так писал Пушкин Я. Н. Толстому из южной ссылки 22 сентября 1822 г.: это стихотворение «Горишь ли ты, лампада наша», представляет собой часть обширного замысла, известного по черновику 1821 г.²

Отметим, что *колпак* на голове «Равенства» не включен в «Словарь языка Пушкина», его нет и в дополняющем «Словарь» сборнике, где исследуются поэтические символы.³ Но ведь это — легендарная эмблема Французской республики, символ свободы, воспетой Пушкиным еще в 1817 г. перед выпуском из липея (Акад., I, 259—260):

Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак.

По-прежнему Пушкин убедился, что вчерашние друзья по «Зеленой лампе» испугались компрометирующих связей с опальным сверстником и не только не отвечали на его письма из ссылки, но порой способствовали распространению порочащих его слухов; он почувствовал себя оскорбленным тем, что здесь, на юге, Тайное общество не пожелало принять его в свои члены. В конце ноября 1823 г. Пушкин, «смотря и на Запад Европы, и вокруг себя» (Акад., XIII, 385), пишет полное горечи стихотворение «Свободы сеятель пустынный» (Акад., II, 302):

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь,

В последний раз «колпак свободы» вспомнился поэту в 1828 г., когда он с горькой иронией высказался о своем новом общественном положении в условиях николаевского режима (Акад., III, 99):

Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.

Ни одно из процитированных четырех стихотворений не могло по цензурным условиям увидеть свет при жизни Пушкина; с тем большим основа-

обществ. В кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 189—191; С. М. Бонди. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе». В кн.: С. М. Бонди. Черновики Пушкина. «Просвещение», М., 1971, стр. 91—108.

² Н. В. Измайлов. Текстология. В кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 585.

³ Поэтическая фразеология Пушкина. Изд. «Наука», М., 1969.

нием они заслуживали бы включения в тему «Пушкин и история Французской революции».⁴

Сейчас нет достоверных данных о том, в какой именно момент и при каких обстоятельствах знаменитый фригийский колпак со свисающим заостренным верхом стал эмблемой революционной свободы. В этом качестве он утвердился еще до провозглашения Республики — 20 июня 1792 г., когда по требованию демонстрантов вышедший к народу король Людовик XVI вынужден был надеть на себя колпак и дать обещание, что он «сделает то, что предписывает Конституция».⁵ В романском мире были исторические причины для выбора такой эмблемы — еще в Древнем Риме аналогичный головной убор *pilleus* был символом свободного гражданина, в карнавальные празднества сатурналий его надевали все, в память о мифическом золотом веке, когда люди были свободны и равны. Знаменательно, что в латыни само слово *pilleus* могло употребляться метафорически как синоним свободы, точно так же как и во французском языке *красный колпак*, *bonnet rouge*, стал символом революционного духа. Отметим при этом красный цвет как французское новшество, — пресса эпохи революции подчеркивала, что античный *pilleus* был из неокрашенной шерсти, «а французы обагрили свои колпаки кровью».⁶

Таким образом, мысленному взору поэта виделась персонификация Равенства в красном колпаке Свободы как полноправного члена «Зеленой лампы», олицетворяющего высшие принципы законности, какими они были представлены в «Общественном договоре» Руссо — источнике лозунга: *свобода, равенство и братство*.⁷

М. Ф. Мурьянов

ПОМЕТКИ ПУШКИНА НА ПИСЬМЕ К НЕМУ А. П. ПЛЕЩЕЕВА (Еще о реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме»)

Настоящая заметка является продолжением нашей статьи о «Пиковой даме»¹ и имеет целью показать, как проверял и воспроизвел Пушкин реальность основного мотива повести.

В первых числах октября 1836 г. Пушкин получил небольшое письмо от своего знакомого — А. П. Плещеева. Содержание его мало значительно и едва ли заслуживает подробного изучения (Плещеев просит вернуть денеж-

⁴ Ср. главу под этим названием в кн.: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. «Советский писатель». Л., 1960, стр. 175—216. Об интересе поэта к истории Французской революции в последующий период см.: М. П. Алексеев. Пушкин. Сравнительно-историческое исследование. Изд. «Наука», Л., 1972, стр. 231—237.

⁵ Французская революция 1789—1794. Под редакцией В. П. Волгина и Е. В. Тарле. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 198—199, 678.

⁶ The English Registry for 1794. Dublin, 1794, pp. 396—397.

⁷ A. Greive. Die Entstehung der französischen Revolutionsparole Liberté, Egalité, Fraternité. Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Bd. 43. Stuttgart, 1969, SS. 726—751.

¹ Л. В. Ч х а и д з е. О реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме». В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. III. Изд. АН СССР, Л., 1960, стр. 455—460.

ный долг брата поэта — Льва, за которого ручался Пушкин),² но на этом письме, воспользовавшись его чистой оборотной стороной, Пушкин сделал ряд собственных пометок, представляющих гораздо больший интерес.³

Впервые эти пометки были опубликованы И. А. Шляпкиным,⁴ который сразу расшифровал одну из них (полный расчет IV тома «Современника»); другая (чей-то адрес) до сих пор ждет расшифровки, а третья раскрыта в основном предположительно. Поскольку эта последняя оказывается связанной с «Пиковой дамой», мы в данном сообщении делаем попытку вскрыть ее содержание и представить себе ее значение для творческой истории данной повести.

Первые комментарии к этим пометкам были сделаны М. А. Цявловским, который пишет, что расшифрованная еще Шляпкиным пометка представляет собой «... расчет по листам т. IV „Современника“, разрешенного цензурой 11 ноября и вышедшего в свет во второй половине ноября — в декабре 1836 года». Таким образом, запись датируется второй половиной октября — первой половиной ноября этого года.⁵ Пометка содержит перечисление статей, помещенных в четвертом томе журнала «Современник», с указанием занимаемого ими типографского объема. С какой целью делал эти расчеты Пушкин, сказать трудно. Во всяком случае комментатор этого вопроса не поднимает.

Вторая пометка, до сих пор не расшифрованная: «В хлебном переулке», — является, как замечает Цявловский, «чьим-то адресом», и о ее значении пока судить нельзя. От расшифровки третьей пометки М. А. Цявловский отказался. («Что означает колонка цифр слева, объяснить не можем», — пишет он там же).

Как показывает прилагаемая к нашей заметке иллюстрация (см. стр. 84), на которой мы воспроизводим интересующую нас помету, она представляет собой две, написанные карандашом, колонки цифр; при этом вторая колонка начата под первой, а продолжение ее перенесено влево. Каждая колонка является самостоятельной суммой геометрической прогрессии, состоящей из трех членов. Основанием первой прогрессии является 47, а второй — 67.

Впервые эта пометка в предположительной форме была расшифрована Н. В. Измайловым,⁶ который, разбирая приведенные выше комментарии Цявловского, пишет: «... колонка цифр слева ... представляет, как кажется (разрядка наша, — Л. Ч.), расчет игры Германна в „Пиковой даме“: его первая ставка — весь его капитал — равнялся 47 тыс. руб., вместе с выигрышем — 94 тыс., — 1-й вечер игры; выигрыш второго вечера — $94 + 94 = 188$ тыс.; вычитана и третья ставка, которая могла дать Германну 376 тыс. Далее начато повторение вычисления, с другой исходной цифрой капитала — 67 тыс.: $67 - 134 - 268$ за два вечера. Возможно, — заключает Измайлов, — что осенью 1836 г. Пушкин, думая о переиздании „Пиковой дамы“, проверял, с обычной своей точностью, игорные расчеты повести и предполагал внести в них изменения, чтобы сделать Германна несколько богаче, чем в первых изданиях».

Разъяснение пометы вполне убедительно. Хотя Пушкин и отбрасывает нули, но нигде, кроме «Пиковой дамы», аналогичных цифр нет. Следовательно,

² Текст письма А. П. Плещеева к Пушкину см.: Акад., XVI, 163; * об А. П. Плещееве и его знакомстве с Пушкиным см.: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Изд. «Наука», Л., 1969, стр. 447.

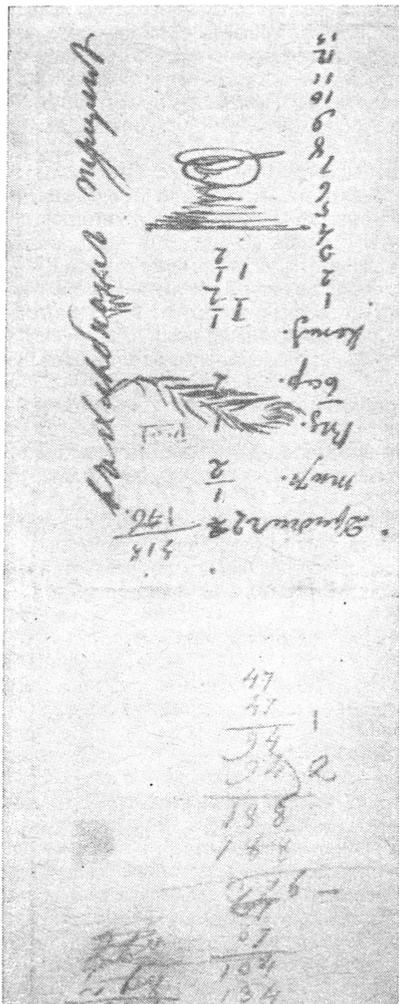
³ Это письмо находится ныне среди рукописей Пушкина, хранящихся в Пушкинском Доме (ф. 244, оп. 1, № 346).

⁴ См.: И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903, стр. 284—285.

⁵ См. сб.: «Рукою Пушкина», Несобранные и неопубликованные материалы, «Academia», М.—Л., 1935, стр. 270.

⁶ См.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 2. М.—Л., 1936, стр. 426.

расчет относится к «Пиковой даме». Поэтому в академическом издании сочинений Пушкина этот расчет воспроизводится как один из вариантов пометы.⁷

Пометы Пушкина на обороте письма
А. П. Плещеева.

которыми обозначены две из них; причем одна цифра — семь — кабаллистическая.

В нашей предыдущей работе мы изложили сделанные до нас попытки объяснить совпадение этих цифр с их кабаллистическим значением как из-

Нисколько не опровергая этого предположения Н. В. Измайлова и, тем более, не умаляя его заслуг в расшифровке пометки, ускользнувшей от внимания М. А. Цявловского, мы считаем, однако, что она имеет несколько большее значение, чем простой расчет возможного выигрыша Германна (напомним, что в повести никаких цифр, кроме начального капитала и выигрыша первого вечера, нет и проверять-то, с этой точки зрения, нечего). По нашему мнению, помета связана не столько с проверкой самого выигрыша, сколько с другой стороной повести, до сих пор оставшейся незамеченной многими исследователями.

Эта сторона «Пиковой дамы» частично вскрыта нами в упомянутой в начале статьи работе и, как оказывается, находится в самой тесной связи с той карточной игрой, в которую играл герой.

Прежде чем подробно рассмотреть этот вопрос, обратимся к одному важному моменту. Некоторых советских исследователей вводят в заблуждение три обстоятельства — суеверие Германна, «появление» призрака старой графини и, наконец, кабаллистическое значение карт, на которые ставит свой капитал герой повести. Но если первое обстоятельство легко объяснить той специфической атмосферой, в которой находился Германн, а второе — его галлюцинациями, то с третьим положение сложнее.

Пушкин, естественно, мог взять любые карты и строить вокруг них сюжет повести. Но внимательное изучение ее показывает, что это не так просто. Мысли Германна после услышанного им рассказа о трех картах («Нет! расчёт, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот, что утроит, усмерит мой капитал») содержат как раз те цифры,

⁷ См.: «Пиковая дама». Черновые наброски. Акад., VIII, 836.

вестный элемент мистики (А. Л. Словимский)⁸ или как перенос из библейских стихов Ф. Глинки, не имеющих ничего общего с содержанием «Пиковой дамы» (Н. П. Кашин),⁹ и показали, что обоснование выбора карт следует искать иным путем — путем анализа карточной игры. Этот путь приводит к выводу о полной реальности основного мотива ее сюжета.

Напомним наши доказательства, дополнив их рядом новых соображений. Это необходимо хотя бы потому, что карточная игра достаточно часто упоминается не только в произведениях и письмах Пушкина, но и в произведениях других поэтов и писателей его времени. Только знание всех тонкостей правил столь известных тогда карточных игр позволяет расшифровать многие детали творчества и высказываний этих писателей.

Герой повести играл в очень распространенную в пушкинскую эпоху азартную карточную игру, называвшуюся «штосс» (другие названия — «банк», «фараон»); за скрытые преимущества для профессиональных игроков, которые мы покажем ниже, она впоследствии была запрещена и ныне почти забыта. Один из игроков (банкомет) раскладывает колоду карт поочередно на две стороны. Если карта, назначенная его противником (понтером), выходила направо, то проигравшимся считался понтер, а если налево — то банкومت. Обычно мастью пренебрегали, называлась лишь карта.

Но профессиональные игроки усложнили игру и сделали ее выгодной для себя. Эти усложнения заключались в непрерывном увеличении ставок. Дело происходило следующим образом. Понтер после первой ставки мог тут же удвоить ее, объявив так называемые «пароли», а после проигрыша и этой — учетверить («пароли-пе»). Этим, однако, дело не кончалось. Можно было продолжать удвоения и увеличивать ставки в восемь и шестнадцать раз (такие увеличения назывались соответственно «плие» и «кенз-эль-ва»). Чтобы между игроками не возникало недоразумений, понтер имел свою колоду карт, из которой доставал желаемую, и в знак того или иного увеличения ставки загибал на ней нужное количество углов. Например, для «пароли» — один угол, для «пароли-пе» — два и т. д. (напомним, что столкновение между героями пушкинской повести «Выстрел» как раз и происходит из-за того, что один из них загибает лишний угол и не хочет признать свою ошибку, а в «Пиковой даме» Чекалинский «... еще учтивее отгибал лишний угол, загибаемый рассеянной рукой. . .»). Результат промета колоды, находившейся в руках у банкомета, определялся по выходу карты, аналогичной той, на которую ставил понтер. Казалось бы, что шансы игроков равны. Поездло — карта вышла в нужную сторону — выиграл, не поездло — проиграл. На самом деле это не так. Если понтер, стремясь отыграть проигрышные ставки, увлекался и начинал удваивать их, доводя игру в геометрической прогрессии до «кенз-эль-ва», а затем проигрывал и эту последнюю ставку, то банкومت, поставивший первоначально, допустим, 1000 рублей, брал со стола 16 000 рублей, причем его чистый выигрыш составлял 15 000. Следует к тому же учесть, что он имел определенные шансы выиграть эту последнюю ставку. Но ведь банкومت рисковал только одной тысячью рублей, а понтер всеми пятнадцатью! Отсюда и пошло знаменитое выражение «Играй, да не отыгрывайся», взятое Лермонтовым эпитафией к «Тамбовской казначейше». Это же и явилось причиной последовавшего в середине XIX в. запрещения штосса. Но что он доставлял игрокам немало треволнений, видно хотя бы из письма Пушкина П. В. Нащокину, датированного серединой марта 1834 г.: «... тебе уже не нужно потрясений кенз-эль-ва и плие, для рассеяния своего домашнего горя. . .», — пишет поэт своему другу,¹⁰ и, конечно, не случайно. Пушкин,

⁸ См.: Пушкинский сборник памяти С. А. Венгера. «Пушкинист», IV, М.—Пг., 1922, стр. 176; А. С. Л. о. н. и. м. с. к. и. й. Мастерство Пушкина. Гослитиздат, М., 1959, стр. 521—522.

⁹ Пушкин и его современники, вып. XXXI—XXXII. Л., 1927, стр. 25, 33, 34.

¹⁰ См. Акад., XV, VI, 281—282, 563—569.

хорошо зная карточные игры, смотрел на них, по примеру многих людей эпохи, как на своего рода спорт, и, владея всеми тонкостями штосса, мог написать вполне реальную повесть о человеке, до безумия увлеченном возможностью выигрыша. Это обстоятельство еще и тем, что психология игроков, их суеверия тоже были прекрасно знакомы Пушкину — он, по примеру многих людей его эпохи, играл в карты, хотя и не придавал им такого значения, как это иногда считается.

Пушкина в карточной игре интересовало то, что могло бы послужить его творческим замыслам.

Действительно, чем объяснить, что один раз карта выходит направо и приносит выигрыш банкомету, а другой раз — налево, к наименьшей радости потера. Нет ли здесь каких-нибудь закономерностей? В настоящее время они хорошо известны и называются «теорией вероятностей». Заметим попутно, что основы этой дисциплины, без которой немислимы достижения современной науки, были разработаны Блезом Паскалем по просьбе . . . профессионального игрока. Следовательно, кто-то задумывался над этим вопросом. Нашелся человек, который понял, что выход карт не случаен, и обратился как раз к тому, к кому следовало, — к ученому.¹¹ Но во времена Пушкина законы и установленные Паскалем, еще не были известны игрокам. Поэтому легче и проще было объяснить все перипетии игры вмешательством потусторонних сил или выдумывать анекдоты вроде того, на котором построен сюжет «Пиковой дамы», т. е. идти по тому пути, по которому шло человечество, когда встречало непонятное явление, пока его не объясняла наука.

Вот это суеверие игроков, их желание видеть во всем результат темных сил и послужило материалом для построения сюжета «Пиковой дамы». Но разрабатывая его, Пушкин строит повесть так, что для внимательного и знающего штосса человека ее реальность очевидна. Это было бы невозможно, если бы автор не знал всех тонкостей и особенностей игры.

Как убедился читатель, тактика игры в штосс сводилась к тому, чтобы вынудить противника все время удваивать ставки с тем, чтобы самому выиграть последнюю.

Эту тактику как раз и применил один из героев «Пиковой дамы» — Чаплицкий, который (опытнейший игрок, «умерший нищим, промотавши миллионы»), по рассказу Томского, проиграв Зоричу «около трехсот тысяч» и получив от старухи три карты, ставит пятьдесят тысяч, выигрывает соника (все, что было в банке у Зорича), удваивает выигрыш («загнул паролли», как красочно выразился Томский), затем играет «паролли-пе» (т. е. снова удваивает и этот выигрыш) и, приобретя таким образом четыреста тысяч (сумма в повести не названа, но читатель сможет теперь рассчитать ее сам, как это сделал бы во времена Пушкина любой игрок), — не только «отыгрался, но и остался еще в выигрыше», — заключает свой рассказ Томский.

Как мы знаем, на Германна этот рассказ произвел потрясающее впечатление. Он уловил в нем не только саму по себе возможность играть без проигрыша, но и нечто более важное — всю тактику скорейшего обогащения. Как раз это и становится его навязчивой идеей. Хорошо зная игру (напомним, что он, «. . . будучи в душе игрок, никогда не брал. . . карты в руки. . .»), но «. . . целые ночи просиживал за карточным столом и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры. . .»), он рассчитал сразу, что только такое прогрессивное увеличение ставок в восемь раз, — за вычетом капитала, которым он рисковал, — усмерило бы его состояние.

Интересно отметить, что игроки хорошо знали, что первоначальную ставку нужно удваивать, и всегда делали это. «Кенз-ель-ва» происходит от французского слова «пятнадцать» (quinze). Но ведь ставка увеличилась

¹¹ См.: Г. Г. Цейтген. История математики в XVI и XVII веках. Пер. с нем. Объединенное издательство научно-технической литературы, М.—Л., 1938, стр. 53. Интересные подробности этого факта см. также в «Рассказе о рыцаре де Мере» в журн. «Знание — сила» (1960, № 2, стр. 46).

в шестнадцать раз. Это уменьшение на единицу и есть учет первоначальной ставки. Теперь становится достаточно ясным, откуда пришли к Германну три роковые карты: он все время неотвязно думал о них («вот, что утроит, усемерит мой капитал и принесет мне покой и независимость»).

В финале повести Пушкин обыгрывает очень редкое, но все же возможное сочетание карт, оказавшихся на руках у Германа и Чекалинского.

В последний вечер Германн, желая ставить на туза, «обдернулся», т. е. вытянул из колоды не его, а пиковую даму, «покрыв ее кипой банковых билетов», но своей ошибки не заметил. Чекалинский, делая промет колоды, выбросил налево туза, а направо пиковую даму. Развязка припала лишь тогда, когда Германн открыл свою карту, — она принесла ему крушение всех надежд, поскольку он предполагал ставить на туза (вышедшего в его пользу), а вовсе не на пиковую даму (выигрывавшую для Чекалинского). Таким образом, в двух колодах карт две одинаковые карты лежали рядом (иначе Германн не вытянул бы дамы вместо туза, а Чекалинский не выбросил бы их в одном и том же промете). Сочетание очень редкое, но возможное, придающее реальность финалу.

Обратим внимание еще на одну небольшую, но весьма существенную деталь. Вытянуть из колоды не ту карту, которую желаешь, — значит ошибиться в технике игры. Технические ошибки обычно допускают новички. Германн играет первый раз в жизни, следовательно, его ошибка не удивительна.

Вернемся, однако, к надписи на письме Плещеева. Зачем понадобилось Пушкину воспроизводить, да еще дважды, весь ход возможного выигрыша Германа? Ответ может быть только один. Пушкин писал эту повесть как широкое полотно, на котором изобразил современное ему общество. Стремление к обогащению любой ценой, алчность, поиски призрачного счастья — вот, что характеризует изображенного им героя. Если внимательно изучить его поступки, то силы, которым он приписывал власть, основаны на его же собственном поведении. Но для того чтобы показать это, Пушкин должен был создать вполне реальную канву повести. И он добился этого. Но поскольку сюжет был основан на вполне реальных расчетах возможного выигрыша главного героя, то, относясь очень щепетильно к любым подобным расчетам (в этом мы полностью соглашаемся с Измайловым), он дважды проверил одно из интересных (но наиболее глубоко заправленных) условий сюжета — возможность утроения, а затем усмерения начального капитала Германа.

Следует отметить, что описываемая пометка Пушкина на письме Плещеева не является единственным расчетом возможного выигрыша Германа. Напомним читателю, что она сделана при подготовке «Пиковой дамы» к переизданию, осенью 1836 г. Однако аналогичные расчеты Пушкин делал еще тогда, когда писал самый первый вариант повести, от которого сохранились очень мало подлинных рукописных листов. На одном из них находятся еще два зачеркнутых Пушкиным расчета.¹³ К счастью, Пушкин зачеркнул их, не применяя густых чернил и сильного нажима пером. Это позволило без особого труда расшифровать перечеркнутые цифры. Вот эти расчеты:

40	60
80	120
160	240
280	420

Нетрудно увидеть, что эти расчеты представляют собой суммы возможных выигрышей Германа за три дня игры. Но только чистые выигрыши, которые в семь раз больше первоначальных ставок в обоих вариантах.

¹³ См.: Рукописи Пушкина в Пушкинском Доме (ф. 244, оп. 1, № 842, л. 18 об., — Акад., VIII, 836).

Из сказанного вытекает, что Пушкин неоднократно проверял основу галлюцинации героя в самой острой части сюжета: реальна ли повесть с точки зрения карточного игрока. Более того, проверив один раз, Пушкин меняет начальную ставку на целых двадцать тысяч и делает расчет вторично. Все сходится! Игроки поверят его повести. Недаром в своем дневнике 7 апреля 1834 г. Пушкин записал: «. . . моя „Пиковая дама“ в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза» (Акад., XII, 324).

Таким образом, для осуществления основного замысла Пушкин выбирает следующий сюжет: сильный, но впечатлительный человек (в душе игрок), зная, как и сколько можно выиграть, внушает себе, на какие карты для этого следует ставить. Процесс внушения связывается с суеверием игрока и усиливается галлюцинацией. Причины внушения остаются открытыми, но их реальность, точно проверенная, скрывается глубоко на заднем плане повести и может остаться незамеченной. На передний план выносятся характер главного героя и второстепенные персонажи. Вводится любовная интрига, связанная с основной идеей. Все это обрамляется фантастическим рассказом о «могуществе» трех карт. В результате повесть приобретает многоплановость и ту высокохудожественную простоту и красоту, которая характеризует творчество великого поэта.

Л. В. Чжаидзе

ЗАБЫТЫЙ ЗНАКОМЫЙ ПУШКИНА

(По архивным данным)

В бытность Пушкина в Кишиневе офицеры Генерального штаба, или Квартирмейстерской части, как его тогда называли, занимались военно-топографической съемкой Бессарабии. И. П. Липранди в своих «заметках» на статью П. И. Бартенева «Пушкин в Южной России» назвал девятнадцать участников съемки, и среди них А. Ф. Вельмана, В. П. Горчакова, В. Т. Кека, Ф. Н. Лугинина, А. П. и М. А. Полторацких.¹ Тринадцать из них были питомцами известного Муравьевского училища для колонновожатых. Пушкин, по словам А. Ф. Вельмана, «почти каждый вечер проводил в кругу офицеров Генерального штаба».² О других встречах с ними писали Ф. Ф. Вигель³ и Ф. Н. Лугинин.⁴

Это было 14 февраля 1822 г. Прапорщик Валерий Тимофеевич Кек покидал Кишинев в связи с откомандированием его на съемку «Литовско-Виленской губернии»,⁵ и друзья-сослуживцы, а также Пушкин устроили ему «прощальную пирушку» у Полторацких. «Пили из складных походных стака-

¹ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. «Русский архив», 1866, стлб. 1442.

² ГБЛ, Отдел рукописей, ф. 94 (Н. А. Дубровского), картон 2, ед. хр. 24.

³ Ф. Ф. В и г е л ь. Записки, т. II. Редакция С. Я. Штрайха. М., 1928, стр. 211—212.

⁴ Из дневника прапорщика Ф. Н. Лугинина. «Литературное наследство», № 16—18, 1934, стр. 667—674.

⁵ Гос. архив Пензенской области (ГАПО), ф. 196, оп. 2, д. 1140, л. 24.

нов, которые вставляли один в другой; Пушкину дали большой, наружный».⁶

Я пил — и думою сердечной
Во дни минувшие летал
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоинал.

(Акад., II, 241).

Отъезд Кека отражен в одном из замечательных стихотворений Пушкина «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной. . .») с легко зашифрованной надписью: «Кек» у, П солтарацк»им и Г«орчаков»у» и датой «15 февраля 1822» г. (II, 241, 740). По словам В. Г. Белинского, в этом стихотворении — «грусть Пушкина. . . — это всегда грусть души мощной и крепкой. . . Пушкин никогда не расплывается в грустном чувстве».⁷

Мы до сих пор знали очень мало о В. Т. Кеке. Его лишь упоминали современники и биографы Пушкина. Наши разыскания дают возможность восстановить основные биографические вехи этого просвещенного офицера — близкого друга великого поэта.

Валерий Тимофеевич Кек (1801—после 1862) — уроженец Пензенской губернии, сын помещика с. Липяги Пензенского уезда Томаса (Тимофея) Адамовича Кека, учился в Университетском благородном пансионе при Московском университете⁸ и в Муравьевском училище для колонновожатых (выпуск 14 апреля 1821 г.);⁹ на службе — «с июня месяца 1821 по 31 мая 1822 года при съёмке Бессарабской области, а с оного времени состоял при съёмке Литовско-Виленской губернии. . . , 1823 года апреля 2 дня по высочайшему его императорского величества повелению уволен от службы по домашним обстоятельствам подпоручиком».¹⁰

Дальнейшая жизнь В. Т. Кека связана с Пензенским краем, где проживали его мать, Степанида Андреевна, и братья — Иван Тимофеевич, отставной полковник, питомец Московского университета, участник Отечественной войны 1812 г., и Александр Тимофеевич Кек, пензенский помещик. В 1839—1840 гг. В. Т. Кек состоял почетным смотрителем Чембарского уездного училища. Свое «прошение» о назначении его на эту должность он мотивировал желанием «по возможности быть полезным юношеству, обучающемуся в сем заведении», и обязался вносить ежегодно по двести пятьдесят рублей ассигнациями.¹¹

Широкий диапазон культурных знаний, полученных в Университетском пансионе и Муравьевском училище, пригодился отставному офицеру. Историк Пензенского уезда А. Горизонтов отмечает образцовое ведение хозяйства помещиком В. Т. Кеком: прекрасно устроенный фруктовый сад, завод высокопродуктивного рогатого скота и развитое овцеводство с наличием тонкорунных мериносов.¹²

⁶ П. Бартенев. Пушкин в Южной России. «Русский архив», 1866, стлб. 1188—1189.

⁷ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 295.

⁸ Н. В. Сушков. Московский университетский благородный пансион. М., 1858, стр. 35.

⁹ Д. А. Кропотов. Жизнь графа М. Н. Муравьева. СПб., 1874, стр. 409.

¹⁰ ГАПО, ф. 196, оп. 4, д. 1140, л. 24.

¹¹ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 1139, лл. 25, 26 и об.; ф. 81, оп. 1, д. 192, л. 1.

¹² Хозяйственно-статистическое описание Пензенского уезда, составленное А. Горизонтовым. . . В типографии Академии наук, СПб., 1859, стр. 83, 84, 99.

Таковы небезыңтересные сведения из жизни Валерия Тимофеевича Кека — кишиневского знакомого Пушкина.¹³

Л. А. Черейский

А. ДЕ ВИНЬИ ОБ А. С. ПУШКИНЕ

Несколько лет тому назад в Центральном государственном историческом архиве Литовской ССР были обнаружены неизвестные письма Альфреда де Виньи. Они хранятся в родовом архиве польских графов Коссаковских. Письма относятся к 1846—1858 гг. и адресованы Александре Ивановне Коссаковской.

А. И. Коссаковская (1811—1886) была дочерью графа И. С. Лавалья, гофмейстера и статского советника. Ее мать, А. Г. Лаваль (урожд. Козицкая), была хозяйкой одного из самых богатых и блестящих домов в Петербурге. В ее салоне собирались литературные и музыкальные знаменитости того времени.¹ В 1829 г. Александра Ивановна вышла замуж за графа С. Коссаковского-Щенного, государственного деятеля и литератора. Позднее она уехала с мужем из Петербурга и жила большей частью в родовом имении Коссаковских — Войткушки, в Литве, а также в Варшаве.

Виньи познакомился с Коссаковской 13 мая 1845 г. в Париже на представлении своей драмы «Чаттертон» в помещении Итальянского театра. В последующие годы Коссаковская несколько раз приезжала во Францию и встречалась с Виньи в парижских салонах и в театре. Сестра А. И. Коссаковской Е. И. Трубецкая явилась прообразом Ванды в одноименной поэме А. де Виньи, посвященной декабристам.

Публикуемые ниже неизданные строки Виньи, обращенные к А. И. Коссаковской, представляют собою лишь небольшой фрагмент его письма, входящего в серию писем французского поэта к этой представительнице петербургского высшего света; переписка их велась с перерывами двенадцать лет и представляет значительный исторический интерес.² Помещаемые далее строки имеют для нас особое значение, так как они посвящены А. С. Пушкину и русской поэзии. Приводим отрывок из письма А. де Виньи к А. И. Коссаковской от 24 августа 1847 г.

Ce que vous me dites du silence des Poètes en Russie, depuis la mort de Pouschkin et de Lermontoff m'attriste pour votre grande Russie. — Qu'elle ne quitte pas cette belle route du retour aux hymnes primitifs des *Moscovites* et aux cris de la langue Nationale. C'est un instrument qu'il faut achever de construire, un grand Orgue ou tous les souffles doivent être imprégnés de neige et de glace,

¹³ Последние известные нам сведения о В. Т. Кеке — в дневнике И. М. Снегирева под 27 июня 1860 г. о встрече с «прежним по Московскому университету Университетскому пансиону товарищем Валерианом Тимофеевичем Кеком, которого не видел 40 лет» (Дневник Ивана Михайловича Снегирева. . . , т. II. М., 1905, стр. 154).

¹ О салоне А. Г. Лаваль в Петербурге см. в статье: А. Л. Вайнштейн и В. П. Павлова. К истории повести Пушкина «Гости съезжались на дачу». Временник Пушкинской комиссии. 1966. Изд. «Наука», Л., 1969, стр. 36—43. См. также: М. И. Гилельсон. Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон. Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Изд. «Наука», Л., 1970, стр. 17—18.

² В настоящее время все эти письма готовятся нами к изданию.

mais emportés comme un orage d'hiver, violens comme une tempête de Laponie; sombres comme les grands vents dans les forets de sapins et les cris des loups autour du traineau des voyageurs; rudes comme les chaines qui pendent des bras de la croix des Ivans: doux et mélancoliques comme la voix des enfans russes au teint pâle. — Ensuite et seulement quand ce grand Orgue sera créé, qu'il parle de nos utopies civilisatrices comme fait le p^{ce}Odoevski. Mais il part trop tôt à mon avis. — J'aimais dans *Pouschkin* quelque chose de sauvage et le frisson du Nord qui se trouvait partout à travers trop de souvenirs encore de la manière des Poètes Européens. — Si je connaissais les Poètes Russes, je leur dirais: soyez à la fois asiatiques et Lapons; unissez la mollesse des Califes à la force farouche des vieux Boyards et la finesse grecque qui vous est voisine ne l'oubliez pas, pour ses suaves parfums.³

Перевод

То, что вы мне говорите о молчании русских поэтов после смерти *Пушкина* и *Лермонтова*, огорчает меня: мне грустно за вашу великую Россию. Пусть она не сходит с этого прекрасного пути, возвращающего ее к первоначальным гимнам *москвитов* и к возгласам народного языка. Нужно завершить постройку этого инструмента, большого органа, где все звуки должны быть напоены снегом и льдом, должны быть неистовыми, как зимняя гроза, могучими, как лапландская буря, мрачными, как ветры в еловых лесах, как вой волков вокруг саней путников, суровыми, как цепи, спускающиеся с русских крестов, нежными и меланхоличными, как голоса бледнолицких русских детей. Затем и только тогда, когда этот большой орган будет создан, пусть он говорит о наших цивилизаторских утопиях, как это делает князь Одоевский.⁴ Но он начинает слишком рано, на мой взгляд. Мне нравилось в *Пушкине* нечто дикое, дыхание Севера, которое у него ощущалось повсюду среди еще заметных следов *манеры* европейских поэтов. Если бы я был знаком с русскими поэтами, я бы сказал им: будьте в одно и то же время азиатскими и лапландскими; соедините изнеженность калифов с суровой силой старых бояр и не забывайте близкой вам греческой утонченности с ее нежным ароматом.

Как видно из приведенного выше фрагмента письма, слова Виньи являются ответом на какие-то сведения о русской литературе, сообщенные ему А. И. Коссаковской. К сожалению, установить, что именно писала она ему, не представляется возможным. Письма Коссаковской к Виньи не сохранились, или, во всяком случае, не обнаружены; об их переписке вообще ничего не было известно до последнего времени. Несомненно, что Коссаковские, не говоря уже о Лавалях, не раз встречались с Пушкиным. Существуют прямые указания и прежде всего свидетельства самого поэта. 8 апреля 1834 г. Пушкин сделал в своем дневнике краткую запись о имевшем место накануне рауте у кн. В. Ф. Одоевского и упомянул здесь также семью Лавалей и Коссаковскую.⁵ В тот же день, 8 апреля, Пушкин ездил представляться императрице. В числе представлявшихся, как это видно из официальных документов, был и граф С. Коссаковский. Однако, насколько мы можем судить, личные отношения Пушкина с чегой Коссаковских никогда не были близкими; они оставались сдержанными и холодными, порою же становились прямо

³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1279, оп. 1, д. 59, л. 46.

⁴ Речь идет о романтических повестях В. Ф. Одоевского; некоторые из них уже появились во французских переводах и обсуждались во французской печати.

⁵ Так принято в настоящее время читать неясно написанную строчку («Вся семья гр. Л. ** гр. Кос. . . , идеализированная ее мать. . .»), — см.: Дневник А. С. Пушкина (1833—1835). Тр. Гос. румянцевского музея, вып. 1, М.—Пгр., 1923, стр. 501, 369 и 546. Здесь же приведено факсимиле данной неразборчивой строчки дневника. См. также изд. «Дневника» Пушкина с комментариями Б. Л. Модзалевского (Пгр., 1923, стр. 134).

враждебными. Об этом можно судить, например, по известному прозаическому наброску Пушкина «Мы проводили вечер на даче. . .» (1835), в котором он, по-видимому, имел в виду А. И. Коссаковскую и ее мужа, когда писал следующие ядовитые строки: «Молодая графиня К., кругленькая дурнушка, постаралась придать важное выражение своему носу, похожему на луковичку, воткнув в репу <. . .»; «Муж ее, польский граф, женившийся по расчету (говорят, ошибочному), потупил глаза и выпил свою чашку чаю» (Акад., VIII, 1, 425). Еще бóльшая неприязнь между Пушкиным и Коссаковскими звучит в рассказе о них сестры поэта Ольги Сергеевны в письме к ее мужу Н. И. Павлицеву из Петербурга от 20 декабря 1835 г., в котором есть, в частности, следующие строки: «Вы хорошо делаете, что не идете к Коссаковским, поскольку он не наносит вам визита. Александр [Пушкин] говорит, что он [С. Коссаковский] весьма глух» [Alexandre dit qu'il est bien sot. . .]. И далее: «Что касается его жены [А. И. Коссаковской], она не любит Александра; она посмела говорить с ним о его стихах, и так как он отвечал ей сухо, она насмешливо сказала ему: „А знаете ли, сударь, что ваш Годунов может показаться интересным в России“. „Да, сударыня, — отвечал он, — в том же смысле, в каком вы можете считаться красивой женщиной в доме вашей матери!“ (с тех пор она равнодушно на него смотреть не могла).⁶ Поэтому представляется довольно естественным, что в обширной корреспонденции Коссаковских имя Пушкина не встречается; в то же время мы находим в ней довольно многочисленные упоминания об В. Ф. Одоевском, Е. А. Баратынском, В. А. Соллогубе и других русских литераторах. Все это заставляет нас думать, что А. И. Коссаковская едва ли могла сообщить Альфреду де Виньи какие-либо важные и новые сведения о Пушкине.

Но это не столь существенно. В публикуемом отрывке, как и в других письмах Виньи, отчетливо проявился его постоянный интерес к России и к русской литературе. Письмо А. И. Коссаковской дало ему повод высказать те мысли, которые его волновали.

С русской темой были связаны и творческие замыслы Виньи. Кроме поэмы «Ванда» (*Wanda. Histoire russe*, 1847), в основу сюжета которой положена история Е. И. Трубецкой (родной сестры А. И. Коссаковской), жены декабриста, последовавшей за ним в Сибирь,⁷ в рукописях Виньи сохранилось довольно много фрагментов, набросков, планов задуманных (но не осуществленных) целого ряда произведений на темы из русской (а также из польской) жизни. Таковы, например, планы поэм «Деспот» (*Le Despote*, 1833) — возможно, что это одно из ранних вариантов будущей «Ванды», — или «Русский» (1843), которые, как и «Ванда», направлены против произвола русского самодержавия.⁸ Эти замыслы следует рассматривать в связи с повышенным интересом к России в конце 30-х и особенно в 40-х годах, когда во Франции

⁶ Письма О. С. Павлицевой к мужу Н. И. Павлицеву в 1835 г. «Пушкин и его современники», вып. XVII—XVIII, СПб., 1913, стр. 203.

⁷ Существует русский стихотворный перевод поэмы «Ванда» А. де Виньи с предисловием С. Розанова; он помещен в журнале «Голос минувшего» (1913, № 12, стр. 214—224).

⁸ См. эти планы в кн.: Alfred de Vigny. *Journal d'un poète*. Publ. par L. Ratisbonne. Paris, 1867, pp. 248—249, 258—259. Существует новое издание «*Journal d'un poète*» с комментариями Бальдансперже (*Baldensperger*), — London, 1928. Кратко коснулся поэмы «Ванда» и других произведений Виньи на русские темы Ш. Корбе в своей книге о России во французском общественном мнении XIX в. (*Charles Corbet. L'opinion française face à l'incognue russe. 1799—1894*. Paris, 1967). Он считает, что источником «Ванды» были книги Кюстина и Н. Тургенева («Россия и русские»), но ошибается, утверждая, что кн. Трубецкая была по происхождению француженкой» (стр. 186—187). Подробнее см. поэму «Ванда» в прекрасной книге: Michel Cadot. *La Russie dans la vie intellectuelle française, 1839—1856*. Paris, 1967, pp. 309—312.

появляется ряд книг, очерков и статей, посвященных русской истории, политике, общественной жизни, литературе. Со многими из этих работ Виньи знакомится по мере выхода их в свет; удельный вес, который русская литература заняла в круговороте его идей и его собственном творчестве, еще в полной мере не определен.

Не следует забывать также, что его личное общение с русскими началось еще в раннем возрасте: он учился в парижском пансионе Икс (Них) вместе с Матвеем и Сергеем Муравьевыми-Апостолами, будущими декабристами; позднее он тепло вспоминал о них. Будучи уже известным писателем, Виньи посещал русские литературные и музыкальные салоны в Париже. Так, его можно было видеть у Н. И. Куракиной, страстной любительницы музыки, превосходной певицы и музыкантши. По свидетельству ее дневника, у нее на вечеру в Париже в апреле 1824 г. Виньи читал свою поэму о падшем ангеле (т. е., вероятно, «Элоа»).⁹ А. де Виньи был также частым посетителем салона графини Сиркур (урожд. А. С. Хлюстиной), где встречались известные русские и французские литераторы. Сиркур-Хлюстина и ее муж выступали во французской печати со статьями о русской литературе и, в частности, о Пушкине.¹⁰

Немалое значение для понимания русских связей Виньи имеют его отношения с Элимом Петровичем Мещерским — сотрудником русского посольства и парижским корреспондентом петербургского Министерства народного просвещения, — бывшим довольно популярным в свое время поэтом и переводчиком. Э. П. Мещерский сыграл известную роль в ознакомлении французской публики с произведениями русских писателей. Виньи бывал на литературных вечерах у Мещерского. Известен рассказ виконта де Мелена о споре Виньи и Балзака по поводу «Чаттертона» на одном из таких вечеров.¹¹ Сохранившееся письмо А. де Виньи к Э. П. Мещерскому от 15 июля 1844 г. свидетельствует об их дружеских отношениях.¹² Заметим, что Э. Мещерский был лично знаком с Пушкиным, а жена Мещерского была дочерью С. П. Жихарева, бывшего арзамасца.

Виньи поддерживал знакомство с русскими дипломатами в Париже, в частности с секретарем посольства В. П. Балабиным, который в своем «Дневнике» посвятил Виньи доброжелательные строки.¹³ Следует отметить еще отношения Виньи с русским генеральным консулом Ксаверием Лабенским, французским литератором, одним из «малых романтиков». Это был, по выражению А. Мазона, «поляк-русифил, парижский поэт, сражавшийся с маркизом де Кюстином за честь России».¹⁴ Виньи питал к нему большие симпатии и причислял его к доверенным друзьям.

⁹ Девятнадцатый век, исторический сборник, изд. Ф. А. Куракиным под ред. В. Н. Смольянинова, т. 1. М., 1903, стр. 400.

¹⁰ Летописи Гос. литерат. музея, т. 1. М., 1936, стр. 336—337; Остафьевский архив, т. III (примечания). СПб., стр. 635—636.

¹¹ Vicomte Armand de Melun. Mémoires, vol. I. Paris, 1891, p. 179. «Литературное наследство», тт. 31—32, 1937, стр. 395.

¹² А. Мазон в статье «Князь Элим» («Литературное наследство», тт. 31—32, 1937, стр. 391, 397—400) впервые привел по подлиннику, хранящемуся в ГПБ в Ленинграде, письмо А. де Виньи к Э. Мещерскому (от 15 июля 1844 г.), — «единственно уцелевшее из числа многих», о которых рассказывал ему «внук Элима». При переиздании этой своей работы во Франции А. Мазон отметил, что это письмо Виньи к Мещерскому остается единственным из их переписки, «остальные же, многочисленные, в настоящее время, вероятно, утрачены» (A. Mazon. Deux russes écrivains français, Paris, 1964, pp. 185—186).

¹³ Journal de Victor de Balabine, Secrétaire de l'ambassade de Russie. Paris, 1914, p. 59.

¹⁴ А. Мазон. Ксаверий Лабенский. В сб.: «Русско-европейские литературные связи», М.—Л., 1966, стр. 320—326.

У Виньи, как указывает он сам, были корреспонденты в Петербурге и в Москве. Его приглашали посетить Россию и совершить поездку на Кавказ.

Этот далеко не полный перечень русских знакомых Виньи показывает, как многочисленны были те нити, которые осуществляли живую связь с современной ему Россией. Однако, как ни обильна была информация об этой стране, которой он мог пользоваться, получить достаточное представление о русских писателях и о Пушкине без самих произведений русского поэта было затруднительно. Русским языком Виньи не владел, и ему приходилось довольствоваться переводами. Между тем эти переводы, особенно поэтические, были большей частью весьма несовершенны.

Отдельные произведения Пушкина издавались во Франции почти ежегодно. Среди прочих следует отметить перевод его стихов Э. П. Мешерским в сборнике «Русские поэты» (Les Poètes russes, 1846). В 1847 г., к десятилетию со дня гибели поэта, вышли в свет его «Избранные сочинения», издание, подготовленное А. Дюпоном («Oeuvres choisies»). Переводов Лермонтова было гораздо меньше, но среди них появляются весьма удачные.

Пушкину был посвящен целый ряд статей и высказываний, относящихся к разным годам и выражающих порой противоположные точки зрения: от Ж. Ансло, увидевшего в молодом Пушкине поэта большого дарования, до А. де Кюстина, назвавшего Пушкина «подражателем, который прослывет новатором».

Высказывание Виньи выделяется среди других тем, что он связывает с Пушкиным будущее русской литературы. Как поэт-романтик, он видит ценность литературы в ее неповторимости, в ее национальном колорите. Литературе, говорящей на подлинно народном языке, положил начало Пушкин. Начатое им следует продолжать. Эти мысли Виньи выражает поэтическим языком, полным своеобразных экзотических метафор, вызывающих ныне улыбку, но весьма нравившихся французским читателям того времени. Он очень эмоционально передает свое видение России и ее литературы, какой она, по его мнению, должна стать. Эта картина, как мы видим, весьма далека от действительности: Виньи находится во власти представлений о России как о диком северном крае с разгулом стихий, с сильными и мрачными характерами. Даже в Пушкине ему видится «нечто дикое». В книгах французских путешественников, вплоть до Кс. Мармье (а их Виньи внимательно читал), преобладают описания дикой природы, ужасного климата и невыносимых дорожных тягот, а русская жизнь предстает перед читателем в самых причудливых формах. Но дело не только в этом. Виньи пишет о России и русской литературе в духе поэт-романтиков, которые, стремясь найти и передать «местный колорит», рисовали довольно фантастические, экзотические картины, существовавшие в их воображении.

Для нас гораздо важнее вывод Виньи: перед русскими поэтами открылся путь, проложенный Пушкиным. Развитие русской поэзии возможно только по этому пути. Это понял А. де Виньи; в этом значение его высказывания.

А. Д. Никольский

«ПОСЛАНИЕ ВЪ СИБИРЬ» ПУШКИНА В ПЕРЕВОДЕ ФИЛИППИНСКОГО ПОЭТА

В литературе о Пушкине сведения о переводах его стихотворений на тагальский язык еще не приводились, а между тем переводы эти существуют, некоторые же из них имеют довольно примечательную историю, которая должна занять свое место в истории распространения мировой литературной славы великого русского поэта. Тагальский язык (с конца 50-х годов нашего

века его все чаще называют филиппинским) — это официальный язык Филиппинской республики, употребляющийся на ее территории наряду с английским; он является родным для 12 миллионов тагалов, его понимают в настоящее время около 75% 40-миллионного населения Филиппин. На этом языке существует обширная и разнообразная художественная литература: прозаические и стихотворные произведения, созданные на тагальском языке, частично имеются и в русских переводах. В последнее десятилетие в нашей стране ведутся разнообразные исследования тагальской (филиппинской) литературы, готовятся новые переводы с тагальского языка.

Среди первых переводчиков и ценителей русской литературы на Филиппинах был выдающийся филиппинский писатель и ученый, крупный общественный деятель, национальный герой страны, казненный испанскими колонизаторами, — Хосе Рисаль-и-Алонсо (1861—1896), один из первых сознательных борцов против колониализма и национального угнетения в Азии. Признанный полиглот, владевший более чем двадцатью языками, он знал и русский язык, стремился лучше познакомиться с русской литературой. В одном из сохранившихся писем его из ссылки с о. Минданао Рисаль просил прислать ему из Европы книги Тургенева (в частности, романы «Отцы и дети», «Дым», «Новь»), Гоголя (полное собрание сочинений), Короленко, Г. Данилевского. «Если вам попадетсЯ еще какая-нибудь книга русского автора, — обращался он к своему корреспонденту д-ру Мейеру, — я был бы вам чрезвычайно признателен за нее».¹ Хосе Рисаль, к сожалению, не успел осуществить многих из своих планов. На русский язык переведены его романы «Не прикасайся ко мне» и «Флибустьеры», а также его избранные стихотворения, среди них «Последнее прощанье», написанное им в ночь перед казнью.

Лучшие произведения русской литературы оказали заметное воздействие на развитие филиппинской прозаической литературы первой половины XX в.; в особенности это относится к творчеству Достоевского, Толстого, Чехова. Однако долгое время филиппинцы знакомились с достижениями русской литературы через посредство английских переводов. Одним из первых сделал попытку переводить русскую поэзию выдающийся современный тагалоязычный поэт и писатель, общественный деятель национального значения Амадо В. Эрнандес.

Амадо В. Эрнандес (1903—1970) — человек сложной и многотрудной судьбы. Он был не только большим поэтом и писателем, но также издателем и редактором, участником антияпонского движения сопротивления, известным профсоюзным деятелем, литератором демократического направления, большим, искренним другом нашей страны, нашего народа, почитателем нашей литературы.

Он родился 13 сентября 1903 г. в Тондо, известном своими трущобами и ужасающей преступностью районе крупнейшего филиппинского города Манилы, до недавнего времени являвшейся столицей Филиппинской республики. Амадо Эрнандес происходил из семьи среднего достатка, на медные деньги получил традиционное образование и поступил в Школу живописи Университета Филиппин, самого популярного высшего учебного заведения страны. Вскоре он, однако, предпочел всему журналистику, деятельность литератора и принял участие в нарождавшемся в 20-е годы на Филиппинах профсоюзном движении, став затем одним из его признанных лидеров. С 1928 г. Эрнандес являлся профессиональным журналистом и редактором; в 1932—1941 гг. он издавал газету «Мабухай» («Да здравствует»), в течение многих лет, вплоть до кончины, сотрудничал в крупнейшей ежедневной филиппинской газете на тагальском языке «Галиба» («Страж»). С юных лет он проявил необыкновенный интерес и пламенную любовь к родному тагалскому языку, клеймил тех соотечественников, кто предпочитал ему язык иноземцев.

Как поэт Амадо Эрнандес приобрел известность в 1928 г. после литературного конкурса в г. Малолосе, выступив со стихотворением «Герой».

¹ См.: Хосе Р и с а л ь. Избранное. Изд. восточной литературы, М., 1961, стр. 240.

В дальнейшем такие его стихотворения, как «Герой», «Кузнец», «Мария Макилинг», «Родной язык» и другие, сделались хрестоматийными, вошли не только в антологии национальной поэзии, но и в школьные учебники. Две книги его стихов — патриотическая поэма «Филиппины» (1939) и сборник стихотворений гражданской лирики «Коричневая кожа» (1940) — были удостоены на предвоенных литературных конкурсах высшей тогда на Филиппинах литературной награды — премии Коммонвелл.

В годы войны Эрнандес работал в театре «Метрополитен» в Маниле, сотрудничая с силами антияпонского сопротивления; в первые послевоенные годы дважды избирался манильским муниципальным советником, был национальным президентом Конгресса рабочих организаций, представлял там гильдию журналистов. В 1951 г., по обвинению в помощи национально-освободительной армии (Хукбалахан), был приговорен к пожизненному заключению, провел шесть долгих лет в тюрьмах самого строгого режима. В 1956 г. он был условно досрочно освобожден (обвинение сняли с него лишь в 1964 г.). В борьбе за его освобождение принимали участие многие деятели мировой культуры, в частности Назым Хикмет.

В заключении в 1952 г. Эрнандес написал большую (около пяти тысяч строк) патриотическую поэму «Свободный народ» (опубликовано в 1957 г.) и обширный тюремный цикл стихотворений, целиком вошедший в книгу избранных его стихотворных произведений «Клочок неба» (1961 г.), удостоенную тогда же, по выходе в свет, высшей литературной награды Филиппинской республики — «республиканской премии культурного наследия в области литературы». В этой же книге помещены избранные переводы поэта из европейских и американских авторов, многие из которых также были выполнены им в годы заключения.

Эрнандес широко известен и как прозаик, и как драматург, и как публицист. Его перу принадлежат романы «Хищные птицы» (1959, 1969 гг.), «Крокодиловы слезы» (1963 г.), несколько пьес, удостоенных различных премий, большое количество публицистических статей, очерков, рецензий и пр.

В его книге «Клочок неба» переводы составляют особый раздел, озаглавленный «Парнас». Одним из первых в этом разделе помещено стихотворение А. С. Пушкина «Послание в Сибирь». Думается, что Амадо Эрнандес выбрал именно это стихотворение, потому что оно оказалось созвучно его мыслям и чувствам — ощущениям человека, томящегося в темнице и всеми силами стремящегося вырваться на свободу.² Судя по нашей переписке с филиппинским поэтом, он не знал русского языка, по крайней мере не знал настолько, чтобы переводить с языка оригинала. Очевидно, перевод этот выполнен с использованием подстрочника или, что более вероятно, поскольку Эрнандес в тот период находился в тюрьме, — с английского перевода «Послания в Сибирь». В переводе сохранены и размер, и архитектура пушкинского стихотворения. Эрнандесу, на наш взгляд, вполне удалось передать по-тагальски и содержание «Послания», его четырех четверостиший. Название стихотворения (на тагальском языке — *Kalatag sa Saiberya*) дается Эрнандесом также и по-английски (*Message To Siberia*), с указанием даты написания русского оригинала — 1827 год.

В этом же разделе указанного сборника Эрнандес помещает и другие его переводы, по преимуществу европейских и американских поэтов разных времен (например, из Шекспира, Р. Киплинга, Лонгфелло, У. Уитмена, К. Сэндберга, Р. Фроста, Федерико Гарсия Лорки, Рубена Дарио, Б. Пастернака и др.).

Ниже мы приводим текст тагальского перевода «Послания в Сибирь» Пушкина, помещенный в книге Амадо Эрнандеса «Клочок неба» (Исанг Дипонг Лангит),³ а также дословный русский перевод тагальского текста, для сопоставления его с пушкинским оригиналом.

² Ср.: В. Макаренко. Амадо Эрнандес и его стихи. В кн.: Амадо Эрнандес. Зерна риса. М., 1971, стр. 11.

³ Amado V. Hernandez. Isang Dipang Langit. Manila, 1961, p. 255.

ALEXANDER PUSHKIN

KALATAS SA SIBERYA

Sa malalim ag minahan ng Sieberya
ang tiisin ay dalhin mong mapalalo;
and masaklap na paggawa'y magbubunga
at ang diwang mapanlaba'y di susuko.

Ang Pagasang katalik ng kasawian
na sa sungit ng karimlan ay napipi,
sa puso mo'y may batid na katapangan:
darating din ang araw mong pintakasi.

Sa likod ng mga pintong sakdal dilim
ay bubuhos ang pagibig at katoto,
hanggang diyana sa hihigan ng alipin
ay sasapit ang malayang awitin ko.

Ang mabigat na kadena'y malalaglag,
iyang kuta'y guguho sa isang tinig,
babatiin ng laya sa liwanag,
ang sandata'y ibibigay ng (mga) kapatid,

(1827).

Д о с л о в н ы й п е р е в о д т а г а л ь с к о г о т е к с т а
«П о с л а н и е в С и б и р ь»

В глубине копей Сибири
[стойко] переноси выпавшее тебе страдание;
скорбный [горький] труд даст [свои] плоды
и вдохновение борьбы не исчезнет [не будет пленено].

Радостная надежда в несчастье,
которая в жестоком мраке проступает [вырисовывается],
в сердце твоём — источник смелости:
придет ведь день твоего [покровительствующего тебе] святого.

Через [сквозь] мрачные тюремные двери
вольются любовь и дружба,
туда, в [далекое] прибежище рабов,
достигнет свободная песнь моя.

Тяжелые цепи будут сброшены,
укрепления [бастиионы] те будут разрушены в один голос,
[ты] будешь [приветливо] встречен свободой на свету,
оружие будет дано [тебе] братьями.

В. А. Макаренко

IV. ХРОНИКА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК В 1971 г.

В 1971 г. большое место в деятельности Заповедника занимала реставрация памятников и благоустройство его территории. В июне были начаты восстановительные работы по сооружению дома Ганнибалов в Петровском, в соответствии с проектом, разработанным Псковской научно-реставрационной мастерской совместно с Заповедником. Работы проводила группа рабочих-реставраторов Пскова и бригада студентов-строителей химического факультета Московского государственного университета. В течение строительного сезона была проведена очистка усадьбы от зарослей, сложен каменный фундамент дома и проведена рубка и кладка деревянных венцов стен здания. При проведении земляных работ было обнаружено большое количество фрагментов старого дома (дверные ручки, петли, печные дверцы, изразцы и пр.) и фрагменты бытовых предметов пушкинского и допушкинского времени (фаянсовая и фарфоровая посуда английской и немецкой марок, фигурка слона из кости, разливательная железная ложка, чайная фарфоровая чашка французской работы). Был найден также гранитный блок с высеченной надписью «дом перестроен в 1913 году». В парке Петровского бригадой студентов были проведены работы по расчистке места, где некогда стояла беседка-вольер — она же парковый зверинец Ганнибалов. Строители заложили фундамент сооружения. Во время земляных работ были найдены железная решетка, гвозди, крючья.

В Тригорском парке, на территории заложенного в 1970 г. фруктового сада, восстановлена по мотивам пушкинского времени деревянная ограда, березовые беседки и мостик.

В течение 1971 г. Институт «Ленгипроводхоз», по договору с Заповедником, продолжал проведение комплекса научно-исследовательских работ по составлению проекта очистки прудов и озер в Михайловском, Тригорском и Петровском. Для систематической подкачки воды в усыхающие пруды было пробурено несколько глубоких артезианских скважин. Была проведена работа по реставрации в Тригорском площадки «Диван Онегина», которая вследствие действия атмосферных вод и большого скопления экскурсантов стала сползать под откос, шейки стволов старых деревьев оказались предельно утрамбованными, и деревья стали гибнуть. В 1971 г. в Заповеднике были начаты работы по теплофикации музеев Заповедника. Все они будут иметь электрическое отопление, дабы никакими вспомогательными сооружениями не портить мемориальный характер усадеб и парков. В конце года была закончена разработка проекта отопления Дома-музея в Тригорском и начато проектирование отопления Михайловского. Основной задачей экспозиционной работы было усиление темы «Пушкин в Михайловском», в направлении еще большей ее локальности и углубления. Из фондов Государственного Исторического музея было получено большое количество предметов пушкинской эпохи, украсивших историко-бытовой интерьер усадебных построек. Про-

должалась работа по сбору экспозиционных материалов для будущего музея в восстанавливаемом доме Ганнибалов в Петровском. Одновременно шла научно-музейная работа по составлению развернутого плана экспозиции Петровского, которую предполагается открыть к 175-летию со дня рождения поэта. В летний период в выставочных залах Тригорского экспонировалась выставка «Пушкинская тема в творчестве московских художников» (из фондов Государственного музея Пушкина в Москве). Там же была открыта выставка работ ленинградских художников на пушкинские темы (выставка была подготовлена совместно с музеем Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. Мухомовой). В Михайловском, в течение августа, экспонировалась отчетная выставка работ студентов Института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина, проходивших летнюю двухмесячную творческую практику. В залах Тригорского посетители могли ознакомиться с открытой ранее выставкой гравюр художника А. И. Мищенко «Пушкинские места нашей Родины». К каждой из этих выставок местной типографией по заказу Заповедника были изданы краткие каталоги.

Большое место в экспозиционно-выставочной работе Заповедника занимала выездная выставка «Пушкинские заповедные места» из фондов Заповедника (живопись, скульптура, графика, книги, фотографии рукописей Пушкина). В июне—июле она экспонировалась в Новгороде, в помещении Историко-художественного музея; в ноябре—декабре — в Ставрополе, в помещении Краевого музея изобразительных искусств. Для школьных пушкинских музеев Псковской области были организованы в нескольких экземплярах выставки-передвижки: «Кабинет Пушкина в Михайловском» и «Домик няни в Михайловском». Материалы о Пушкине, имевшиеся в вспомогательном фонде Заповедника и специально изготовленные, рассылались в школьные «пушкинские музеи» и «пушкинские клубы». Всего было отправлено свыше 50 посылок с такими материалами во многие города и села СССР, в том числе в школы гг. Кургана, Днепропетровска, Мурманска, Алма-Аты, Воронежа, Пскова, Порхова и др.

В 1971 г., как и в предшествующие годы, в Заповеднике торжественно отмечались три памятные пушкинские даты: 134-я годовщина со дня смерти поэта, 172-я годовщина со дня его рождения и 147-я годовщина со дня приезда в михайловскую ссылку. Годовщина смерти Пушкина отмечалась 10—12 февраля. В этот день у могилы поэта и в районном Доме культуры состоялись торжественные собрания, в которых приняли участие писатели и поэты Ю. Нагибин, В. Кузнецов, А. Краснов, Вс. Азаров. В канун ее научные работники Заповедника разъехались в гг. Псков и Остров, в школы, колхозы и совхозы района, где были проведены памятные пушкинские вечера и утренники. 5—6 июня в Михайловском был проведен V Всесоюзный праздник поэзии. Ему предшествовало торжественное заседание в Псковском театре имени Пушкина, при участии гостей из всех братских республик СССР и из-за рубежа. 5 июня во второй половине дня гости съехались в Михайловское, где познакомились с его памятниками, музеями и памятными местами. 6 июня в Пушкинских Горах состоялось торжественное шествие на могилу поэта и возложение венков к подножию памятника. Собрание открыл председатель Оргкомитета по проведению праздника И. Л. Андроников. Стихи, посвященные памяти Пушкина, прочитали поэты Евг. Долматовский, Вл. Торопыгин, Аким Кешоков, Юрий Куранов. По окончании возложения венков в Успенском соборе-музее состоялось торжественное песнопение с участием народного артиста СССР И. С. Козловского и хора Псковского областного культпросветучилища. Были исполнены «Санктус» Берлиоза, «Реквием» Галкина, «Исповедание деспота» древнерусского напева и русские песни.

В полдень гости собрались в Михайловском на праздничной поляне. Праздник открыл И. Л. Андроников. С приветствиями к собравшимся и чтением своих произведений, посвященных Пушкину, выступили поэты М. Дудин, С. Орлов, С. Шипачев, М. Львов, И. Виноградов, И. Рябченко, Евдокия Лось (Белоруссия), Грейс О'Гот (Кения), Антони Фелпс (Гаити), Джовани Джудичи (Италия), Луис Суардиас (Куба), С. Даждэв (Монголия), Иштван

Кормош (Венгрия) и многие другие. Гостей приветствовал секретарь Псковского ОК КПСС И. С. Густов и представители Министерства культуры РСФСР и Комитета по печати. После торжественной части состоялся большой концерт при участии И. С. Козловского, П. Лисициана, В. Лепко, Я. Смоленского, М. Сорокоумовской, Псковского народного хора, студентов Псковского музыкального училища и художественной самодеятельности многих районов области. Праздник был широко освещен в прессе. Центральное и областное радио и телевидение дали широкие пушкинские программы. «Литературная газета» совместно с еженедельником «Литературная Россия» выпустили большим тиражом специальный выпуск «Пушкинский праздник», в котором помещены материалы о Пушкине и стихи современных поэтов. Центральные газеты, «Ленинградская правда» дали широкий обзор праздника. Газеты «Псковская правда», «Пушкинский край», «Молодой ленинец» были целиком посвящены Пушкину и пушкинскому празднику, на котором присутствовало около 100 000 человек.

20—21 августа в Доме-музее Тригорского состоялись Пушкинские чтения, посвященные годовщине приезда Пушкина в михайловскую ссылку. Чтения открыл директор Пушкинского заповедника С. С. Гейченко. С докладами и научными сообщениями выступили: 1) канд. филолог. наук Ю. Н. Чумаков — «Изображение пространства в зимних стихотворениях Пушкина», 2) канд. филолог. наук М. Г. Альтшулер — «О художественной структуре повести «Барышня-крестьянка», 3) Э. И. Худошина — «План автора в стихотворных повестях Пушкина», 4) канд. филолог. наук Е. Н. Дрыжакова — «А. С. Пушкин и князь П. П. Шаликов», 5) В. М. Русаков — «Был ли дневник Пушкина у его внучки Е. А. Розенмайер?», 6) О. А. Пини — «21-я Всесоюзная пушкинская конференция 1971 года», 7) Н. Н. Малов — «Каролина Собаньская. Поиски ее портрета», 8) Т. Ю. Мальцева — «К иконографии Ганнибалов (неизвестный портрет Н. О. Пушкиной)». По окончании чтений поэты А. Краснов, В. Кузнецов, В. Азаров выступили с чтением своих посвящений Пушкину. В течение года в учреждении и школах района работали 5 пушкинских лекториев, открытых Заповедником. В них было прочитано свыше 200 лекций и докладов о Пушкине и его наследии. А всего сотрудниками Заповедника в городах и населенных пунктах области было прочитано свыше 300 лекций. 8 сентября в торжественной обстановке в сквере Пушкиногорской средней школы имени А. С. Пушкина был открыт памятник поэту. Школьники давно мечтали об этом; скульптор М. К. Аникушин пошел им навстречу и создал безвозмездно бронзовый бюст Пушкина. Пьедестал был изготовлен мастерами Ленинградского отделения Художественного фонда СССР на средства, полученные ребятами за работу в колхозах района. В 1971 г. в Заповеднике были сняты кино- и телефильмы «Пятый Всесоюзный пушкинский праздник» (реж. В. Скитович — студия документальных фильмов), «Монолог о Пушкине» (реж. А. Габрилович и А. Гарибян; телестудия «Экран»), документальный телефильм «Пушкинский заповедник» (реж. В. Романов, автор-постановщик писатель С. Смирнов; из серии «Поиск»). Был издан сборник рассказов директора Заповедника С. С. Гейченко «У лукоморья», посвященных Заповеднику (Лениздат). Вышли в свет краткие каталоги выставок 1971 г.; издан краткий путеводитель по Заповеднику (автор В. Я. Шпинев, изд. «Молодая гвардия»). Массовым тиражом изданы памятные пушкинские медали, памятки по музеям Заповедника, красочный настольный календарь «Пушкинский заповедник» (изд. «Планета»). Всего в 1971 г. музей Заповедника посетили 11 711 экскурсионных групп, насчитывающих в своем составе 324 тыс. советских и около 2000 иностранных туристов из 16 зарубежных стран.

Деятельность Заповедника, памятные даты, 5-й Всесоюзный пушкинский праздник поэзии широко освещались в печати. См.: Э. Тохтарова и В. Недзвецкий. Россия слава и любовь. «Литературная газета» от 9 июня 1971 г.; П. Антокольский. Места, дороги сердцу народу. «Неделя», № 24, 1971; И. Андроников. Приглашение к Пушкину. «Литературная газета» от 2 июня 1971 г.; Ю. Соляников. Свя-

тые Горы. Газ. «Молодой ленинец», Псков, от 19 июня 1971 г.; М. Исполская. Праздник поэзии и поэтов. «Крестьянка», № 6, 1971; К. Алексеева. «...лиру посвятил народу». Газ. «Ленинская правда» от 8 июня 1971 г.; О. Кучкина. Пушкинский праздник в Михайловском. «Комсомольская правда» от 8 июня 1971 г.; С. Гейченко. В садах Тригорского. «Псковская правда» от 4 июня 1971 г.; С. Гейченко. Пушкинский праздник. «Культура и жизнь», № 9, 1971; В. Курбатов. Пушкинские чтения в Тригорском. «Молодой ленинец» от 29 августа 1971 г.; Л. Бондина. «Глас сердца, чувства неизменны...». «Литературная Россия» от 11 июня 1971 г.; С. Гейченко. «В деревне, где Петра питомец...». «Пушкинский край» от 5 июня 1971 г.; С. Гейченко. В Петровском. «Пушкинский край» от 21 августа 1971 г.; И. Милов. Визитная карточка археологов. «Псковская правда» от 24 октября 1971 г.

С. С. Гейченко

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В 1971 г.

Основную литературно-монографическую экспозицию и филиалы Музея посетило за год 420 тыс. человек. Было проведено около 8.5 тыс. экскурсий. Почти 300 тыс. человек (7 тыс. экскурсий) осмотрело монографическую экспозицию в г. Пушкине и Музей-квартиру поэта на Мойке. За год значительно расширена тематика экскурсий, пополнился репертуар сотрудников массового сектора. Среди новых методических разработок появилась тема «Лирика Пушкина». При таком большом объеме экскурсионной работы очень напряженной была его научно-экспозиционная деятельность.

За год был разработан и выполнен проект новой литературной экспозиции в Лицее. После окончания капитального ремонта и реставрации здания Лицея экспозиция займет весь его второй этаж. Тема новой экспозиции, а точнее — нового филиала в составе Всесоюзного музея Пушкина: «А. С. Пушкин в русской советской и мировой культуре». Хронологические рамки ее: с 1837 г. до наших дней.

Из направлений массово-просветительской работы в 1971 г. следует отметить работу семинара для учителей г. Пушкина, занятия в экспозиции Музея по школьным литературным факультативам, цикл лекций по абонементу, посвященный русской поэзии. Лекторской группой Музея прочитано 203 массовые лекции. Значительное количество из них прочитано для рабочей аудитории на заводах «Электросила», Имени XXII съезда КПСС, «Красная заря», на Кировском и др. В Музее-квартире А. С. Пушкина, в цикле «Вечера на Мойке», состоялись встречи друзей Музея — ленинградских и московских коллекционеров, творческие вечера Михаила Казачкова и Вячеслава Сомова, вечер встречи с нашими коллегами из Музея чешской письменности — чехословацкими друзьями Музея Пушкина. Значительный успех имели дни открытых дверей, которые Музей начал практиковать для рабочих ленинградских предприятий с конца 1969 г., со дней подготовки к знаменательной дате — 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В первом квартале 1971 г. в Музее-квартире А. С. Пушкина и литературно-монографической экспозиции Музея в Пушкине было проведено по одному дню открытых дверей для рабочих предприятий Выборгской стороны. 13 и 20 февраля музеи посетили 850 рабочих заводов Имени К. Маркса и Имени XXII съезда КПСС.

Научная деятельность Музея не ограничилась задачами его экспозиционной работы. Было подготовлено несколько сообщений и докладов по пушкинской тематике. На годовых лицейских чтениях выступали с сообщениями сотрудники Института русской литературы АН СССР канд. филолог. наук Д. М. Шарышкин и М. Ф. Мурьянов. Сообщение «Об одном неизвестном ри-

сунке Пушкина» сотрудника Музея, хранителя экспозиции Н. И. Грановской, было посвящено обнаруженным ею среди рисунков в рукописях поэта профильным портретам его явни Арины Родионовны (см. «Вечерний Ленинград», 2 ноября 1971 г., а также наст. изд., стр. 27—30).

Стало уже традицией проведение семинаров-стажировок сотрудников литературных и мемориальных музеев РСФСР на базе Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Такой семинар проходил в музее с 20 по 30 сентября. На него приехали сотрудники почти 20 музеев, причем не только из Российской Федерации, но и с Украины, из Белоруссии, Литвы и Закавказья. Занятия семинара были посвящены вопросам преимущественно массово-просветительской и фондовой работы музеев. Активно работала в 1971 г. и закупочная комиссия Музея. Через нее был приобретен ряд интересных экспонатов; среди них — альбом оригинальных рисунков П. Соколова — 39 листов его иллюстраций к «Евгению Онегину» с фрагментами текста романа; альбом акварельных портретов современников Пушкина (в нем преимущественно портреты представителей двух семейств: Урусовых и Пешуровых; см.: Л. Февчук. Судьба одного альбома. «Вечерний Ленинград» от 27 июля 1971 г.). Из приобретений советского периода интересна серия иллюстраций к «Борису Годунову» — 18 листов станковой графики художника А. Г. Слепкова. Для рукописного сектора Музея приобретен ряд документов В. А. Жуковского из архива его секретаря Родионова. Некоторое количество различных материалов было получено Музеем в дар: от В. В. Алексеевой, урожденной Лабиннаг (анаграмма Ганнибал), поступили две шкатулки из рода Ганнибалов. Архив Музея пополнился некоторыми материалами из личных фондов Цявловских, Б. Пастернака, Л. Сейфуллиной, которые поступили от Л. А. Шиловой, автографами стихотворений современных советских поэтов и др.

В 1971 г. Музеем было проведено несколько выставок. Это большая временная выставка «Современницы Пушкина» из коллекции ныне покойного московского коллекционера Я. Г. Зака. В Камероновой галерее экспонировалось около ста гравюр его собрания. Позднее, после реэкспозиции, в галерее открыта выставка «Пушкин в советском искусстве» на материалах фондов Музея. Это и передвижная выставка «Ленинградские художники — Пушкину», которая Музеем была подготовлена совместно с Высшим художественно-промышленным училищем имени В. Мухомой, экспонировались в районных центрах Ленинградской области, Бокситогорске, Тихвине и поселке Ефимовский. На выставках проводились тематические вечера: «Встреча с Пушкиным». На этих вечерах с концертными программами выступала студия художественного слова Музея Пушкина.

Г. Г. Прошин

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В 1971 г.

В 1971 г. Музей отметил 10 лет со дня своего открытия. За это время его посетило более 900 тыс. человек, состоялось 140 открытых научных заседаний, 650 Пушкинских чтений, поэтических и музыкальных вечеров, 1450 киносеансов, 68 выставок. В изобразительных фондах Музея ныне около 15 000 единиц хранения, в книжных фондах — около 50 000 томов.

Ведущей в научной и научно-методической работе Музея 1971 г. была тема: «Пушкин и Москва». Ею определялись отдельные разделы, которые разрабатывались научными сотрудниками: «Московские отклики на смерть Пушкина», «Пушкинская тема в работах московских художников 1960—1970 гг.», «Записки москвича, декабриста В. П. Зубкова», «Пушкин в московских журналах 1826—1827 гг.», «Пушкин в московской периодике 1960—

1970 г.». Усилена «московская» тема и в экспозиции Музея. Большая часть научных тем была, как и ранее, связана с изучением и описанием фондовых материалов. Значительный интерес представляет работа зав. отделом изобразительных работ Е. В. Павловой по атрибуции женского портрета работы художника Макарова (холст, масло, 1849 г.). В результате сопоставления этого портрета с другими работами художника, ознакомления с архивными материалами, а также иконографического анализа Е. В. Павловой удалось убедительно доказать, что на портрете изображена Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. Работа была обсуждена на заседании Ученого совета. Научными сотрудниками были выполнены и представлены на обсуждение также следующие научные работы: «К вопросу о связях пушкинского окружения: Лермонтов и Козлов. (По новым архивным материалам)» — И. А. Гладыш; «Пушкин и Достоевский. К постановке проблемы» — А. Л. Осповат; «Пушкин и Пастернак» — Г. А. Барабтарло.

В 1971 г. состоялся ряд публикаций. Издательство «Советская Россия» выпустило в свет буклет «Края Москвы, края родные» — сувенирное издание с иллюстрациями (составитель — Е. В. Муза); Горьковский университет опубликовал в сборнике «Пушкин. Статьи и материалы» работу С. Т. Овчинниковой «Проблематика „Пира во время чумы“»; вышло в свет издание «Комедия А. С. Грибоедова „Горе от ума“. (Страницы истории)» — авторы И. А. Гладыш и Т. Г. Динесман. Опубликованы статья Е. В. Музы — «Стихов, стихов, стихов! (Пушкинская тема в произведениях советских поэтов)» в еженедельнике «Литературная Россия» (5 апреля); путеводитель «Музей А. С. Пушкина в селе Берново» — авторы С. Т. Овчинникова, Г. Г. Курочкина. Более 50 небольших статей, заметок и информации о деятельности Музея в течение года появилось в «Вечерней Москве», в бюллетене «По музеям и выставочным залам Москвы» и других периодических изданиях. Членами Совета содействия Музею И. М. Ободовской и М. А. Дементьевым обнаружены в ЦГАДА 10 писем Н. Н. Пушкиной к брату — Д. Н. Гончарову, относящихся к 1833—1836 гг. и отражающих обстановку последних лет жизни Пушкина. Часть писем с комментариями опубликована в «Литературной России» 23 апреля 1971 г.

Музей принял активное участие в создании нового музея в с. Бернове Калининской области.

5 июня музей в Бернове был открыт (см. ниже, стр. 108). Музеем этим положено начало созданию историко-литературного комплекса, который должен быть открыт в ряде районов Тверского края, ныне — Калининской области.

1 марта сего года в Государственном музее А. С. Пушкина открылась выставка, подготовленная к XXIV съезду КПСС, — «Пушкин в советском изобразительном искусстве». В экспозицию вошли лучшие произведения советских художников на пушкинские темы из фондов Музея — портреты работы Н. П. Ульянова, А. И. Кравченко, В. И. Шухаева; иллюстрации В. А. Фаворского, Н. В. Кузьмина, Ф. Д. Константинова, К. И. Рудакова, Т. А. Мавриной, В. М. Конашевича; эскизы декораций и костюмов к пушкинским спектаклям А. А. Осмеркина, В. Ф. Рындиной, В. В. Дмитриева и др. (всего около 150 работ). Выставка экспонировалась в залах Музея 4 месяца, а затем была перевезена в Государственный пушкинский заповедник и открыта в выставочных залах Музея в Тригорском. Состоялась также выставка этюдов художника Ю. Л. Керцелли «По пушкинским местам Калининской и Псковской области» — более 50 работ (масло, темпера, пастель), которые явились творческим отчетом художника о поездках в Берново и Михайловское. В 1971 г. Музей посетило около 77 тыс. человек. Проведено около 2 тыс. экскурсий. В течение ряда лет Музей успешно проводит специальную работу со школьными факультативными группами, изучающими жизнь и творчество Пушкина и поэзию пушкинской поры. Для них в следующем году были подготовлены новые циклы лекций не только по биографии и творчеству Пушкина, но также «Пушкин и поэзия его времени», «Пушкин и Державин», «Пушкин и Баратынский», «Пушкин и Жуковский», «Поэты пушкин-

ской поры (Языков, Дельвиг, Веневитинов)», «Поэты-декабристы». Циклы дают возможность гораздо полнее, чем в обычной экскурсии, осветить материал, показать экспозицию. Цикличность занятий предполагает неоднократный приход учащихся в Музей. Это способствует установлению более тесного контакта экскурсовода с группой.

На открытых научных заседаниях в минувшем году выступили член-корр. АН СССР Д. Д. Благой («Достоевский и Пушкин»), докт. филолог. наук В. И. Кулезов («Н. А. Некрасов в русской критической мысли»), канд. филолог. наук С. В. Шервинский («Цветы в творчестве Пушкина»), канд. историч. наук Н. Я. Эйдельман («Пушкин — „Пиковая дама“»). Чтение с комментариями, канд. филолог. наук В. В. Одинцов («Диалог у Пушкина»), В. С. Непомнящий («„Жало мудрых змей“ — об одной из особенностей поэтики Пушкина»). На открытых научных заседаниях выступили также сотрудники музея Е. В. Павлова («Посмертная маска Пушкина»), Л. И. Вучич («Картина Н. Чернецова „Дарьяльское ущелье“»), Н. С. Нечаева («История одной пушкинской реликвии»).

Насыщенной была работа Музея в области художественной пропаганды. Проведен 51 вечер с участием мастеров искусств. Главное место занимали Пушкинские чтения, их состоялось 35 в Музее и 10 вне его. Для примера назовем творческий вечер нар. артиста РСФСР Д. Н. Журавлева; композиция по повести «Выстрел» (участники — засл. артист РСФСР М. М. Козаков и аспирантка МГУ Н. И. Михайлова); вечер, посвященный телеспектаклю «Борис Годунов» в постановке А. В. Эфроса и исполнении артистов Московского драматического театра на Малой Бронной; новая программа засл. артиста РСФСР А. Я. Кутепова — «Арап Петра Великого» и «Выстрел». Обогатился опыт проведения кино вечеров. Была подготовлена литературно-кинематографическая композиция «Город поэта», рассказывающая об истории Царского Села во времена Пушкина и о современном городе, носящем имя поэта; проведены вечер «Пушкин в дореволюционном кинематографе» и вечер короткометражных фильмов «Сквозь время», на котором, в частности, был впервые в Москве показан кинофильм «Тайна X главы» — о судьбе сожженной главы «Евгения Онегина».

В ознаменование XXIV съезда КПСС прошла целая серия вечеров советской поэзии — творческие вечера К. Кулиева, Д. Самойлова, Ф. Искандера; в композиции «Строки, пробитые пулей», звучали стихи поэтов, погибших на войне, — Р. Гудзенко, П. Когана, В. Багрицкого.

Большим событием в жизни Музея стало приобретение богатой коллекции эстампов, собиравшейся покойным Я. Г. Заком в течение 40 лет его жизни. В коллекции 4040 листов различных мастеров XVII—XX вв. (портреты Пушкина 1822—1970 гг.; русская и иностранная персоналия: портреты современников поэта, писателей, исторических деятелей, о которых писал Пушкин, чьи произведения читал и т. д.). Рассмотрению состава коллекции Я. Г. Зака было посвящено заседание Ученого совета. С приобретением коллекции гравюрное собрание Музея становится одним из его лучших собраний на пушкинскую тему. В музее состоялась выставка памяти Я. Г. Зака.

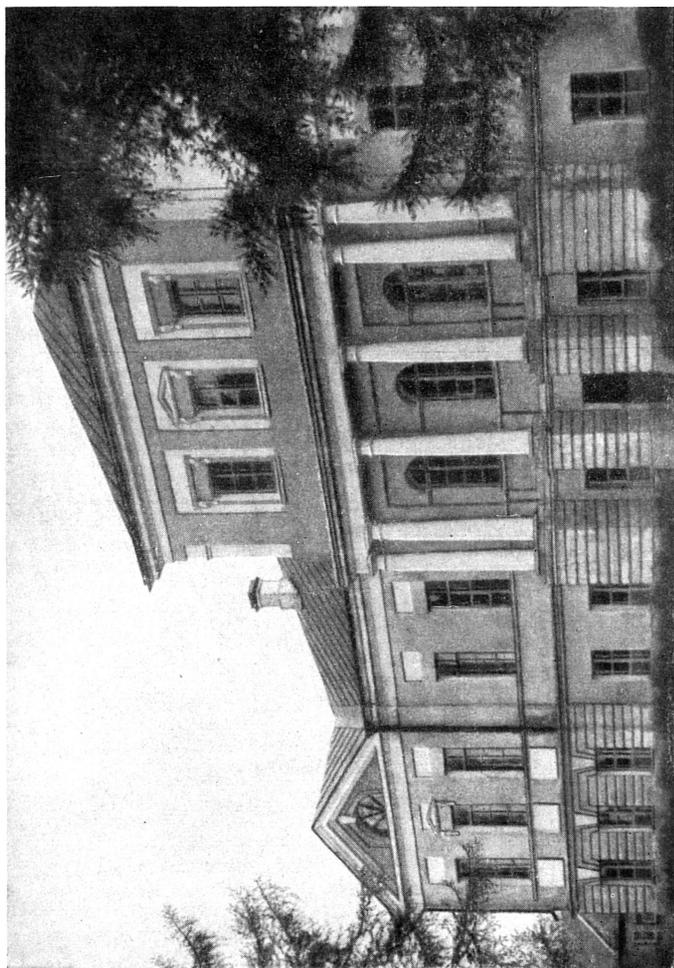
Среди дарений и приобретений 1971 г. наибольший интерес представляют дагерротип С. Г. Волконского 1845 г. с надписью на обороте рукой М. Н. Волконской; портреты В. Н. Репниной, Е. Н. Кравцовой, Т. А. Бакуниной работы Е. П. Бакуниной; певицы Е. П. Луниной; большое количество предметов прикладного искусства первой половины XIX в. (мебель, вышивки, изделия из серебра, предметы крестьянского быта).

Значительно пополнились пушкиниана советских художников. Музей приобрел иллюстрации к сказкам Пушкина работы В. А. Милашевского, А. В. Прохондеева, Л. Г. Британишского; театральные работы Р. П. Коржуева; линогравюры из серии «Пушкинские места Верхневолжья» Г. Ф. Зайцева; работы крупного художника Н. А. Андреева.

Н. Г. Винокур

Бюст Пушкина работы М. К. Аникушина.

Дом семьи Вульффов в Берноне.

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА
В с. БОЛЬШОЕ БОЛДИНО в 1970—1971 гг.
(Горьковская область)

В 1970—1971 гг. Музей-заповедник А. С. Пушкина по-прежнему уделял большое внимание проведению пушкинских дней. 133-я годовщина со дня смерти поэта была отмечена памятным литературным вечером «Пушкин и музыка», проведенным совместно со старшеклассниками Болдинской средней школы им. Пушкина. В феврале 1971 г. в районном Доме культуры жителей Болдина была показана литературно-музыкальная композиция, посвященная творчеству поэта; она включала в себя инсценировки «Сказки о попе и о работнике его Балде», повести «Барышня-крестьянка», сцены из «Русалки» и др., подготовленные художественной самодеятельностью села. 6 июня 1970 г. на торжественном вечере, посвященном 171-й годовщине со дня рождения Пушкина, выступили горьковские писатели и поэты Н. Бирюков, А. Цирульников, В. Кумакшев, писатель-литературовед Е. Петряев (г. Киров); научный сотрудник Музея Т. В. Королева прочитала доклад «Пушкин — любимый писатель Ленина»; в заключение прозвучали стихи Пушкина в исполнении артиста Н. Голубенцева (Москва). 7 июня состоялось традиционное народное гулянье в роще «Лучинник». На празднование 172-й годовщины со дня рождения Пушкина (5—6 июня 1971 г.) приехали московский поэт Е. Храмов, горьковчане Л. Шерешевский, А. Цирульников, А. Гринес, арзамасцы А. Плотников, Н. Рачков, В. Васильев, мордовский поэт П. Любаев. В эти дни был проведен фольклорный песенный праздник, эпитафией к которому послужили слова Пушкина: «Сладки мне родные звуки звонкой песни удалой. . .». С докладом «Пушкин и народное творчество» выступила научный сотрудник музея Л. А. Доронина.

12 сентября 1970 г. отмечалось 140-летие первого приезда поэта в Болдино. На торжественном вечере в районном Доме культуры директором Музея Ю. И. Левиной был сделан доклад «19 октября 1830 г.», свои стихи читали поэты В. Автомонов, Ю. Адрианов, Л. Калинина, было прочтано «Слово о Пушкине» писателя Н. Кочина. На вечере присутствовали представители советских и общественных организаций г. Горького, жители села — всего более трехсот человек. В 1971 г. празднование «болдинской осени» проходило с 7 по 9 сентября. На торжественном вечере 7 сентября выступили приехавшие на праздник гости: директор Государственного пушкинского заповедника С. С. Гейченко, член Горьковского отделения Союза писателей Н. Г. Бирюков, заведующая Передвижным музеем Л. Толстого С. Е. Стрижнева и др.; доклад научного сотрудника Музея Т. В. Королевой был посвящен теме «Пушкин и Нижегородский край»; артисты Горьковской филармонии исполнили романсы на стихи Пушкина, арии из опер «Пиковая дама», «Русалка», «Евгений Онегин», выступали с чтением его произведений. 8 сентября состоялся вечер поэзии; собравшиеся слушали стихи поэта Кабардино-Балкарии З. Тхагазитова, поэтов Мордовии А. Малькина и П. Любаева, поэтов из г. Горького Ю. Адрианова и В. Шумилова. 9 сентября был организован вечер встречи с группой сотрудников Государственного пушкинского заповедника. Директор Заповедника С. С. Гейченко и хранитель фондов В. Я. Шпинева ознакомили слушателей с деятельностью этого крупнейшего пушкинского музея; затем демонстрировались кинофильмы «Пушкинский праздник поэзии» и «Наедине с Пушкиным». В дни «болдинской осени» 14—15 сентября 1971 г. проходили Болдинские чтения — вторая научная конференция Музея, посвященная проблемам творческой биографии Пушкина 1830-х годов и вопросам изучения пушкинского Болдина. В программе Чтений 1971 г. было шесть докладов и сообщений. С. Л. Абрамович (Ленинград) посвятила свой доклад повести Пушкина «Барышня-крестьянка», отметив, что повесть глубже и значительней, чем это представлялось в предшествующей критической литературе. Докладчица напомнила, что элементы веселости

и занимательность сюжета являлись для Пушкина принципиально важным качеством литературного произведения. Останавливаясь на характеристике главных героев, С. Л. Абрамович подчеркнула, что Алексей Берестов — молодой человек последекабристской поры, несущий в себе типические черты своего времени. «Пушкин — Улыбышев — Моцарт» — так назвал Л. С. Осипов (Москва) тему своего выступления, посвященного выяснению возможных связей Пушкина и Улыбышева; знакомые еще по «Зеленой лампе», они в 1830 г. в Нижегородской области почти одновременно работали над образом Моцарта (Пушкин — «Моцарт и Сальери», Улыбышев — «Новая биография Моцарта»). Докладчик рассказал о различных этапах биографии Улыбышева, этого незаурядного деятеля русской культуры, и указал на интересные переключки при сопоставлении трагедии Пушкина с произведением Улыбышева. В сообщении А. М. Лифшиц (Москва) «Из сценической истории „Маленьких трагедий“» было рассказано о постановке, осуществленной Московским Художественным театром в 1915 г. Спектакль, включавший в себя три трагедии: «Каменный гость», «Моцарт и Сальери» и «Пир во время чумы», — оказался неудачным, но, как показала докладчик, — вызвав многочисленные отклики, способствовал разработке художественной и филологической проблематики «Маленьких трагедий». Остальные три выступления касались различных сторон изучения пушкинских мест Нижегородского края. А. А. Крылов (г. Горький) в своем сообщении «Малоизвестные и спорные пушкинские места Нижегородского края» познакомил собравшихся с составленной им картовой картой мест по Нижегородской губернии, в которых бывал поэт, и указал на необходимость продолжения и уточнения этой работы. Е. В. Ухмылина (г. Горький) сделала свой доклад «К изучению говоров пушкинских мест Горьковской области» на основе материалов диалектологических экспедиций и обратила внимание на значение дальнейших разысканий в области местной лексики. В сообщении Ю. И. Левиной (Б. Болдино) «Из истории Болдинского имения Пушкиных (по архивным документам)» были приведены новые данные о Кистневской барской усадьбе, в которой жил П. Л. Пушкин и которую унаследовал затем С. Л. Пушкин, о болдинском доме В. Л. Пушкина и о последующей судьбе болдинского имения (1850—1860 гг.). Приведенные данные, по мнению докладчика, позволяют лучше и правильнее представить себе картину болдинского поместного быта и жизни поэта в Болдине. На конференции присутствовала интеллигенция села, преподаватели школ Болдинского района, группа студентов и преподавателей Саранского педагогического института, гости из других городов (см.: Болдинские чтения, 1971. «Вопросы литературы», 1972, № 2, стр. 247).

Научная деятельность музея 1970—1971 гг., в соответствии с перспективным планом, продолжалась в двух направлениях: изучение пушкинских мест края и разработка темы «Пушкин и фольклор Болдина». Были организованы экспедиции по окрестным деревням и селам (с. Черновское, д. Дубровка, Абрамово — бывшая почтовая станция, с. Новая Слобода) для сбора материалов по истории этих мест, записей рассказов, преданий и песен. Велась работа в архивах гг. Горького и Ленинграда и выявлен ряд сведений по истории окрестных имений и их владельцев. Фольклорный архив Музея пополнился новыми текстовыми и магнитофонными записями (более ста страниц). На основании собранного материала подготовлен к печати сборник, включающий в себя 27 старинных народных песен Болдина, с комментариями и нотами; в работе над сборником, кроме сотрудников Музея, принимали участие научные сотрудники сектора фольклора Института русской литературы АН СССР. В 1970 г. в Болдине и соседних с ним деревнях, с участием работников Музея, была проведена фольклорно-комплексная экспедиция фольклористами Ленинграда (ИРЛИ АН СССР), Горьковского государственного университета им. Лобачевского и др.

В марте 1970 г., по приглашению Ленинградского союза композиторов, работники Музея выезжали в Ленинград вместе с Болдинским фольклорным хором; в Союзе композиторов и во Всесоюзном музее А. С. Пушкина были организованы встречи (см.: М. Л о б а н о в. Хор села Большое Болдино.

«Вечерний Ленинград» от 9 марта 1970 г.; Г. Я к у н и н а. Болдино—Ленинград. «Горьковская правда» от 1 марта 1970 г.). Летом 1970 г. Музей посетила большая группа участников фестиваля молодых поэтов (О. Т и м о ф е е в. До свидания, фестиваль. «Комсомольская правда» от 5 июля 1970 г.). В мае 1971 г. Музей организовал районную краеведческую конференцию по вопросам изучения пушкинских мест края. На ней присутствовали преподаватели Болдинского и Починковского районов, выступали местные краеведы; болдинский краевед пушкинист И. В. Киреев сделал сообщение «О последних владельцах болдинского имения», преподаватель средней школы с. Пермеёво И. М. Бодякшин — «Из истории кочубеевских имений» (соседних с пушкинскими); другие доклады были посвящены методике собирания и изучения материала. На основе предварительного изучения начаты работы Горьковской реставрационной мастерской по реставрации здания бывшей крепостной конторы Пушкиных — памятника первой половины XIX в., входящего в комплекс Заповедника. В течение 1970—1971 гг. продолжали пополняться фонды Музея. Среди новых экспонатов — изображения пушкинских мест работы советских художников, иллюстрации, предметы старого дворянского и крестьянского быта — всего 1794 единицы. Из наиболее интересных книг, приобретенных Музеем в 1970—1971 гг., следует назвать «Русскую антологию» на французском языке (Париж, 1823 г.) с публикацией стихотворений Пушкина, издание сочинений Пушкина Льва Поливанова — личный экземпляр Поливанова с автографом, полученный от его потомков, А. С. Грибоедов «Молодые супруги», 1815 г., К. Ф. Рылеев «Войнаровский», 1825 г. Музею удалось приобрести такие редкие книги, как лубочное издание XVIII в. «Сказка о Еруслане Лазаревиче», книга Кручёных «500 новых остроум и каламбуров Пушкина», 1924 г., и некоторые другие.

Экскурсионное обслуживание туристов являлось основной работой Музея в летние месяцы (с мая по октябрь); в 1970 г. в Музее было проведено 957 экскурсий, в 1971 г. — 1118. Много внимания уделялось также и другим формам культурно-просветительной работы: сотрудники Музея прочитали за этот период более 160 лекций, проводили вечера, беседы, утренники для учащихся района, вели школьные кружки при Музее, литературно-музыкальные передачи по местному радио, выезжали с передвижными выставками по району.

В 1970—1971 гг. в Заповеднике проходили съемки отдельных кадров для фильма «Тайна X главы» — московской студии «Центр-науфильм», для телевизионного фильма «Лирика Пушкина» (Центральное телевидение). Приезжавшие летом 1971 г. сотрудники журнала «Кругозор» сделали звуковые записи рассказов И. В. Киреева и песен Болдинского народного хора для публикации в Болдине в журнале («Кругозор», 1971, № 10). Музей участвовал во Всесоюзном смотре музеев страны, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, и по итогам смотра получил диплом от Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры. В марте 1970 г. вышла из печати книга Ю. И. Левиной «Пушкинское Болдино». Экскурсия. Волго-Вятское книжное издательство, 1970. В 1971 г. вышел набор цветных открыток «Болдино», выпущенный издательством «Планета» (фотогр. Б. Круцко).

Кроме того, см.: Ю. Л е в и н а. Пушкинские дни в Болдине. «Горьковская правда» от 18 февраля 1971 г.; В. Ч е с н о в а. Праздник в Болдине. «Горьковская правда» от 10 июня 1970 г.; В. З а б о л о т с к и й. На пушкинском празднике. «Кировская правда» от 18 июня 1970 г.; В. Б а г р и н о в. В честь великого поэта. «Ленинская смена» от 5 июня 1971 г.; Болдино, июнь. «Ленинская смена» от 8 июня 1871 г.; В. Ч е с н о в а. Пушкинский праздник в Болдине. «Горьковская правда» от 8 июня 1971 г.; М. Г о р ю н о в а. Народный пушкинский праздник. «Горьковский рабочий» от 8 июня 1971 г.; Пушкинский праздник (ТАСС). «Правда Украины» от 16 сентября 1970 г.; В. К о ч е т к о в. Болдинская осень. «Комсомольская правда» от 1 ноября 1970 г.; Праздник «Болдинская осень». «Горьковский рабочий» от 14 сентября 1971 г.; Праздник «Болдинская осень». «Вечерняя Москва»

от 11 сентября 1971 г.; В. Чеснова. Торжества в Болдине. «Горьковская правда» от 12 сентября 1971 г.; Е. Храмов. Болдино, осень. Журн. «Кружозор», № 10, 1971; М. Фролов. «Кружозор», о Болдине. «Горьковская правда» от 26 декабря 1971 г.; Ю. Адрианов. Болдинские пруды. «Ленинская смена» от 16 июня 1970 г.; З. Дичаров. Мир живой старины. «Советская культура» от 23 июля 1970 г.; Л. Никитина, Е. Травина. Встречи с Болдином. «Горьковская правда» от 19 сентября 1970 г.; А. Цырульников. Пушкинские места. «Ленинская смена» от 28 октября 1970 г.; А. Цырульников. Летом в Болдине. «Пушкинский праздник». Спец. вып. «Литературной газеты» и «Литературной России» от 2—9 июня 1971 г.; А. Бельская. Болдинские встречи. «Вечерний Новосибирск» от 13, 15 ноября 1971 г.

Ю. И. Левина

МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В с. БЕРНОВЕ (Калининская область)

В Калининской области, бывшей Тверской губернии, немало мест, связанных с именем А. С. Пушкина. Более двадцати раз проезжал он по почтовому тракту между Москвой и Петербургом, проходившему по Тверской губернии, останавливался в Твери, Торжке, Вышнем Волочке. В 1828—1833 гг. Пушкин шесть раз приезжал в Тверскую губернию к своим знакомым Вульфам и Полторацким. Наиболее длительным и плодотворным в творческом отношении было пребывание поэта в селах Малинники, Павловском, Бернове, Курово-Покровском Старицкого уезда. Пушкинские места Калининской области решением исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 3 июня 1968 г. объявлены историко-природным заказником (с центром в с. Бернове). В Бернове, Малинниках, Павловском, Курово-Покровском установлены мемориальные доски. Управлением лесного хозяйства и обществом охраны природы производится восстановление парков в Бернове, Малинниках, Павловском, Грузинах. В области становятся традиционными Пушкинские литературно-краеведческие чтения. 5 июня 1971 г. на Пушкинском празднике поэзии в Бернове присутствовало более 5000 человек. Перед школой, носящей имя А. С. Пушкина, в торжественной обстановке был открыт бюст поэта (скульптор И. М. Рукавишников). Участников праздника приветствовали секретарь обкома КПСС В. И. Смирнов, ответственный секретарь Калининской писательской организации А. Ф. Гевелинг. Были заслушаны сообщения канд. филолог. наук Т. Н. Сидельниковой «Советские поэты о Пушкине», председателя правления областного отделения общества охраны памятников М. А. Ильина «Тверские знакомые Пушкина». Гостями Бернова были поэты и писатели не только из Калинин, но и из Москвы — Б. Полевой, И. Снегова, Е. Николаевская, М. Квливидзе, О. Волков, А. Смольников.

Ко дню Всесоюзного праздника поэзии было приурочено открытие в Бернове музея А. С. Пушкина (филиала Калининского областного краеведческого музея). В Берновском музее три экспозиционных зала. Экспозиция первого зала посвящена биографической теме и рассказывает о приездах Пушкина в Тверскую губернию, о дружбе и литературных связях с известными писателями Ф. Н. Глинкой и И. И. Лажечниковым, жившими в Твери. Выделен комплекс материалов о пребывании Пушкина в старицких владениях Вульфов — Малинниках, Павловском, Бернове, Курово-Покровском, а также в имении Полторацких — Грузины. Уже в первом зале тема биографическая

сменяется темой творческой. Экспонаты рассказывают о создании главы 7 «Евгения Онегина», «Путешествия Онегина», о «Романе в письмах», над которыми поэт работал в Малинниках и Павловском в 1828—1829 гг. Второй зал Музея целиком посвящен произведениям, написанным Пушкиным в Тверском крае. Перечень их довольно велик. Это стихотворения «Анчар», «Поэт и толпа», «В прохладе сладостной фонтанов. . .», «Ответ Катенину», «Ответ Готовцевой», «Зимнее утро», «Как быстро в поле, вдруг открытом. . .», «Зима. Что делать нам в деревне?». Комплексы вещей и изобразительных материалов рассказывают о стихотворении «Цветок» и поэме «Полтава», посвящение к которой было написано в Малинниках. Материалы третьего зала посвящены теме «Пушкин в советской культуре».

В экспозицию Берновского музея включены подлинные экспонаты — портреты А. С. Пушкина (гравюра Уткина, 1828 г.; Райта, 1836—1837 гг.), Ф. Н. Глинки (неизвестный художник XIX в.), И. И. Лажечникова (литография А. Мюнстера, XIX в.); изображения Твери (гравюра Нике, 1784 г.; акватинта Д. Демарте, 1813 г.; литография П. Львова, 1836 г.), Торжка (гравюра XIX в.), купчие крепости П. М. Полторацкого (1801 г.), А. Н. Панафидиной (1812 г.), дульный пистолет А. Н. Вульфа, предметы быта и мебели пушкинского времени. Особую ценность имеют прижизненные издания произведений Пушкина (Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826; Евгений Онегин. СПб., 1826; «Северные цветы» на 1829 г.; Полтава. СПб., 1829; Евгений Онегин. СПб., 1830), книги Ф. Н. Глинки, И. И. Лажечникова, «Почтовый дорожник» 1829 г. В советском разделе обращают на себя внимание работы калининских художников — картины К. С. Первухина («Парк в Павловском», «Старый омут», «Берново. Дом Вульфов», 1949 г.) и линогравюры Г. Ф. Зайцева («Погост Прутья», «Грузины» и др., 1974 г.). Ко дню открытия издан путешеводитель «Музей А. С. Пушкина в селе Бернове» (составители: С. Т. Овчинникова, Г. Г. Курочкина. Калинин, Калининский областной краеведческий музей, 1971). За первые пять месяцев работы Берновского музея его посетило 8 тыс. человек. По экспозиции Музея и памятным местам проведено более 200 экскурсий. В создании Берновского музея А. С. Пушкина самую непосредственную помощь оказали Московский государственный музей А. С. Пушкина и Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Автор экспозиции — научный сотрудник Государственного музея А. С. Пушкина С. Т. Овчинникова. Художественный проект — художника Московского декоративно-макетного комбината Ю. Л. Керделли. Исполком областного Совета утвердил обширный план мероприятий по подготовке к проведению в Калининской области Всесоюзного пушкинского праздника поэзии в 1972 г. Реставрируются и благоустраиваются здания и памятные места природы, связанные с жизнью и творчеством поэта. Строятся и реконструируются дороги, небольшие гостиницы, сооружаются новые магазины и предприятия бытового обслуживания. В Бернове и г. Торжке в нынешней пятилетке будут построены новые школы, а занимаемые ими здания, где бывал Пушкин, будут отданы под музей. В 1972—1973 гг. в г. Торжке, в бывшем доме П. А. Оленина (сына президента Академии художеств), будет открыта экспозиция, посвященная Пушкину. Музеи в Бернове и Торжке станут главными пунктами экскурсионного маршрута «Пушкин в Тверском крае» (Калининская область).

См.: С. О в ч и н и к о в а. Музей в Бернове. Пушкинский праздник. Спец. вып. «Литературной газеты» и «Литературной России» от 2—9 июня 1974 г., стр. 9; Т. Ш е р г и н а. Здесь бывал Пушкин. «Литературная Россия», № 18 (486), от 28 апреля 1972 г.

Л. А. Каварская

ПУШКИНСКИЕ ДНИ В г. БУЗУЛУКЕ

Город, через который дважды проезжал А. С. Пушкин осенью 1833 г., начиная с 1967 г. ежегодно устраивает пушкинские «дни поэзии». Так было и в мае, и в июне 1970 и 1971 гг. Бузулукский литературный клуб «Поэзия» (при Доме культуры Завода тяжелого машиностроения им. В. В. Куйбышева) поставил пьесу «Наш современник» (о Пушкине) К. Г. Паустовского; одновременно этот спектакль был посвящен и памяти этого выдающегося советского писателя. Перед началом спектакля автор данной хроникальной заметки выступил с небольшим сообщением на тему «Образ Пушкина в творчестве К. Г. Паустовского». В эти же дни в учебных заведениях города литературным клубом «Поэзия» были организованы пушкинские вечера. В концертной программе читались стихи советских поэтов о Пушкине: Л. Васильевой, И. Лыспова, А. Маркова (Москва), Н. Грановской, А. Краснова, В. Кузнецова (Ленинград), В. Смиренского (Волгодонск), П. Еськова, Н. Жоголева (Куйбышев), Е. Стюарт, А. Смердова (Новосибирск). Стихи о Пушкине, по просьбе бузулукского литературного клуба «Поэзия» были присланы вышеуказанными поэтами для пушкинских концертов в Бузулуке. Исполнены были также романы М. Глинка, С. Рахманинова, П. Чайковского на слова великого поэта. Библиотека Дома культуры организовала книжную выставку произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. В фойе Дома культуры была открыта выставка фотографий, репродукций, альбомов, копий с рукописей А. С. Пушкина, афиш, программ, посвященных памяти А. С. Пушкина (из коллекции П. С. Филатова). В октябре состоялся традиционный день поэзии Оренбургской области, темой которого была «Первая болдинская осень. 1830», после доклада был дан спектакль-инсценировка повести Пушкина «Барышня-крестьянка». В 1971 г. клуб «Поэзия» провел Пушкинские чтения, в которых приняли участие учащиеся Педагогического училища и учащиеся 9—10 классов средних школ. На Пушкинских чтениях состоялись сообщения о юбилейных датах 1969 г.: 170-летию со дня рождения А. С. Пушкина, о его дружеских и творческих взаимоотношениях с Н. В. Гоголем, А. В. Кольцовым, с И. А. Крыловым и др. Ряд сообщений был посвящен южной ссылке Пушкина, первой болдинской осени поэта, родовым гнездам Ганнибалов в Псковской губернии, истории создания «Бориса Годунова» и др. Особый интерес вызвало сообщение о дружбе Пушкина с семьей Н. М. Карамзина. Как известно, Карамзин родился в с. Преображенке (Карамзихе), что находится в Бузулукском районе Оренбургской области. Помимо сообщений, в течение 3 дней демонстрировались кинофильмы с пушкинской тематикой, состоялись концерты. Осенний день поэзии Оренбургской области прошел под знаком «Пушкинские места Оренбургской области».

П. С. Филатов

ПУШКИН И ТАМБОВСКИЙ КРАЙ

В 1969 г. в Воронеже вышла в свет книга Н. Гордеева и В. Пешкова, озаглавленная «Тамбовская тропинка к Пушкину»,¹ представляющая интерес для пушкинovedов, так как она состоит из ряда очерков, нередко основанных на неадаптированных архивных и музейных материалах. В Тамбовской губер-

¹ Н. Гордеев, В. Пешков. «Тамбовская тропинка к Пушкину». Центрально-Черноземное книжное издательство, Воронеж, 1969, 192 стр.

нии во времена Пушкина жили многие его знакомые, друзья и почитатели; сведения о них (сопровождаемые воспроизведением редких акварелей, фотографий и т. д.) заслуживают внимания. Книга написана популярно и рассчитана на широкого читателя. Собранные в ней данные легли в основу своеобразной литературной карты-плаката под заглавием «Пушкин и Тамбовский край», подготовленной одним из авторов указанной выше книги, сотрудником областного института усовершенствования учителей краеведом Н. Гордеевым.² Издание подобной карты-плаката — первое по своему жанру среди изданий, посвященных Пушкину.

Здесь воспроизведено 17 портретов предков, родственников и потомков Пушкина (точнее фрагментов портретов), живших в разное время на территории Тамбовского края, и 38 портретов друзей, знакомых, «литературных спутников» и «политических единомышленников». Среди них и широко известные лица, как например П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, Е. А. Баратынский, А. П. Керн, В. Ф. Вяземская и другие, и очень мало известные. Все портреты сопровождаются биографическими справками. Часть портретов весьма редких. Справки составлены тщательно и содержат много интересных фактов. Кроме того, в текстовую часть плаката включены справки о тех местах Тамбовщины, где у родных и друзей поэта в разное время хранились его рукописи, а также небольшое общее введение, характеризующее замысел и содержание издания. Конечно, в том смысле, как мы говорим, — Пушкин и Псковский край, Пушкин и Нижегородский край или даже Пушкин и Тверской край, о Пушкине и Тамбовском крае говорить нельзя. Но рассматриваемый плакат содержит так много материалов, обогащающих наши сведения о биографии Пушкина, пушкинской эпохе, что выпуск его следует признать правомерным и полезным. Если говорить о частностях, не все здесь представляется бесспорным и точным. Вряд ли справедливо относить к числу родственников Пушкина Н. И. Гончарову, Н. К. Загряжскую, Ксавье де Местра (последнего только потому, что он был женат на тетке Наталии Николаевны — С. И. Загряжской). Явное преувеличение содержится в утверждениях: «Поэт хорошо знал этот край»; Мария Алексеевна Ганнибал «сыграла огромную роль в формировании личности Пушкина». В справке о Н. Н. Пушкиной неуместно выражение: «неоднократно воспета поэтом». Вероятно, следовало бы несколько сократить количество лиц, о которых идет речь, сосредоточив внимание лишь на тех, кто более долговременно был связан с Тамбовским краем. И, конечно, — избегать прямых опечаток, вроде отнесения Г. Р. Державина к XVII в. Но все это, действительно, частности. В общем же плакат составлен с такой добросовестностью и истинной любовью к Пушкину, так хорошо оформлен и отпечатан, что можно только пожелать, чтобы издания такого качества выходили в краях, где Пушкин длительное время жил и работал.

А. М. Гордин

² Пушкин и Тамбовский край. Литературный плакат. Автор Н. М. Гордеев. Научный редактор Т. Г. Цявловская. Художник В. А. Володин. М., Тамбовский областной институт усовершенствования учителей и Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1971 (объем 1 авт. л., тираж 20 тыс. экз.); ср.: В. К о м о в. Пушкин и Тамбовский край. «Известия», № 56, от 7 марта 1972 г.

СКУЛЬПТУРА А. С. ПУШКИНА В КАЗАНИ

В Казани 30 сентября 1956 г. состоялось открытие Театра оперы и балета им. Мусы Джалиля. Фасад здания обращен к площади Свободы. С его восточной стороны в нише стены установлена статуя А. С. Пушкина на высоком круглом пьедестале. Поэт изображен со скрещенными руками в сосредоточенной задумчивой позе. Скульптура сделана из алебастра и окрашена в темно-коричневый цвет. Статуя обращена лицом на Пушкинскую улицу. Автором этого скульптурного изображения великого русского поэта является Ольга Венцель. С другой стороны Театра оперы и балета, в подобной же нише, установлена скульптура, изображающая родоначальника новой татарской поэзии Габдуллы Тукая (автор скульптуры — О. Венцель), который восторженно писал:

Ты, как солнце светел, Пушкин,
И как мир огромен ты!

В Казани в настоящее время установилась традиция: весной, в день рождения Пушкина, устраивать праздник поэзии. У статуи Пушкина и Тукая читаются стихи обоих поэтов и произведения новых поэтов Татарии на русском и татарском языках.

Н. А. Васильев

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Арина Родионовна. Рисунок Пушкина в альбоме 1828—1833 гг. ИРЛИ АН СССР, ф. 244, оп. 1, № 838, л. 17₂. (Стр. 24—25).
2. Предполагаемый портрет Арина Родионовны, няни Пушкина, работы неизвестного художника школы Ступина. 1820-е годы. Всесоюзный музей А. С. Пушкина. (Стр. 24—25).
3. Надежда Осиповна Пушкина. (?) Рисунок Ксавье де Местра. 1810-е годы. Словацкий национальный музей. (Стр. 32—33).
4. Ксавье де Местр. Рисунок Н. П. Ланского. 1851 г. Словацкий национальный музей. (Стр. 32—33).
5. Александра Николаевна Гончарова-Фризенгоф. Фотография 1873 г. Словацкий национальный музей. (Стр. 32—33).
6. Дмитрий Николаевич Гончаров. Рисунок Н. П. Ланского. 1851 г. Словацкий национальный музей. (Стр. 32—33).
7. Иван Николаевич Гончаров. Рисунок Н. П. Ланского. 1852 г. Словацкий национальный музей. (Стр. 32—33).
8. Сергей Николаевич Гончаров. Рисунок Н. П. Ланского. 1851 г. Словацкий национальный музей. (Стр. 32—33).
9. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. Рисунок Н. П. Ланского. 1852 г. Словацкий национальный музей. (Стр. 32—33).
10. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. Акварель В. Гау. 1842 г. Словацкий национальный музей. (Стр. 32—33).
11. Александр Александрович Пушкин. Рисунок Н. П. Ланского. 1851 г. Словацкий национальный музей. (Стр. 32—33).
12. Григорий Александрович Пушкин. Рисунок Н. П. Ланского. 1851 г. Словацкий национальный музей. (Стр. 32—33).
13. Мария Александровна Пушкина. Рисунок Н. П. Ланского. 1852 г. Словацкий национальный музей. (Стр. 32—33).
14. Наталья Александровна Пушкина. Рисунок Н. П. Ланского. 1852 г. Словацкий национальный музей. (Стр. 32—33).
15. Пометы Пушкина, сделанные на обороте письма А. П. Плещеева. ИРЛИ АН СССР, ф. 244, оп. 1, № 346. (Стр. 84).
16. Бюст Пушкина работы М. К. Аникушина, установленный в Пушкинских Горах. Фотография. (Стр. 104—105).
17. Дом семьи Вульффов в Бернове. Фотография. (Стр. 104—105),

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
Н. Я. Эйдельман. Секретное донесение Геверса о Пушкине	5
Н. И. Грановская. Рисунок Пушкина. Портреты Арины Родионовны	27
Л. П. Февчук. Семья Пушкина. Изобразительные материалы в Словацком национальном музее в Братиславе	31
II. ОБЗОРЫ	
В. В. Зайцева. Пушкиниана 1971 года	44
Я. Л. Левкович. Документальная литература о Пушкине (1966—1971 гг.)	57
III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ	
М. Ф. Мурьянов. Из комментариев к пушкинским произведениям:	73
1. Армянское предание в «Гавриилиаде»	73
2. О стихотворении «Горишь ли ты, лампада наша»	80
Л. В. Чхидзе. Пометки Пушкина на письме к нему А. П. Плещеева	82
Л. А. Черейский. Забытый знакомый Пушкина	88
А. Д. Никольский. А. де Виньи об А. С. Пушкине	90
В. А. Макаренко. «Послание в Сибирь» Пушкина в переводе филиппинского поэта	94
IV. ХРОНИКА	
Государственный Пушкинский заповедник в 1971 г.	98
Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1971 г.	101
Государственный музей А. С. Пушкина в 1971 г.	102
Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино в 1970—1971 гг. (Горьковская область)	105
Музей А. С. Пушкина в с. Бернове (Калининская область)	108
Пушкинские дни в г. Бузулуке	110
Пушкин и Тамбовский край	110
Скульптура А. С. Пушкина в Казани	112
Список иллюстраций	113

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

1971 г.

*Утверждено к печати
Пушкинской комиссией
Отделения литературы и языка
Академии наук СССР*

Редактор издательства Н. Г. Гилинская
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор Н. Ф. Виноградова
Корректоры Н. И. Журавлева
и Г. И. Суворова

Сдано в набор 24/IV 1973 г. Подписано к печати
10/X 1973 г. Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бумага № 2.
Печ. л. 7^{1/4}+8 вкл. (1 печ. л.) = 8,25 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 10.27. Изд. № 5311. Тип. зак. № 274.
М-43703. Тираж 15 000. Цена 64 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В МАГАЗИНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»
ИМЕЮТСЯ В НАЛИЧИИ КНИГИ:

Библиография произведений А. С. Пушкина и литература о нем. (1954—1957). 1960. 326 стр. *Цена 95 к.*

Временник Пушкинской комиссии за 1962 год. 1963. 106 стр. *Цена 30 к.*

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений [в 16 томах. Справочный том. Дополнения и исправления. Указатели. 1959. 578 стр. *Цена 1 р.*

Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. Краткое описание. 1964. 112 стр. *Цена 45 к.*

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ В 1974 ГОДУ:

Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина (очерки). (План 1974 года, № 250, III кв.), 14 л. *Цена 90 к.*

Временник Пушкинской комиссии. 1972. (План 1974 года, № 252, III кв.), 12 л. *Цена 85 к.*

Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. (План 1974 года, № 289, II кв.), 30 л. *Цена 2 р. 30 к.*

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Словарь знакомых поэта. (План 1974 года, № 291, III кв.), 45 л. *Цена 2 р. 70 к.*

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ
ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ
ПО АДРЕСУ:

117463, Москва, Мичуринский проспект, 12,
магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»
197110, Ленинград, Петровзаводская улица, дом № 7,
магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы
«Академкнига»

В ПОРЯДКЕ УТОЧНЕНИЯ

В конце 1973 года вышел очередной выпуск органа Академии наук СССР «Временник Пушкинской комиссии». Здесь на стр. 112 опубликована небольшая заметка нештатного сотрудника Государственного музея ТАССР Н. А. Васильева «Скульптура А. С. Пушкина в Казани». Заинтересовавшись темой заметки, я решил проверить приведенные автором сведения и обнаружил несколько досадных неточностей.

По словам Н. А. Васильева, создателем памятника Пушкину, установленного в 1954 году на улице имени поэта возле театра оперы и балета, является Ольга Венцель. Но, как оказалось на поверку, такого скульптора не было. На самом деле автором памятника является Надежда Константиновна Венцель, ныне здравствующая и проживающая в Москве.

Установленный же по другую сторону театра оперы и балета (на Театральной улице) памятник замечательному татарскому поэту Г. Тукаю создан опять же не Ольгой Венцель (как утверждает в заметке)

и не реально существующей Н. К. Венцель, а московским скульптором Людмилой Ивановной Шулик-Ефимовой.

Узнав адрес Н. К. Венцель, я отправил ей письмо, в котором спрашивал, в частности: «Кто является автором памятника Пушкину в Казани, появившегося здесь в 1954 году, и кто создал тогда же памятник Б. Тукаю? По сведениям «Библиографического словаря художников СССР», автором является Вы. Точны ли эти сведения?»

Надежда Константиновна любезно ответила: «Да, я — автор памятника Пушкину в Казани, что стоит по боковому фасаду театра имени Мусы Джалиля. Автором памятника Тукаю является скульптор Людмила Ивановна Шулик-Ефимова... В 1952 году ко мне обратился архитектор Измаил Галлевич Гайнутдинов (автор проекта здания Татарского театра оперы и балета), которому понравилась моя аллегорическая фигура «Скульптура» на фронтоне театра в Сочи, с предложением вылепить памятник

А. С. Пушкину, а Шулик-Ефимовой (вместе с которой мы оформляли фронтоны в Сочи) — памятник Г. Тукаю. Это и было исполнено нами: оба памятника мы лепили одновременно в Москве в мастерских Скульптурного комбината».

Далее Надежда Константиновна сообщила мне также, что фронтоны театра оперы и балета скульптурно был оформлен «женской» бригадой: сама Венцель лепила горельеф, Шулик-Ефимова — две сидящие фигуры, а О. В. Кванхидзе — фигуру, стоящую на коньке фронтона и венчающую его.

В заметке Н. А. Васильева неверно указывается также, что памятники Пушкину и Тукаю сделаны из алебаstra. На самом же деле они из цемента (алебастр, как известно, подвержен разрушительному действию дождя, снега и других атмосферных осадков).

Наши памятники всегда очень дороги нам. Поэтому я и вношу эти уточнения.

Ю. СЛАВЯНСКИЙ.

Кандидат филологических наук, литературовед-пушкинист.